

Радик ВАХИТОВ

ШЕЖЕРЕ
Салавата

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Книжка учета выдан

З ТМО Т. 3.600.000 З. 2976—91

63.3.2100.62(4)
Радик Вахитов

ВЗЗ - 45

ШЕЖЕРЕ Салавата

13
54766 - 44710/10

45
Муниципальное учреждение
культуры "Централизованная
библиотечная система"
ГО с. КУМЕРТАУ РБ

Издательство
"КИТАП"
имени
Зайноб
Бижиевой

УФА - 2008

Вахитов Р. Ш.
В 22 Шежере Салавата. — Уфа: Китап, 2008. — 248 с.: ил.
ISBN 978-5-295-04504-2

В книге кратко описывается история происхождения башкирского народа, формирование его национальной идеи и процесс колонизации Урала. Рассмотрены сочинения историков и писателей советской поры о Салавате Юлаеве. Представлены его стихи и песни, дошедшие до наших дней, приведены эпические произведения, посвященные национальному герою башкирского народа. Автор предлагает вниманию читателей новые данные о предках Салавата Юлаева, его семье, детях и потомках, уточняет дату его рождения, места боев и обстоятельства ареста. Восстание башкир 1773—1775 гг. рассматривается в общей последовательности этапов национально-освободительной борьбы.

ТП — 2008

УДК 821.161.1-4
ББК 84-4 (2 Рос)

ISBN 978-5-295-04504-2

© Вахитов Р. Ш., 2008

От автора

Долгим и трудным был путь к этой книге. Путь длиною в прожитую к настоящему времени жизнь. Конечно, в далеком детстве не лежали передо мной белые листы бумаги и беглые строчки не лишали их девственной чистоты, но многое о Салавате Юлаеве я узнал именно тогда, в послевоенные 50-е годы теперь уже прошлого XX века, когда ходил еще в народе предания о нашем национальном герое. За полвека, прошедшие с тех пор, эти сведения так или иначе вошли в соприкосновение с историческими документами, сверились с ними, дополнили общую картину жизни и борьбы нашего национального героя.

У нас с ним одна родина. Я имею в виду малую родину, где мы появились на свет, где наша быстрая река Юрюзаны, вырвавшись из скалистых каньонов, разливается по долине, окруженной невысокими горами, поросшими удивительно чистыми лесами. Там близина берез прикрывается темной зеленью сосен и елей, а кусты калины, с повисшими на них шишечками хмеля, никак не хотят уступать по красоте серебристому наряду осин.

Долина богата родниками и маленькими речушками, на которых во времена моего детства еще стояли развалины водяных мельниц, скрытые от посторонних глаз густыми зарослями ольхи. Стоило войти в сумрак прибрежной ольховой рощи, как взгляду открывалось большое водяное колесо, какие-то желоба, затворы со штурвальными рукоятками. Все это отдавало таинственностью старины. Детское воображение тут же начинало рисовать старого бородатого мельника и русалку, выглядывающую из глубины озера, куда стекала вода с мельничного колеса. Но колесо уже не крутилось, и русалка не покидала своего убежища, а громадные кованые гвозди, торчащие из досок, напроць отбивали желание лезть по развалинам мельницы. Выбравшись на солнечный свет и оглядевшись, можно было заметить следы платины, некогда перегораживавшей ручей, и остатки устройства, по которому вода попадала на колесо. Такие развалины

водных мельниц встречались на всех ручьях, протекающих в округе, а на некоторых речках стояли каскады таких мельниц.

Через мою родную деревню Каратаулы протекает речка Шардали. Как объяснил мне мой отец, название этой речки связано с тем, что зимой лед на ней замерзает напльями, называемыми «шар». На этой речке как раз и стояло несколько водных мельниц, только в окрестностях нашей деревни их было три.

Издавна башкир привлекали прибрежные луга, раскинувшиеся вдоль Юрюзани и ее притоков. Здесь, на невысоком холме и располагалась наша деревня Каратаулы. Ее улица тянулась по берегу речки Шардали и около устья упиралась в Юрюзань.

Из нашей деревни уходили четыре дороги. Первая тянулась на север, где у кромки горизонта в дымке расплывались контуры горы Янгантау, извергающей тепло из своих недр с памятной нам середины XVIII в. и по сей день. Это дорога на Екатеринбург, старинный Сибирский тракт.

Вторая дорога, ставшая продолжением улицы по направлению к Юрюзани, пройдя через паромную переправу, сплывает вдоль берега к Калмак-аулу и, поднимаясь на гору, уходит к мишарской деревне Лак, Лаклы, и далее к Саткинскому и Златоустовскому заводам.

Третья дорога — это дорога моего детства. Она поднимается по косогору к уровню Болонбай, на невысокое нагорье, где располагаются ближайшие леса. Сюда чаще всего мы ходили собирать землянику, клубнику, костянику, хариону, драли кору с таловых кустарников и сдавали ее в заготконтору, в результате чего нам удавалось выручить небольшую денежку для похода в кино. Побродив по лесу несколько часов, с наступлением полуденной жары мы спускались к берегу чудесного ручья. Как чиста и холодна вода в этом ручье, да и название он имеет романтическое — Яше-елга, что означает примерно «жизнь и здравствуй!». Идет, к примеру, путник, сморил его летний зной, и вдруг на пути у него тенистый ольховник, а внутри среди деревьев течет ручей с чистой, холодной и удивительно вкусной водой. Напейся, отдохни, порадуйся жизни! Яше — живи!

Название ручья можно перевести и как «река слез», ведь «яш» по-башкирски означает еще и «слеза». Сколько слез проливали башкирские вдовы и дети, оплакивая своих мужей и отцов, погибших и казненных во время восстаний. Здесь также когда-то проходила Сибирский тракт, направлением на Уфу. Он тянулся через деревню Шаганай. Земли по ту сторону Яше-елги мы называли «Шайтан-як». Это и есть родина Салавата Юлаева.

Нет сомнений в том, что и Салават в знойную летнюю пору припадал губами и пил чистую холодную воду из этого ручья, и с каждым глотком воды жизненные силы его множались, дух крепчал и призывал к борьбе.

Четвертая дорога соединяет деревню Каратаулы со станцией Кропачево. Это уже современная дорога, берущая начало на большом перекрестке трассы Самара — Челябинск около станции Кропачево. Далее, за Каратаулами, она уходит на север, к Янгантау, к Екатеринбург.

За деревней Каратаулы, на лугах раскинулось несколько озер: Узуи-куль, Тепкыз-куль, Тунарак-куль и Ялан-куль. Одно из них, Узуи-куль, было не очень глубоким, и мы в детстве часто бороздили его бреднем, добывая на пропитание золотистых карасей. Жаренных и сметане карасей я и по сей день считаю лучшей пищей, дарованной человеку природой. Это озеро привлекало нас еще одним служением человеку. Здесь вымачивали мшоновую кору и получали из нее мочало. Оно использовалось для изготовления всякого рода веревок и канатов, без которых в деревне было не обойтись. Мы же, мальчишки, драли мочало с одной целью — пласти из него кнуты.

Другие озера имели топкие болотистые берега, где селились разные виды водоплавающих птиц, и по причине труднодоступности нами не посещались. Ялан-куль, расположенное по-прежнему, по направлению к старой паромной переправе, мы не баловали вниманием, опасаясь его глубины.

Юрюзань здесь усмиряет свой крутой нрав и разливается меж невысоких берегов. В иных местах она шумит перекатами, не успев еще успокоиться от бурной молодости, проведенной в верховьях, где она мощным потоком пробивалась через узкие ущелья Уральских гор.

Всякий раз, возвращаясь на эту нашу малую родину, я иду к Юрюзани — реке моего детства. Люблю постоять у шумливого переката или посидеть на берегу напротив высокой скалы у старой паромной переправы. Кажется мне, что река с верховьев несет в своих водах память о Салавате. Год за годом, век за веком рассказывает она людям о прошлых поколениях, о многолетней и жестокой борьбе за право жить свободно на этой прекрасной земле. Из поколения в поколение передается свободолюбивый дух Салавата, молодой порыв, вера в святое дело, его мужество и преданность борьбе. Будто все еще несет река его стихи и песни о родине, о свободе, о вере, о любви.

Салават пришел ко мне из той далекой страны, которую называют страной детства. Как-то я пытался вспомнить самое раннее событие в моей жизни, сохранившееся в памяти. И встал перед глазами наша деревня, ставшая уже районным центром, детский сад. Вот моя мама, заведующая этим садом, выводит нас на площадку. Мы идем строем, парами — мальчик с девочкой, в руках у нас красные флажки.

— Мама, а зачем мы сюда пришли?

— Митинг будет, посвященный 200-летию со дня рождения Салавата Юлаева.

Первые юбилейные торжества, посвященные 200-летию Салавата Юлаева. Райцентр Салаватского района, 1952 г. Автор — I ряд, третий слева

- Он здесь родился?
- Да, недалеко, в нашем районе.
- А что сейчас будет?
- Памятник ему поставят.
- А кто он, мама? Танкист или летчик?
- Нет, он — наш национальный герой.
- А как это — национальный герой? Он на чем воевал — на танке или на самолете?
- Он воевал на коне, как Чапаев. Стой, смотри и слушай, сейчас все расскажут. Что не поймешь, дома у бабушки спросишь.

Моя мама невесткой попала в наши края и мало что могла рассказать о Салавате Юлаеве. А вот бабушка Фатыма, мать моего отца, выросла и прожила всю свою жизнь в деревне Каратаулы. Она родилась в 1908 г., хорошо помнила эпизоды Гражданской войны, которую пережила подростком, знала много преданий о Салавате Юлаеве.

Бабушка Фатыма и поведала нам в тот вечер, каким героем был Салават, за что боролся, каким запомнил его народ, рассказывала о его родстве с нашим родом через его жену. Она спела несколько песен о нем, какие-то куплеты, которые в народе считались сочиненными Салаватом. Большим знатоком песен Салавата и песен о нем был дядя Гарифьян Султанов, известный

Бабушка Фатыма, родственница жены С. Юлаева Зулейхи, хранительница преданий о Салавате

в наших краях песенник и скрипач. От него бабушка Фатыма и услышала эти песни. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. она проводила на фронт и моего деда, и моего отца. Дед Казыхан пропал без вести в 1944 г., а отец Шакир вернулся и стал работать в районной прокуратуре сначала помощником прокурора, а затем прокурором Салаватского района.

Моя тетя Манзума в 1949—1950 гг. жила и работала учительницей в деревне Шаганай. Это была единственная деревня, связанная с именем Салавата, не сожженная карателями. Молоденькая учительница местной начальной школы также знала предания о Салавате, о его потомках, живших здесь, и она рассказывала их нам, когда приезжала в родительский дом.

Летом 1952 г. моего отца забрали прямо с пояса около хутора Куркина. Приехал милиционер на трехколесном мотоцикле, посадил его в машину и увез. Мама и бабушка плакали — то были сталинские времена, те, кого увозили, редко возвращались домой. Но нам повезло. Через несколько дней отец вернулся, получив назначение на должность прокурора Уфимской области Башкирскую АССР разделили тогда на Уфимскую и Стерлитамакскую области. В холодную зиму 1952—1953 гг. мы переехали в Уфу, и я стал городским жителем.

Но едва звенел последний звонок, ищевавший о начале летних каникул, как я с любой оказией старался уехать в родные места. Так и не полюбив я жизнь городских мальчишек, она ка-

задасть мне пустой и скучной. Не нравилось мне кататься на самокатах или на заднем фаркопе трамвая, именуемом «колбасой», гонять голубей и лазить за ними по крышам. Моей страстью с детства стали лошади, а они были там, в Каратаулах.

По-моему, башкирский мальчишка, как только родится, так и начинает страстно мечтать о том, чтобы прокатиться верхом на лошади. Как рассказывает башкирский народный эпос «Юлай и Салават», Салават также с детства очень любил коней, объезжал молодяток, мог на скаку поднять с земли шапку или платок.

Конечно, у Салавата в детстве было больше возможностей для верховой езды, чем у нас. Его семья имела много лошадей. Были у них и кумысные кобылы, и молодые неукы, и обученные кони, и, конечно же, скакуны, которых держали специально для скачек на сабантуе.

Мы, мальчишки послевоенной поры, такого выбора не имели. Наши деды еще до войны, в 30-х годах XX в. отвели своих коней на колхозную конюшню и сдали в колхоз. Во время Великой Отечественной войны многих из этих лошадей забрал на фронт, оставшихся большей частью заморили голодом, иных съели. Те жалкие остатки, которые выжили, как правило старые кобылы, были так замучены тяжелой работой, что их называли не иначе, как колхозными камнями.

Мы, мальчишки, по-своему их любили, прикипали душой, и у каждого из нас была в колхозном табуне своя любимица, имевшая длинногого жеребенка. Ради них мы увязывались за взрослыми на колхозный сенокос.

Скошенное сено обычно стробали в жаркие летние дни. Женщины с песнями скатывали граблями покосы в небольшие кучки. Мы подъезжали к ним верхом на лошади, запряженной в волокушу, на которую молодые парни грузили сено. Потом везли это сено к стогу, развязывали веревки волокуши, конна сползала с нее. Мужики, которые были послабнее других и повыше ростом, метали сено в стог, а мы вновь ехали грузиться.

Такую работу и верховой ездой-то можно было назвать лишь условно. Лошадь была запряжена русской упряжкой в волокушу, и мы сидели не на седлах, как обычно ездят верхом, а на горбчатых железных сиделках, поверх которых была брошена лишь старая телогрейка. Это было примерно так же, как и сидеть верхом на ребре доски. Слепни роем нападали на нас и на лошадей. Казалось, что длинный летний день никогда не закончится. Но мы терпели только ради того, чтобы в обеденный перерыв и после работы покататься верхом на лошади.

В один из таких дней, когда полуденная жара валела с ног, и колхозники отдыхали, мы, мальчишки, как обычно, распрягли лошадей, сели на них верхом и отправились на Юрюзань кушать. Там мы мыли коней, взбирались им на спины и прыгали в воду. И вот, стоя на спине кобылы Машки, я увидел неподалеку, за

изгибом реки, какой-то грузовик. Немедленно двое из нас снарядились в разведку. Вскоре они вернулись и рассказали, что заводские люди из г. Сима, человек десять, переторговали реку сетями около устья ручья, где обычно табунами ходил подуст. Его-то они и загоняли в сети матом и боталом.

В этом же месте еще утром мы поставили свои «морды», ловушки для рыбы, сплетенные из ивовых прутьев. Они, естественно, пустые валялись на берегу, а рядом стоял неполный мешок рыбы. Годы были голодные... Едва ли только у меня одного на губах тогда почувствовался вкус наваристого рыбного супа, и не я один сглотил лишнюю саюну. Но наших сил, хоть и верховых, было явно недостаточно для серьезного разговора с этими людьми, опорожнившими наши «морды». Мы тихо удалились с реки за подмогой.

Парни постарше сразу взяли операцию в свои руки. Они ссадили нас с коней, сами сели верхом и поскакали к реке. Конечно, мы не могли остаться в стороне от столь интересных событий, и наши голые пятки мигот засверкали в том же направлении. Нам было не утнаться за верховыми и завязки сражения мы не увидели, а когда подбежали, около грузовика уже кружили всадники. Конский топот, пыль, хлопание кнутом, крики, ругань... Высокий рыжий мужик, стоя в кузове, размахивал длинной рукояткой, которой в те времена «заводили» моторы автомобилей. Этой железкой он все-таки достал моего дядю, но тот, падая с Машки, сумел уцепиться за мешок с рыбой, который заводчане пытались забросить в кузов. Мешок упал на землю, и рыба вывалялась из него.

До этого момента заводские и деревенские дрались деловито и старательно, но как только рыба чешуей своей сверкнула на земле, все разом остановилось — добыча оказалась у нас. Кто-то из наших парней выплюнул зуб, другой стал утирать кровавые сопли, а заводчане махом сгрудившись в кузове и заняли круговую оборону. Они не успели одеться и следы ударов кнутом багровыми полосами выделялись на их белой коже.

Далше драться всем как-то расхотелось, но и просто разгеться было невозможно. Вот, наконец, рыжий мужик с рукояткой-заводилкой решился прыгнуть с кузова и крутануть мотор. Никто ему не мешал. Деревенские парни с интересом наблюдали, как заводится эта техника.

Грузовик без труда прорвал цепь конников и выехал на проселочную дорогу. Противник покинул поле боя. Все кинулись делить рыбу, но какая-то неведомая сила подтолкнула вдруг меня, подбросила на любимую кобылу Машку и потыкала за грузовиком. Торжество победы не умещалось во мне.

Вот мы уже несемся в шалы грузовика, подпрыгивающего на ухабах. Я машу кнутом над головой, Машка, прижав уши, стелется в бешеном галопе, не отстаёт от нас и ее рыжий белоногий

жеребенок. Кто-то из людей в кузове грозит мне кулаком. Один встает и, размахивая черенком ботала, кричит: «Ща-ас я тебе мозги вышибу, Салаватка окаванный!» Вдохновенный столб высоким для меня сравнением, и готов был продолжить поединок и уже прицельно замахивался кнутом, пытаясь щрачком достать противника, но Машка подустала, галоп ее отяжелел, и грузовик исчез за клубами пыли.

Вот так, нет-нет, да и повторились в череду годов стычки башкир с заводчанами, начатые еще юным Салаватом, за земаю, за реку, за рыбу, за лес, за борти, за охотничьи угодья.

Жизнь в деревне строго привязана к деревенскому стаду. Утром, с рассветом хозяйки доят своих коров и, как только захлопнет кнутом пастух, выгоняют свою живность на улицу, где она сбивается в стадо и уходит из деревни на дальние пастбища. Целый день скотина кормится, а люди работают. И заканчивают они свою работу тоже к возвращению стада.

Вечером стадо надо встретить, чтобы скотина не прошла мимо своих ворот. Не «загуляла» ли молодая телка, не отбилась ли с быком от стада? Все ли овцы пришли? Вот и сидим мы — стар и млад на холме, на краю деревни, ждем стадо. Солнце уже клонится к закату, а его все нет и нет.

Дед Шаймухамет Аюпов, как всегда, сам ждет стадо. Он живет вдвоем со своей старухой, ей уж тяжелоовато бегать, загонять скотину, а дед еще хоть куда: молодец, сухопар и в ясном уме. Обычно он рассказывает нам, мальчишкам, разные истории, случившиеся на его веку. Сегодня же он ударился в глубокую старину, заговорил о Салавате.

— Вон там, на краю леса, где начинается урочище Болонбай, мишары догнали Салавата, — дед указывает хворостинкой на другой конец деревни, откуда проселочная дорога уходит на Шагнай-аул.

— У него что, лошадь устала, — допытываюсь я.

— Нет, — отвечает бабай, — Салават шел на лыжах, лошадей своих они оставили здесь, у Рахая. А мишары ехали верхом. Там на косогоре снег был неглубокий, их лошади с трудом, но прошли, и они окружили Салавата.

— А кто такие мишары?

— Есть у нас в районе, по дороге в деревню Месчугут, Шарып-аул. Эти мишары там оставались, то ли у своих родственников, то ли просто у знакомых. Они один народ.

— А потом что было? — мы уже смотрели старику в рот.

— Салавата и его товарищей связали, бросили в сани и повезли вот по этой дороге к Юрюзани, на тот берег, в Калмак-аул. Там был допрос. Потом Салавата куда-то увезли, только его лошадь долго стояла привязанная у того дома, где был допрос. Потом кто-то отнял ее, седло снял, а лошадь отпустил. Она убежала домой, в Юлай-аул, а седло жителя Калмак-аула спрятали,

Аксакал, краевед Ш. Аюпов, поведавший предание об аресте С. Юлаева в г. Ст. Каратаулы, с дочерью Фаизрой

долго хранили. Еще до войны Гарифьян Султанов сдал его в музей.

Тут из-за горы показалось деревенское стадо и враз мы бросились звать своих кормилиц, забыв Шаймухамет-бабай и его рассказ об аресте Салавата. Но семена, брошенные в детскую память, обычно все равно когда-нибудь прорастают, тем более, что было кому их полить и взрастить.

Немного выше по течению Юрюзани в нее впадает речка Кускинды. На ее берегу располагались кочевья рода Салавата — его отца, деда, других родственников. «Кускинды» так и переводится — кочевье. Здесь хорошие заливные луга, а по берегам речки трава зеленеет от ранней весны до поздней осени. Действительно, очень удобно для летнего кочевья. Видимо, и поселения людей здесь возникали на мес-

те летних стойбищ. Отсюда и название речки. Вот только где располагались их зимние стоянки?

Богатство недр, обилие ручьев и рек обусловили развитие здесь металлургии и металлообработки с очень давних времен. Древние металлурги и кузнецы из башкирского племени кувакин выплавляли железо еще до начала нашей эры. Недра земли на берегах Юрюзани давали руду, а на мелких речушках строились плотины и водяные колеса, от которых приводились в действие горны плавильных печей и механические молоты кузнечных мастерских. Но императрица Анна Иоанновна, напуганная очередным башкирским восстанием, издала Указ от 11 февраля 1736 г., согласно которому эти плавильни и мастерские были разрушены, плотины и водяные колеса переданы в мельницы. Отсюда обилие последних в наших краях. Небольшие водяные башкир, расположенные на косогорах, давали немного зерна, и такого количества мельниц не требовалось для его перемала. Но сильны были традиции и навыки их создания у местного населения, потому здесь долгие годы был мельничный край. Этому способствовало и строительство здесь железоделательных заводов.

В начале XVIII в. один из «птенцов гнезда Петрова», купец А. Демидов увидел на Урале плавильни и кузницы башкир, познакомился с их рудознатцами. С благословления и при активной поддержке Петра Великого и началось строительство железоделательных и медноплавильных заводов на местах древних башкирских плавильни и кузниц. Россия не имела тогда ни инженерных, ни геологоразведочных кадров. На Урал пригнали тысячи крепостных крестьян, обуяных в лагты. Они и стали заводскими рабочими, строили заводы, учились у башкир искусству поиска рудных залежей. Не кто-нибудь, а башкир Исмаил Тасимов на свои средства учредил Горное училище в С.-Петербурге. Только тогда в России появились кадры горных инженеров. Урал поднимал Россию, деревянная, лапотная страна становилась в ряд индустриально развитых мировых держав.

И под заводы, и под заводские деревни, и под пашни заводских крестьян изымалась многовековая вотчинная земля башкир. Башкиры и их земля становились заложниками своих древних занятий — металлургии и металлообработки.

Строительство Симского завода на земле шайтан-кудейских башкир, захват земли под заводские деревни, вырубка лесов породили в середине XVIII в. всплеск национально-освободительной борьбы, в которой рос и мужал башкирский национальный герой Салават Юлаев.

Для нас, его земляков, Салават не только национальный герой, он наш человек, многие родственник, предок. На родине его знали и помнили с юношеских лет, пели его песни. Гордились им, когда он стал воином и полководцем. Память о нем — это память и о наших предках, ведь именно они первыми откликнулись на его боевой клич-оран, они вместе с Салаватом насмерть стояли на берегах Юрюзани, Сима, Ая, Кусьянды, защищая свою родину от полчищ карателей. Может быть, поэтому мы столь дорожим памятью о нем, бережем ее, стараемся сохранить для потомков, передать ее чистой и светлой, такой, какой эта память сохранилась в наших сердцах.

Глава I

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Башкирский народ зародился и жил на богатейшей уральской земле. На этой земле и в ее недрах есть практически все, что нужно человеку. Башкирская земля всегда была лакомым куском для разного рода захватчиков, и башкиры имеют богатейшую историю защиты своей родины. В крепостнической, рабской России они сохранили свою землю, свободу и веру, совершив исторический подвиг — остановив продвижение крепостного рабства на восток, на Урал.

Много сынов башкирского народа положили свои головы за это святое дело. Но почему именно Салават Юлаев стал национальным героем башкирского народа? Да, он был сподвижником Пугачева, одним из предводителей восстания башкир против колониального гнета, имел воинские звания «главный полковник», «бригадир». Но ведь были с Пугачевым и более знатные башкиры.

Возьмем, к примеру, Базаргула Юнаева, старшину Мякотинской волости, депутата Уложенной комиссии 1767—1769 гг. Несколько слов об этой комиссии. Молодая императрица Екатерина II, жена императора Петра Третьего, урожденная мелкая принцесса Софья Ангальт-Цербтская, пришла к власти в России с помощью своих любовников, братьев Орловых — Григория и Алексея. Но, оказавшись на российском троне, вдруг поняла, какая большая и совершенно непонятная ей страна оказалась под ее управлением.

С целью хоть как-то познать страну она отправилась из Твери на судах вниз по Волге, посетила Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Симбирск и сухопутным путем вернулась в Москву. Перед этим с ее подачи Сенат принял указ об учреждении комиссии для сочинения проекта нового Уложения — документа, регламентирующего жизнь страны под ее монаршей властью.

Во время путешествия императрица принимала прошения от россиян. Большая часть просьб была подана помещичьими крестьянами и содержала жалобы на тяжкие поборы со стороны помещиков, на издевательства над крепостными людьми. Все эти просьбы были возвращены с утверждением, чтоб впредь их не подавали.

Однако императрица Екатерина II внесла на рассмотрение комиссии свой «Наказ», в котором предлагала обсудить и вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Но при обсуждении этого вопроса получился противоположный результат. Право иметь крепостных крестьян, кроме дворян, стали требовать и купцы, и казаки, и даже духовенство!

Одним из 428 депутатов этой комиссии был Базаргул Юнаев. Он составил и представил в Уложенную комиссию наказ башкир Исетской провинции, в котором отстаивалось право на свободу вероисповедания, представительство башкир в органах власти, требование о прекращении захвата башкирских земель. Но его наказ, как и наказы другого башкирского депутата Туктамыша Ишбулатова, остался безрезультатным.

В конце 1773 г. Базаргул Юнаев возглавил повстанческое движение башкир Зауралья, участвовал в осаде Челябинска. Он был возведен Пугачевым в фельдмаршалы, брал с ним Казань. Так же, как и Салават, Базаргул продолжал борьбу и после поимки Пугачева.

Как видим, и воинским званием, и участием в крупных операциях, и близостью к Пугачеву, и авторитетом политического деятеля Базаргул Юнаев превосходил Салавата.

Или взять, к примеру, Кинзю Арсланова — старшину, сына батыра и тархана Арслана Аккулова, участника восстания 1706—1711 гг. Сын же самого Кинзи — Сляусин Кинзин был пугачевским полковником.

Кинзи Арсланов — один из главных предводителей Крестьянской войны, идеолог и организатор башкирского национального движения, автор манифестов Пугачева в

адрес башкирского народа, верный соратник Пугачева, прошедший с ним до конца весь боевой путь. Так же, как и Салават, имел воинское звание — главный полковник.

Можно перечислить много знатных башкир, принявших участие в этом восстании. Весь цвет башкирской нации поднялся тогда на борьбу с колониальным гнетом. Почему же именно Салават Юлаев стал национальным героем, путеводной звездой башкирского народа, свет от которой все еще льется на родной Башкортостан?

История восстания под предводительством Е. Пугачева, изучение которой было начато еще А. С. Пушкиным, прошла через призму коммунистической идеологии. Сам Пугачев — самозванец, казнивший и грабивший безвинных людей только за верность долгу и отечеству, был представлен этой идеологией как защитник интересов трудового народа, крепостных крестьян.

Таких героев, как Пугачев, коммунистическая идеология создала немало. Был, например, Павлик Морозов, предавший деда и отца во имя классовых интересов. Как только коммунисты не пытались возвысить это предательство в детских умах. Мой отец рассказывал, как в детстве ему за отличную учебу доверяли играть роль Павлика Морозова в школьном спектакле.

Но не стал Павлик Морозов народным героем. Не стал им и Пугачев, несмотря на то, что до основания потряс устои Российской империи. Потряс так, как никто другой, но о нем не слагали и не пели песни, как, например, о Степане Разине.

Салават Юлаев, может быть, и стал национальным героем потому, что в своей борьбе за интересы башкирского народа не был так близок к Пугачеву, как, например, Кинзи Арсланов. Не все дела и намерения самозванца совпадали с интересами, моральными ценностями и обычаями башкир. Грабеж состоятельных и знатных людей, верховенство бандитов с большой дороги никогда не приветствовались в башкирском народе.

Башкирский народ в то время не был расслоен на классы, и классовая борьба не имела места среди башкир. Зажиточная жизнь, достаток были вековыми стремлениями, многие из башкир в мирное время владели тысячными табунами лошадей и сотнями бортей. Бедняков было мало, единцы, и состоятельные старшины были обязаны, по народным обычаям, оказывать им материальную поддержку, старались помочь беднякам выбраться из нужды.

911 011111 - 90748

Государственный архив
г. Казань

=

Такие обычаи уходят корнями в глубокую древность и выражают способы взаимопомощи, сформировавшиеся еще при родовом строе. Обычно состоятельный родич выделял своему обедневшему родственнику какое-то количество скота с условием, что тот будет пасти и его скот. После отработки скот, полученный бедняком, оставался у него и способствовал выходу его из нужды. В некоторых случаях, при благоприятных погодных условиях, когда скотина хорошо размножалась, богатые башкиры просто жертвовали своим бедным родственникам некоторую часть своего стада. Это считалось богоугодным поступком и способствовало росту авторитета.

Известный путешественник конца XVIII в. И. Г. Георги с удивлением писал о таком обычае: «Поелику не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников (считал, что в России все рабы. — Р. В.), то богатые наделяют скудных скотом, а сини в знак благодарности пригадывают за скотиною благодетелей. Ежели табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодателью и разделяет по бедным людям знатное число скота».

Другим способом поддержки бедных родственников являлся хауын — передача молочного скота во временное пользование. Что говорить, получение дойной коровы с условием ее содержания для бедных семей было избавлением от голодной смерти.

Семьи оказывались в тяжелом положении не только вследствие потери скота. В многочисленных восстаниях часто гибли главы семейств. Среди башкир, как и среди других тюркских народов, был распространен обычай, называемый левиратом — женитьба на вдове умершего брата или дяди. Башкиры не оставляли вдову и ее детей на произвол судьбы и жалкое существование. По башкирским обычаям, при любом ударе судьбы каждый ребенок находил приемных родителей, и это были близкие ему по крови люди. Если умирала мать, то отец имел право, по обычаю, взять в жены сестру или племянницу умершей жены (сорорат).

Изначально, с древних времен и до современности, обычай башкирского народа противостоял бедности, нищете и несчастью.

Последнее, известное мне, проявление этого обычая произошло после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в Салаватском районе Республики Башкортостан.

В районную прокуратуру поступило письмо о том, что в одной из деревень коммунисты-начальники развели многоженство. Мой отец Шакир Вахитов, тогда районный прокурор, выехал туда с целью проверки. Собрали людей. Действительно, и председатель сельсовета, и председатель колхоза, и бригадиры, явившись при орденах и медалях, показали одно и то же: «Брат мой погиб на фронте, защищая Родину, семья осталась без кормильца, в деревне голод, кушать нечего, живем вместе, семью брата взял к себе, таков обычай, стараемся выжить...»

Испланил свой родственный долг и Салават Юлаев. Он еще совсем молодым женился на вдове своего умершего брата.

Национальным героем становится тот, кто своими делами, жизнью способствует осуществлению национальной идеи народа, его вековых чаяний. Только таких героев народ помнит в своих преданиях, о таких славет легенды и поет песни.

В чем же заключалась национальная идея башкирского народа и когда она зародилась? Национальная идея народа — его чаяния формируются вместе с народом, в зависимости от среды обитания и образа жизни.

Башкирский народный эпос «Урал-батыр» рассказывает о зарождении древних башкир на Урале, в горно-лесной зоне, среди нашей уральской природы. Древние люди, оставившие на стенах уральских пещер свои рисунки, были нашими очень далекими предками. Совсем не случайно на этих рисунках чаще всего изображены лошади. На поселениях Урала позднего каменного века археологи также обнаружили кости лошади, причем в преобладающем числе по сравнению с костями иных домашних животных. В других местах лошадь рядом с человеком появилась значительно позже. На этом основании археолог Г. Матюшин высказал предположение, что на Южном Урале имело место наиболее раннее одомашнивание лошади. Здесь коня приручали и сели на него верхом.

Эпос «Урал-батыр» рассказывает:

Акбузат по всей стране
Собрал племя лошадей
И, став их вожаком, всех
На Уральские горы привел, говорит.

Приручили люди лошадей,
Стали они служить для верховой езды,
И размножилось племя лошадей, говорят.

Одомашнивание лошади в древнем мире было событием, открывающим новую эпоху в истории человечества. Это можно сравнить с изобретением мотора, пришедшего на смену конной тяге. Поэтому места, где разводились лошади, а также люди, этим занимающиеся, конечно же, были известны всему остальному миру.

«Колыбелью человечества» считается Средиземноморье. Отсюда потянулись торговые пути в разные страны. Сюда же сходились сведения от различных торговцев, кочевников, которых древние греки называли скифами. Эти сведения записывались разными учеными людьми и некоторые из них дошли до наших дней.

«Отец истории», древнегреческий ученый Геродот называл аргиппеями древний народ, живший на территории современного Башкортостана [1]. Само название можно перевести как «быстроконые». Гишо — конь, гишодром — место для испытаний лошадей. Есть в русском и башкирском языках слово «аргамак», пришедшее, по-видимому, из Древней Греции или Византии, означающее «быстрый конь». Пусть читателя не удивляет, что Геродот назвал древних башкир аргиппеями. В этом нет ничего особенного. Каждый народ на протяжении своей истории имел различные названия, исходящие от других народов. Казахи, например, и сегодня называют башкир остяками, иштяками.

Более важны те сведения, которые Геродот в начале V в. до н. э. сообщил о древних башкирах-аргиппеях. Впервые, он отметил, что страны и народы, живущие между Древней Грецией и аргиппеями, хорошо известны, у них бывают скифы и греки — торговцы из торговых городов северного побережья Черного моря. Геродот описал и внешний облик древних башкир: аргиппеев лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками. Среди башкирских племен до настоящего времени известно племя таз, или тазлар — лысые люди. Едва ли они были лысыми от рождения. Давно известна склонность башкир брить голову и бороду. Возможно, в обычаях народа в древности бритье головы имело место не только у мужчин, но и у женщин и детей, или это был какой-то религиозный

обряд. Не исключено, что это было вызвано необходимостью предотвращения кожных заболеваний или размножения насекомых. Так или иначе, «лысые люди» Геродота, аргиппеев сохранились в башкирском этносе в виде племени тазлар. Селения с таким названием есть и сегодня в Бураевском районе Республики Башкортостан. Тазлар жили и на берегах Юрюзани в нашей деревне Каратаулы.

Геродот отметил и место расселения древних башкир-аргиппеев: у подножия высоких гор, к западу от исседонов, народа, живущего в бассейне реки Исети.

Он описал и образ жизни аргиппеев: «Говорят на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Имя дерева, плоды которого они употребляют в пищу, — понтик... плод его похож на бобовый, но с косточкой внутри. Спелый плод выжимают через ткань, и из него вытекает черный сок под названием «ачи». Сок этот они пьют и смешивая с молоком. Из гущи «ачи» они готовят лепешки». «Ачи» на тюркских языках означает «кислый», значит, сок этого растения служил закваской для получения кисломолочных продуктов.

Здесь мы имеем редчайший случай, когда из языка столь древнего народа до нас дошло слово. Это тюркское слово! Значит аргиппеев — древние башкиры были тюркоязычным народом.

Что интересно, современные ученые до настоящего времени так и не определили это дерево, плоды которого составляли основу пищи аргиппеев. Высказывались предположения, что это *Prunus padus* L (подорожник). Дескать, джунгары в северном Китае и теперь еще едят с молоком плоды этого дерева [1, с. 608]. Конечно, это так же далеко от истины, как и Китай от Уральских гор.

Дерево, описанное Геродотом, по моему мнению, — это орешник, орех-лещина, фундук. Орех по-башкирски «сәтләүек», первоначально было «әсетләүек» — закислитель, закваска, «әсетке» по-тюркски.

Мы не знаем, какую долю занимал орешник в наших лесах в геродотовские времена, до начала нашей эры. Конечно, никто не подсчитывал площадь леса, занимаемую этим деревом — высоким кустарником. Но есть здесь косвенные сведения, позволяющие полагать, что орешника в наших лесах было много, и он давал хороший урожай.

Дело в том, что орешник-лещина тесно связан с медоносными пчелами, он цветет весной самым первым, обес-

печивая пчел самым ранним кормом. Пчелы же, посещая цветы орешника, опыляют его, способствуя появлению плодов, а те, в свою очередь, размножают поросли орешника. Даже 50 лет назад пчел в Башкортостане было значительно больше, и мы в детстве ходили осенью за орехами, как сегодня еще ходят по грибы и ягоды.

К сожалению, количество пчелиных семей в силу разных причин в последнее время резко сократилось. Перевелись и орехи. Уже практически никто специально не ходит в лес за орехами. А по свидетельству многих натуралистов, еще 250 лет назад количество пчелиных семей в лесах Башкортостана было несравнимо больше, чем сейчас. Следовательно, и урожай орехов тогда был также несравним с сегодняшним. Плоды ореха-лещины вполне могли быть основным продуктом питания для немногочисленного населения уральских лесов.

Геродот пишет, что аргиппей кислый сок «ачи» добавляли в молоко и пили кисломолочный продукт. Учитывая, что аргиппей занимались разведением лошадей, а другого скота у них было мало, то вполне понятно, что они доили и кобылиц. Молоко у аргиппеев было в основном кобыльим, смешивая его с «ачи», они получали кумыс и пили его. Совсем не случайно Лев Толстой, живя среди башкир и лечась кумысом, писал своей жене «о башкирах, от которых Геродотом пахнет». В это время он читал сочинения греческого историка.

Геродот отметил, что лошади аргиппеев не боятся холода и отягчно себя чувствуют в этом климате. Теплолюбивый грек писал, что у нас «зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа, да и остальные четыре месяца нетепло».

«Пастбища там плохие», — писал «отец истории». Действительно, горные долины не располагали к разведению большого поголовья домашних животных.

«Каждый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без покрывки», — так Геродот представлял себе жилище древних башкир. А это были летние шалаши из веток деревьев, которые на зиму оборачивали войлоком. Все это сооружение не трудно было переставить с места на место. Так рождалась юрта. Отметим, раз был у аргиппеев белый войлок, значит, были и овцы.

Особенно интересны следующие слова Геродота, касающиеся менталитета древних башкир: «Никто из людей их не обижает, так как они почитаются священными и у них даже нет боевого оружия. Они улаживают распри соседей, и если у них найдет убежище какой-нибудь изгнанник, то его никто не смеет обидеть».

Здесь описаны две очень важные особенности башкирского народа, присущие ему с древности. Первая — это природная дипломатия. Благодаря этой дипломатии башкиры нашли свое достойное место и в империи Чингисхана и в новом государстве Ивана IV, в России, которая и зародилась-то в результате дипломатических переговоров башкир с русским царем.

Вторая — это склонность башкир давать приют разного рода изгнанникам. Сколько русских крестьян, бежавших от крепостного гнета, староверов, ставших изгнанниками из-за преданности своей религии, нашли приют у башкир и сказать трудно. Во всяком случае, в России это было государственной проблемой.

Нельзя не отметить, что Геродот в своей «Истории» описал сотни народов, но только аргиппеев — древних башкир он назвал священными, а исседонов, их соседей, праведными. Отсюда можно сделать вывод о том, что в древности на Урале, или точнее в Зауралье, был какой-то религиозный центр, наподобие современных городов Иерусалим, Мекка и Медина.

Как здесь не вспомнить «Страну городов» Аркаим и городище на речке Синташта, левом притоке Тобола. На могильнике этого городища еще в 1600—1500 гг. до н. э. стоял прототюркский тенгрианский храм. Он имел довольно сложную конструкцию — над погребением был насыпан курган, на нем — возвышение в виде платформы, а над ней возвышался купол. Неизвестно сколько лет простоял храм в таком виде, но позже на его развалинах был сооружен другой храм — святилище, более сложное строение. Он имел вид девятиступенчатой усеченной пирамиды высотой не менее 9 м, сооруженной из бревенчатых срубов — клетей, грунта и камыша. На последнем ярусе располагалась площадка диаметром 24 м, и над ней возвышался купол! Ступени, или ярусы пирамиды, и верхняя площадка, купол, использовались для ритуальных действий [2].

Судя по тому, что Геродот упоминает близ этого храма священных и праведных людей — аргиппеев и исседонов, можно считать, что в геродотовские времена (V в. до н. э.) храм этот еще функционировал и служил местом паломничества.

И последнее, что надо отметить в сочинении Геродота: «Скифы же, когда приходят к аргиппеям, ведут с ними переговоры при помощи семи толмачей на семи языках». Значит, вот из какой древности идут сведения башкирских эпосов о «семиродцах», семи родах, образовавших племенное объединение башкирского народа. Раз семь родов, семь языков составляли единый народ, имевший единый межродовой, «особый», по Геродоту, язык, значит, была над этим народом единая власть и законы обычного права. Они жили в едином древнем государстве, представляющем собой объединение племен. Вот где корни государственности башкирского народа.

Управление всем башкирским народом во все времена осуществлялось общим собранием — курултаем, на который башкиры съезжались один раз в год. Каждое племя имело своего вождя — бия. Все это говорит о том, что самоуправление с самых древних времен было характерной чертой башкирского народа, элементом национальной идеи.

Разводи скот в тесных горных долинах, древние башкиры стремились во все времена закрепить за своим родом определенные пастбища. Эти пастбища переходили от одного поколения к другому, поэтому родовое, наследственное владение своей землей стало таким же традиционно необходимым элементом жизни башкирского общества, как и самоуправление.

Древние башкиры-аргиппеев со времен Геродота признавались соседями за людей святых, религиозных. Они имели свои прототюркские, тюркские храмы. Причем тюркизм, как описано в эпосе «Урал-батыр», зародилось здесь, на Урале. В его основе — «бессмертие» тюрков. О том как зарождалось это «бессмертие» и рассказывает эпос «Урал-батыр». Тюрки считали, что в потустороннем мире такая же жизнь, и собирали своих покойников в последний путь со всем необходимым. В могилу укладывали оружие, конное снаряжение, орудия труда, запас пищи, сосуд с питьем. Над могилой закалывали любимого коня.

Хоть и не было в канонах тюркизма религиозной вражды, и башкиры отличались известной веротерпимостью, но религией своей они весьма дорожили. Перемена религии означала для них и отказ от «бессмертия», с чем, конечно, им согласиться было трудно, если не сказать невозможно. Поэтому свобода вероисповедания с самых древних времен также составляла неотъемлемую часть менталитета башкир, их национальной идеи.

Таким образом, родовое наследственное владение землей, самоуправление и свобода вероисповедания образовали основу национальной идеи башкирского народа. Размещаясь в центре Евразийского континента, на плодородной и богатой недрами земле Урала, башкиры на протяжении всей своей истории оказывались в составе крупных государственных объединений мирового уровня. Интересно проследить, сохранились ли выявленные нами сведения и закономерности в последующие тысячелетия.

Мы пока не знаем истории древних башкир-аргиппеев в эпоху могущественного государства массагетов, сокрушивших во главе со своей царицей Тамарой сильнейшую армию персидского царя Кира (VI в. до н. э.). Но пребывание в башкирском этносе рода мясогуд и трех населенных пунктов с таким названием на территории Башкортостана, а также наличие персидских имен в башкирских шежере, например, рода тырнаклы, свидетельствует о том, что древние башкиры-аргиппеев входили в состав древнего государства массагетов, возглавляемого царицей Тамарой.

Деление народа на семь племен сохранялось очень долго. В начале II в. н. э. на степи Приуралья надвинулась орда народа хунну, переселившегося от границ северного Китая. Это были такие же страстные коневоды, как и древние башкиры.

На своем пути по югу Западной Сибири и берегам Яика народ хунну перемешался с древними тюрками. От границ Китая этот народ принес обычай искусственной деформации различных частей человеческого тела. Мальчишкам накладывали тугую повязку на голову, а девочкам одевали тесную деревянную обувь. От этого мужчины вырастали «яйцеголовыми», а женщины имели очень маленькие ступни ног. Это считалось весьма привлекательным.

Археологи обратили внимание на появление на Урале в захоронениях IV—VIII вв. «яйцеголовых» мужчин. Антропологи с особым вниманием изучают черепа скелетов древних людей, а вот деформация ступней ног у женщин осталась без внимания.

Образовавшийся в Приуралье народ, названный в истории гунами, ушел в IV в. покорять Европу, а его остатки, продвинувшись на север, на Урал, смешались с местным населением. «Яйцеголовые» черепа появились в захоронениях древней Уфы и даже севернее. В VI—VIII вв. на территории современного Башкортостана сформировался тюрко-угорский народ, известный под именем мадьяр. Именно этот народ от арабских путешественников X в. получил название аль-башгир, баджгур, башджард. (Подробнее об этом я написал в своей книге «Под крыло двуглавого орла». — Р. В.)

Поволжье и частично Урал в X в. были под властью Хазарского каганата. Это государство, контролируя торговые пути по Волге и Днепру, имело весьма значительную экономическую мощь. Но его военный потенциал, ввиду малочисленности населения, был ограничен. Хазария вела постоянную борьбу за сферы влияния с христианской Византией и мусульманским Арабским халифатом. В связи с этим хазарский каган стремился набирать наемных воинов из языческих народов, не связанных религиозными узами с христианами и мусульманами. Он и пригласил на службу язычников — мадьяр и руссов.

Часть мадьяр покинула Урал и отправилась на берега Днепра, где заложила городище, называемое в начале Угорским, а затем, после женитьбы их полководца на знатной хазарке. — Киду-кама, Киев, что означает «город зятя». Там мадьяры-башкиры попали в поле зрения византийского императора, который в своих записках отметил у мадьяр-башкирдов те же семь племен. Причем одно из них — георматоу было частью древнебашкирского племени юрматы. Оставшаяся на Волге часть мадьяр, по сведениям их сородича Юлиана (XIII в.), также состояла из семи племен. Это говорит о том, что на службу к хазарскому кагану ушли не отдельные племена, а наиболее подвижные, боеспособные части всех племен.

В начале того же XIII в. в 1207 г. старший сын Чингисхана Джучи совершил поход на запад к лесным народам. В конце своего похода он пришел к башкирским племе-

нам, которые добровольно выразили свое желание войти в империю Чингисхана на условиях национального суверенитета. Чингисхан закрепил за башкирскими племенами их земли, дал каждому роду отличительный знак — тамгу (аналог печати), обозначил птицу и дерево (аналог флага и герба).

Так еще раз реализовалась национальная идея башкирского народа. Успех был достигнут благодаря дипломатичности башкир, отмеченной еще Геродотом.

Поход Джучи и принятие башкир в подданство к Чингисхану описаны в «Сокровенном сказании монголов», где перечислены башкирские племена. Их было, опять-таки, семь: шибир, кесдин, банг, тухас, тенлек, тоелес и упомянутое выше племя таз — «лысые люди», по Геродоту.

Не все из вышеперечисленных племен имели свои этнические названия. По древнему тюркскому обычаю народы и племена часто называли по рекам, вдоль берегов которых они жили.

Тенлек — это река Таналык, правый приток Урала, протекает по юго-востоку современного Башкортостана. Тоелес — река Туяляс (русс. — Худолаз) с водопадом в Баймакском районе РБ.

Но, пожалуй, наиболее ярко национальная идея башкирского народа высветилась через 350 лет, когда башкиры, оказав помощь русскому царю Ивану IV при взятии Казани, проявив чудеса дипломатии, присоединились к его государству, оговорив при этом незыблемые вотчинные (родовые, наследственные) права на свою землю, самоуправление в лице вождей своих племен и свободу вероисповедания. При этом башкиры обязались платить налоги и нести воинскую службу в царской армии.

А ведь царь Иван IV шел на Казанское ханство во главе большой армии, побуждаемый своими приближенными покончить с басурманством — мусульманами. Он сжигал деревни и мечети, неисчислимы были жертвы с обеих сторон. И вдруг он начинает переговоры с таким же «басурманским» народом о присоединении его к христианскому Московскому государству, причем на условиях, предлагаемых этим народом.

В чем причина? Да, немалую роль сыграли здесь и веротерпимость царя Ивана IV, и его стремление создать многонациональное могучее государство, подобное Вели-

кой Монгольской империи. Но и многовековая национальная идея башкирского народа, реализованная уже однажды в империи Чингисхана, оказалась приемлемой для русского царя, причем в полном объеме.

Уникальность дипломатии присоединения башкир к Московскому государству заключалась в том, что при этом возникло новое государство — Россия, которое образовали народы с противоборствующими религиями: православные христиане и мусульмане. Мировая история и по сей день не знает другого такого примера.

Башкирские вожди небольшими группами потянулись в Москву и Казань, стремясь получить «жалованные грамоты», представлявшие собой по сути договор с царским правительством на вотчинное, другими словами, родовое, наследственное владение землей, самоуправление и свободу вероисповедания. В свою очередь они обязались нести «искреннюю» воинскую службу и платить налоги (ясак) медом и мехами в согласованном размере.

Первоначально ясак поставлялся в Казань. Но, после нашествия крымского хана в 1571 г. и сожжения Москвы, хан Девлет-Гирей стал требовать у царя Ивана IV отказа от Казанского и Астраханского ханств. Иван Грозный тянул с ответом, и хан Девлет-Гирей пошел повторно на Москву. В поддержку хану казанцы подняли восстание осенью 1572 г. и отложились от российской власти, но российской армии удалось разбить хана на берегах Оки. Иван IV направил свои войска на усмирение Казани. Через год они встали в Муроме.

Казань смирилась, бунт прекратился без кровопролития, но обстановка оставалась напряженной. Собирать здесь ясак от башкир и других народов было опасно. Поэтому стрельцы двинулись вверх по Волге, Каме и Белой Воложке к городу Уфе. Здесь около города Уфы, где при устье речки Сутолоки была небольшая заводь, удобная для пристани, они построили пункт по приему ясака. Это стало первым шагом в организации российского правления в Башкортостане.

Однако еще около 130 лет царское правительство практически не вмешивалось в жизнь башкирского народа, удовлетворяясь поступающим в казну ясаком и охраной башкирскими отрядами юго-восточных рубежей страны.

Но с появлением купцов Строгановых на Среднем Урале и проникновением банды Ермака в Сибирь, не царским повелением, а алчностью и жадной наживы этих людей началось продвижение русских на север Башкортостана. Царь Иван IV, недовольный смечкой Строгановых с бандой Ермака, издал было указ с целью остановить их, но оказалось поздно, кровопролития при завоевании Сибири избежать не удалось. На севере Башкортостана стали расти, как грибы, острожки и другие мелкие населенные пункты русских людей. Башкиры протестовали, пытались поднять восстания, но были подавлены.

Такая «ползучая» колонизация Башкирского края продолжалась вплоть до начала XVIII в. Вотчинные права башкир стали попирались подданными российского царя. Башкиры же аккуратно исполняли свои обязанности. Они вовремя платили ясак, а в «смутное время», при нашествии поляков, башкиры выставили в ополчение князя Дмитрия Пожарского все свое мужское население, посадив его на коней. Башкиры отстояли Московский Кремль, не дали его сжечь. Об этом историческом факте сообщил президент России В. В. Путин на юбилейных торжествах в г. Уфе, посвященных 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России.

Об истории колонизации Урала написано немало книг, но все они имеют один существенный недостаток. В них Россия, метрополия, приступившая к колонизации своих окраин, представляется некоей могучей индустриальной страной, имеющей большой опыт в металлургии и металлообработке, а освоение Урала, дескать, лишь этап в продвижении русских в Сибирь и Среднюю Азию на пути в Индию. Однако это было далеко не так. Обратимся к более ранней истории Руси, к X в.

Известно, что киевский князь Игорь заплатил хазарам дань мечами, оставив свою дружину практически безоружной. Он попытался было собрать дополнительную дань с древлян для покупки оружия, но был убит. Своего железа в Киевской Руси не было, оружие не производилось, и она оказалась на грани национальной катастрофы. Тогда княгиня Ольга, взятая за Игоря из-под Пскова из языческого народа веси, вспомнила о своих сородичах. Она собрала дружину и в 947 г. отправилась на север к своим соплеменникам. Нет, она не стала их грабить. Как написано в русских летописях, она обложила данью их погосты по рекам Мета и Луга.

Как можно обложить данью кладбища? Оказывается, просто. Ольга пригрозила раскопать могилы своих же предков и забрать все оружие, с которым язычники были похоронены. В ответ на ее угрозу соплеменники выдали ей требуемое оружие. Как написано в древнерусских летописях, позже славяно-русские князья не раз ходили на язычников с целью «побрать погосты». Это считалось их особой доблестью. Они уже не обкладывали данью языческие кладбища, как княгиня Ольга, а просто грабили их, раскапывая могилы. Многие века на Руси такой способ добычи металла «из недр» оставался единственным. Других месторождений железа на ее территории не было.

Существовала даже такая профессия — «бутровщики». «Бутровщики» были состоятельными людьми, но не пользовались уважением в народе. Молодые девушки часто отказывались выходить за них замуж, боясь божьей кары за вмешательство их в потустороннюю жизнь, но профессия эта жила долго. Даже в XX в. находились охотники раскопать древний курган. Один из таких случаев описан в романе М. Шолохова «Тихий Дон».

К такой Руси, к такому Московскому государству в XVI в. присоединились башкиры с богатыми и уже разведанными залежами черных и цветных металлов. Россия тех лет была страной деревянной, испытывала острый недостаток металла. Построить бревенчатый дом без единого гвоздя могли только русские мастера — гвоздей не хватало.

Петр I, побывав в Европе, понял отсталость своей страны. Он начинает основывать на Урале металлургические заводы. Первый из них, Невьянский, был построен в 1699 г. Эти заводы требовали большого числа рабочей силы, поскольку металл выплавлялся из руды с помощью древесного топлива, заготавливаемого артелями дровосеков, угольщиков, возников.

Стали вырубаться башкирские леса, под заводы и заводские деревни изымалась земля башкир. К заводам приписывали крестьян целыми деревнями. Так крепостное право шагнуло на Урал вместе с началом колонизации этого края. Тяжелый каторжный труд на заводах породил поток беглецов, которые с самых древних времен принимались башкирами. Бегство крестьян с заводов грозило срывом индустриализации Урала, и потому правительство требовало от башкир выдачи всех беглецов. Кроме того,

все деяния Петра I и войны легли тяжелым налоговым бременем на российский народ. Ситуацию усугубили чиновники на местах, мучавшие народ своими поборами и издевательствами. Активизировалось в своей религиозной нетерпимости православное христианское духовенство, развернув кампанию по принудительному крещению иноверцев.

Башкиры пробовали обратиться непосредственно к Петру I, снарядив делегацию из восьми человек. Однако послы арестовали, а их старшину повесили. Так царь Петр I приказал башкирам свое лицо. Позже он и вовсе призывал покончить с башкирами, навсегда обрусить Башкирский край.

Башкиры ответили чередой восстаний, потрясавших Россию с 1707 по 1774 г. Актар-Кусямовский бунт, начавшийся в 1707—1708 гг., закончился лишь в 1711 г., после того, как царское правительство официально пообещало соблюдать условия присоединения Башкортостана к Московскому государству. Башкиры отстаивали свою национальную идею. В этом восстании принял участие тархан Камакай Биккулов и Трупберда-батыр, предки Салавата Юлаева.

Однако в 1735 г., уже после смерти Петра I, царское правительство императрицы Анны Иоанновны решило реализовать его замыслы, направив в Башкирский край Оренбургскую экспедицию И. Кирилова. Эта экспедиция ознаменовала собой новый этап колонизации Башкортостана. Башкиры вновь подняли восстание, переросшее в национально-освободительную войну 1735—1740 гг. В этой войне выявилась целая плеяда героев башкирского народа, одним из которых был дед Салавата Юлаева — Азналыбай Карагужин.

В ходе этой войны царским правительством был нанесен первый за всю историю России удар по незабываемости вотчинных прав башкир на свою землю. Императрица Анна Иоанновна издала 11 февраля 1736 г. Указ, согласно которому «земли и угодья в Уфимском уезде у башкирцов уфимским дворянам и офицерам, и мещерякам купить и за себя крестить». Этим же указом башкирам запрещалось иметь кузницы, чтобы они не могли изготавливать оружие. Так императрица покончила с металлургией и металлообработкой башкир, развитых с очень древних времен.

Правители России всячески стремились разрушить договорные отношения, заложенные при присоединении

Башкортостана к Московскому государству. В 1754 г. Сенат своим Указом отменил ясак с башкир и мишар, заменив его на покупку соли из казны, в результате башкиры не могли бесплатно добывать соль из озер, расположенных на их же вотчинных землях. В условиях уничтожения карателями «жалованных грамот» на вотчинную землю, выданных башкирам в XVI—XVII вв., уплату ясака и документы об этой уплате башкиры считали гарантией своих прав на вотчину. Теперь они лишились и этих документов. Покупка соли башкирам обходилась в несколько раз дороже уплаты ясака.

Усиливалась принудительная христианизация края, сокращалось мусульманское духовенство, запрещалось строить мечети в тех деревнях, где кто-то из жителей принял христианство.

Родовые старшины, аксакалы, строго по обычаю отстаивавшие интересы своих родственников, стали заменяться ставленниками местной администрации, утратившими перед ней. К каждому башкирскому старшине приставлялись писари из мишар, которые верно служили властям и докладывали обо всех деяниях старшин.

Так стали рушиться и вотчинное владение землей, и самоуправление, и свобода вероисповедания — вековые чаяния башкирского народа, его национальная идея.

В 1755—1756 гг. башкиры вновь подняли восстание. Его идеологом стал мулла Габдулла Галиев, по прозвищу Батырша. Он написал воззвание к мусульманам Урала и Поволжья, в котором призывал к созданию независимого мусульманского государства.

Это восстание, как и все предыдущие, носило стихийный характер и было подавлено властями. В связи с тем, что это восстание отличалось явно выраженным религиозным оттенком, оно практически не изучалось в советское время. Правда, к 1940 г. был подготовлен и сдан в печать второй том Материалов по истории БАССР, посвященный этому восстанию. Но началась Великая Отечественная война 1941—1945 гг., и в осажденном немцами Ленинграде было, конечно, не до издания таких книг. Рукопись затерялась. Очень жаль. Интереснейший пласт истории остался недоступен широкому кругу исследователей.

В эпических произведениях башкирского народа есть сведения об участии в этом восстании Юлая Азналина — отца Салавата Юлаева.

В течение XVII—XVIII вв. за 200 лет национально-освободительной борьбы башкиры подняли 14 восстаний, брались за оружие через каждые 15—20 лет, по мере возмужания каждого следующего поколения. Но все эти восстания вспыхивали стихийно, без подготовки, не имели лидеров, способных объединить повстанческие силы на немалых башкирских просторах. Кроме того, везде находились достаточно авторитетные, состоятельные люди, пригретые властью и не спешившие подниматься против нее. Царское правительство умело сталкивало народы, поощряя, например, мишар в подавлении башкирских восстаний. За это им обещалось и действительно отдавалось многое — от вотчинных земель бунтовщиков до их жен и детей. Правителям России удавалось всякий раз подавлять эти восстания, проявляя особую жесткость к повстанцам, ведь истребление башкир было неотъемлемой частью колониальной политики.

В одном только XVIII в. выдвинулась целая плеяда героев: Алдар, Кусюм, Кильмяк, Акай, Юсуп, Тюлюксура, Бепеней, Аллазиянгул, Юдаш-мулла, Батырша, Базаргул, Кинзя и многие другие.

Так почему же все-таки Салават Юлаев стал национальным героем? Почему народ о нем слагал песни и эпические произведения, сочинял легенды, передавал предания на протяжении сотен лет? Однозначно на этот вопрос ответить трудно.

Подхватив обещания Пугачева исполнить многовековые чаяния башкирского народа — вернуть захваченные земли, свободу вероисповедания, возможность жить по своим обычаям, Салават тем не менее не стремился быть ближе к Пугачеву. Он не поддерживал самозванца в его действиях по признанию в нем царя и никого не преследовал за отказ это сделать. Башкиры открыто называли Пугачева — «Бугас-царь».

Салават даже сторонился Пугачева. Когда самозванец появился в пределах Башкортостана, Салават не сделал ни шага к нему навстречу. Он не пошел с Пугачевым за Каму, на Казань, на Волгу грабить помещичьи усадьбы. Там ему нечего было делать. Его родная земля располагалась на Юрюзани, на Ае, на Симе. Салават остался со своим народом биться за свою землю.

Салават был известен в народе и как поэт, и как песенник-импровизатор. Он пел в своих песнях о родных

уральских просторах, о народе и его древних обычаях, о священной вере предков. Соединение в нем таланта поэта и певца с воинской доблестью и даром полководца — олицетворяло собой духовный облик башкирского народа. Любовь к песне, к коню и отвага воина во все времена составляли неразделимую суть башкирского мужчины.

Салават всю жизнь оставался преданным мусульманином, свято чтя народные обычаи. Как истинный башкир, он любил дошадей, борьбу на поясах и охотничьи поединки с медведем. Он отлично владел верховой ездой и оружием, выделялся личной храбростью, сам водил в бой свои отряды.

После ареста Салават на допросах не выдал никого из своих товарищей, ни на кого не наговаривал, пытаясь спасти свою жизнь. Он мужественно перенес и пытки, и публичное битье кнутом на родине и на местах сражений.

Для башкир большое значение имело и то, что Салават Юлаев происходил из очень известного рода. В каждом поколении этого рода были известные люди: тарханы, муллы, абызы, батыры, возглавлявшие ранние башкирские восстания с начала XVIII в. Знатность рода, известность предков как героев национально-освободительной борьбы, конечно же, выделяли Салавата Юлаева из плеяды башкирских героев. И народ запомнил его, увековечил память о нем, сделал символом современного Башкортостана.

Глава II

САЛАВАТ И ПАМЯТЬ О НЕМ

Поезд приближался к Уфе. Пассажиры столпились у окон и старались увидеть его — памятник Салавату.

— Какой красивый, — восхищалась девочка, поднятая отцом на руки.

— Любому разбойнику с большой дороги готовы они грандиозный памятник поставить, лишь бы имел он национальные корни, — произнес стоявший рядом мужчина.

— Почему вы о нем так судите? — спросил я его.

— Читал роман «Салават Юлаев», — ответил он.

— Нельзя же судить о человеке по роману. Это же художественное произведение, вымысел автора, — пытался я возразить.

— Роман исторический, значит, соответствует истине. Неправду не опубликуют, — поставил он точку в нашем разговоре.

Каким Салават сохранился в памяти народа? Кажется, стоит ли задавать этот вопрос, ведь он возвеличен. Есть город Салават, именем Салавата назван его родной Салаватский район. Он наш национальный герой.

Но это имя. Оно безмолвно. Оно истинно принадлежит Салавату. А память о нем? Каким он возвеличен, каким он предстает перед нами? Был ли он действительно таким?

Трагична судьба Салавата — двадцать три года свободы, год борьбы, двадцать шесть лет каторги и смерть на

чужбине, без родных и близких. Это его судьба, а какова судьба памяти? Разве она менее трагична?

Образ Салавата в сознании нескольких поколений сформировался по роману Степана Злобина «Салават Юлаев». Автор работал над романом с 1928 г. по 1962 г. — почти всю свою творческую жизнь. Исследованием творчества С. Злобина в течение 35 лет занимался известный литературовед М. Рахимкулов. Если С. Злобин в романе создал свой образ Салавата, то М. Рахимкулов в своих статьях убеждал читателя в жизненности и исторической правдивости романа.

«Салават Юлаев» С. Злобина — первый роман, довольно полно и правдиво изобразивший жизнь и боевой путь легендарного героя башкирского народа», — пишет М. Рахимкулов [3]. «Благодаря этой книге имя национального героя башкирского народа Салавата Юлаева возродилось из полузабытья», — считает уважаемый литературовед.

Не могу с этим согласиться. Ни в забвении, ни в полузабытии Салават не был — ни в народе, ни в литературе. Сколько башкирских легенд и преданий посвящено Салавату! О нем писали А. Пушкин, Р. Игнатьев и многие другие за много лет до С. Злобина. Поэтому нельзя считать, что С. Злобин возродил имя Салавата. Оно не забывалось. Автор романа создал свой образ Салавата. Вспомним время, эпоху, в течение которой С. Злобин работал над романом. Это были годы царствования коммунистической идеологии. И подобно тому, как луч света, проходя сквозь оптические линзы, преломляется и распадается на все цвета радуги, так и личность Салавата, пройдя по роману, разделалась на цвета коммунистической идеологии.

Первый цвет, конечно — красный. «Он стремился показать социальную сущность Крестьянской войны XVIII века, классовый характер «пугачевщины», — пишет М. Рахимкулов в той же статье. И это действительно так. С. Злобин стремился показать классовый характер войны. Но в классовой войне воюют классы. Так с кем и за что воевал Салават, сын известного и богатого старшины? За башкирских и русских бедняков? По свидетельству известного историка Оренбуржья П. Рычкова, большинство башкир перед этой войной жили зажиточно, имея по 200—300 кобыл и сотни бортей с пчелами. А Салават, Юлай, Кинзя Арсланов и другие богатые и знатные люди, разве они пошли бы воевать за голодранцев? Нет. У баш-

кир это не принято. Бедняки тогда не были в почете. Бедняцкое происхождение, способствовавшее карьере коммуниста в советское время, в дореволюционной России было клеймом позора, особенно у восточных народов.

Интересы как башкирских, так и русских бедняков башкирскую знать не беспокоили. Как правило, отряды башкир возглавляли тарханы, старшины, сотники и мулы. За что они воевали? За счастье и светлое будущее башкирских и русских бедняков? Нет! Богатые и знатные старшины, рядовые вотчинники воевали, защищая свою родовую, вотчинную землю от нагаго захвата, против произвола чиновников, против притеснений и поборов. Борьба башкир носила национально-освободительный характер и слалась с пугачевщиной.

Пугачев обещал башкирам сохранить их земли, вольности и многие свободы. Я прочитал многие его указы и обращения. Он требовал одного — признать его царем Петром III.

Второй цвет — оранжевый. Как же в «оранжевом» цвете превратить Салавата, сына богатого и знаменитого старшины, в защитника бедняков? Для этого необходимо было в корне, с самого детства, переделать биографию Салавата. После первого ребячьего набега на завод, автор романа определяет Салавата на два (в другом месте — три) года в банду, где атаманом был беглый русский каторжник Хлопуша. Якобы два года Салават был разбойником на большой дороге. Чему его учил Хлопуша? «Он слепо шел за Хлопушей, останавливался на ночлег, где указывал тот, научился дышать, зарывшись глубоко в стог сена, согреваться на холоде только своим теплом, питаться корнями и не зевать, когда удавался случай стащить по дороге через деревню домашнюю утку или краюшку хлеба», — пишет Злобин [83, с. 118]. Оказывается, с детства наш национальный герой был мелким воришкой, беспризорником. Нет, не был Салават таким. Не воровал, не бродяжничал и не грабил. Нет никаких документов, рассказывающих об этом. Ни в показаниях свидетелей, участников восстания, ни в протоколах допросов Юлая и Салавата нет и намека на годы бродяжничества и бандитизма. Более того, на допросе в Тайной экспедиции 25 февраля 1775 г. Салават показал, что до появления Пугачева «жил в селении при отце своем спокойно».

В годы, определенные Злобиным для пребывания в банде, Салават завел большую семью и растил детей, а во время отсутствия отца, призванного в боевой поход, исполнял должность старшины. Так в январе 1772 г. по указу Военной коллегии из Уфы выступило башкирское войско — 3000 всадников. Это войско в составе российской армии участвовало в боях против польских конфедератов. Отрядом в 300 человек командовал Юлай Азналин. За воинские успехи Юлай был награжден боевым знаком. Салават остался старшиной вместо отца. Вот об этом свидетельствуют исторические документы.

Конечно, в детстве нам очень хотелось походить на Салавата. В наших играх он присутствовал незримо. Мы бились деревянными саблями с «войсками императрицы», защищая нашу землю.

А вот одно из следующих поколений мальчишек нашей деревни, следуя роману С. Злобина, организовало «банду Хлопуши». Подростки ночью утащили утку у одинокой старушки, зарезали тут же, а лапки положили бабке на крыльцо. Утром Вуфия-абий, открыв дверь, увидела эти лапки, ноги ее подкосились, и она упала замертво. Эта старушка была нашей родственницей, матерью моего друга детства, у них в доме я часто бывал. После этого трагического случая я долго не мог читать никакой литературы о Салавате.

Третий цвет — желтый. У Салавата было три жены, два сына и «прочие» дети. «Прочими» он, видимо, называл детей, доставшихся ему от умершего брата вместе с их матерью. Возможно, что двух сыновей он выделил потому, что они попали в плен к карателям, и за судьбы их он беспокоился. После подавления восстания семью Салавата разбросали по миру. С. Злобину были известны протоколы допросов Салавата и Юлая. Он знал и о женах, и о детях Салавата. Но нужна ли была ему эта правда? Нет! По этой правде получался добропорядочный молодой башкир знатного рода, семьянин. Автору же нужен был бродяга с большой дороги, а правда о семье испортила бы всю канву романа. Поэтому Злобин лишил Салавата его большой семьи и женил на некой Амине, окрашенной в желтые цвета измены и бесплодия, да в любовницы определил русскую девушку, родившую ему ребенка. Символично, не правда ли?

Четвертый цвет — зеленый. Это цвет Ислама. Разве не предавала анафеме этот цвет коммунистическая идеология? Набожность, вера полностью отсутствуют в образе Салавата, созданном Злобиным. Прочитайте стихи и песни Салавата. Им отведена отдельная глава в этой книге. Салават поет в них о преклонении Аллаху, есть его слова, обращенные к Богу. Салават был глубоко верующим человеком, истинным мусульманином.

Карасакал, другой башкирский национальный герой, якобы поднявший над своим восстанием зеленое знамя Ислама, показан в романе коварным, беспринципным ханом-обманщиком. Таким же видим мы образ Бухайра, отрицательного героя, также стремящегося придать восстанию характер национально-освободительной войны. Противостоянием в романе исламиста Бухайра и Салавата, готового казнить единоверца за нападение на русскую церковь, автор перетягивает Салавата из национально-освободительной войны в борьбу классовую.

Пятый цвет — голубой. С. Злобин достоверно знал, что у Салавата были прямые потомки по крови, с одним из них, по имени Салах, он даже встречался в 1928 г. в деревне Шаганая. Но по роману Злобина у Салавата родился единственный сын, да и то вне брака и от русской девушки. Дескать, нет, башкиры, среди вас крови Салавата, его потомки замешаны на русской крови. Идея русификации Салавата проходит стержнем в книге, причем сплошь через надуманные, не имеющие исторической основы события. Начинается этот стержень с упомянутого выше бродяжничества с Хлопушей. Далее следует любовная интрига с Оксаной, а апогей — выдуманное Злобиным убийство Салаватом Абдрахмана, юноши, ранее спасшего ему жизнь. Якобы Абдрахман убил русскую женщину. За что убил непонятно, автор не потрудился этого объяснить — убил и все! Злобин придумал такой жестокий сюжет с единственной целью — показать беспощадность Салавата к единоверцам во имя напускного интернационализма. Хотя характерно было другое — русские каратели убивали жен и детей повстанцев, уничтожая целые деревни. Есть много исторических документов, подтверждающих это.

В русификации Салавата Злобин дошел до такой степени, что перевернул с ног на голову весь смысл борьбы Салавата. Он пишет: «Когда был получен указ Пугачева

о выводе русских за пределы Башкирии, Салават помрачнел. Он почувствовал себя изменником слову, данному русским...» [83, с. 368]. Кому и какие клятвы давал Салават? Чем он был обязан русским? Никакие слова или клятвы Салавата не известны по историческим документам, не упоминают о них и исторические эпосы, предания.

Салават с первых дней восстания и до ареста боролся за свою родовую землю, против захвата ее под строительство заводов и крепостей. Вместе с отцом они сожгли Симский завод, осаждали Катавские заводы, заводскую деревню Орловку. Не об этом ли большая часть романа? Да и Пугачев, издавая этот указ, безусловно, знал, за что воюют башкиры. Целью указа было разжечь восстание башкир после ухода Пугачева на Казань. Салавату не было повода мрачнеть.

Шестой цвет — синий, цвет лжеинтернационализма, ибо я считаю, что действительного интернационализма не было в эпоху написания романа. Были «старший брат» — русский народ и «младшие братья» — малые народы, которые всем своим существованием, наукой, культурой, образованием, письменностью и всем светлым в их жизни были якобы обязаны «старшему брату». Автор вкладывает в уста Салавата и такие слова: «Урус-бедняк — наш друг. Если грабят его дом, он будет против нас, а теперь он с нами, поэтому мы сильнее. Каждый, кто грабит бедняка-уруса, нашего кунака, тот сеет рознь. Он — предатель и достоин казни. Кто нападает на русскую церковь, тот сеет рознь и тоже достоин казни» [83, с. 347].

Примитивизм и надуманность этой интернациональной, с налетом большевизма речи очевидны. Злобин представляет здесь Салавата таким недоумком. До смешного дошло, кто же грабит бедняка? Что у него взять? Грабят богатых.

Седьмой цвет — фиолетовый. Это цвет жестокости, безжалостности, смерти. Разве мог Салават убить единорога, человека, спасшего ему жизнь? Коран ставит этот грех в ряд самых тяжелых грехов. Но в романе Салават убивает Абдрахмана.

Коммунистическая идеология оправдывала жестокость и убийства близких людей во имя ее целей. Настоящий большевик должен быть жестоким и хладнокровным. Таким и предстает Салават в романе. Вот строки из романа, леденящие кровь: «Он (Салават. — Р. В.) сам не

боялся смерти и поэтому всегда убивал спокойно. Он никогда не задумывался над убитым. Солдат, офицер, дворянский холоп, заприщавший жизнь и жилище своего господина — много их погибло от выстрелов и ударов юного батыра, и Салават, убивая, не вспоминал их лиц» [83, с. 359].

Зачем приписывать Салавату такую кровожадность? Зачем делать из поэта и певца профессионального убийцу? Убийство чуждо человеческой природе. На войне приходится убивать, но едва ли Салават убивал спокойно, не задумываясь об убитых. Живая кровь текла в его жилах, не каменным было его сердце.

С Злобин стремился показать классовый характер пугачевщины. Классовая борьба требовала классовой жестокости и беспощадности. Поэтому Салават у Злобина получился убийцей и палачом. А ведь роман читают дети, подростки. Для них Салават — национальный герой. Они впитывают в себя через роман его мысли и поступки. Сегодня принято жаловаться, что зарубежные фильмы несут нам с экрана пропаганду насилия и убийств. А что пропагандируют романы советской поры? Они глут со своих страниц о наших национальных героях.

Надо отметить, что авторский вымысел в романе «Салават Юлаев» достаточно избирателен. Если Салават показан в романе хладнокровным убийцей и палачом, то другой национальный герой, великий русский полководец А. Суворов, волею истории оказавшийся в том же водовороте событий, от крови и других неблагоприятных, по меркам того времени, поступков Злобиным умело огражден: «Императрица требовала отпустить с турецкого фронта самого А. Суворова, чтобы послать его против Пугачева. Но Румянцев, опасаясь дурного отклика за границей, не отпустил Суворова...» [83, с. 367].

Это неправда. Румянцев 10 августа 1774 г. уведомил А. Суворова о получении высочайшего повеления с вызовом в Москву. Суворов 14 августа рапортовал из Киева: «С крайнею возможностью стараться буду поспешать на употребление себя к должности действовать против возмутительного бунтовщика...».

В «Справочной книжке Уфимской губернии» за 1883 г. отмечено, что А. Суворов был в Уфе в 1774 г. в ноябре месяце, пробыл пять дней, а затем выехал в Саратов. Именно А. Суворов руководил окончательным разгромом и поимкой Пугачева.

Суворов приезжал в Уфу и в 1775 г., когда шла следствие над бунтовщиками. Генерал-аншеф Пагин, боясь выступления башкир весной 1775 г., направил Суворова в Башкирию с дополнительными воинскими частями.

На пороге третьего тысячелетия в России происходят коренные изменения. На смену коммунистической идеологии возвращаются общечеловеческие ценности. Меняется и отношение к произведениям, пропагандировавшим в той или иной мере ценности коммунистической идеологии. Этим и продиктовано то, что я написал эти строки о романе «Салават Юлаев». Не воспринимаю я Салавата, показанного в романе С. Злобина. Мне, его земляку, башкиру, этот Салават чужд.

Не воспринимаю роман и как человек, занимающийся историей, ибо в романе описаны события, противоречащие историческим документам, особенно в начале, где автор повествует об участии Юлая в восстании Карасакала. Юлаю исполнилось в то время 10—11 лет, он не мог быть участником этого восстания.

Исторические факты искажены в романе и относительно другого нашего национального героя Кинзи Арсланова. В романе Кинзя — друг детства Салавата. На самом же деле Кинзя Арсланов был ровесником его отца. В 1769 г. Кинзя Арсланов и Юлай Азналин выступили в Уфимской провинциальной канцелярии с обвинениями в адрес башкира Валиши Шарыпова, бравшего взятки с уклоняющихся от службы. Это говорит о том, что Кинзя и Юлай общались между собой, возможно, дружили. Салават же был много моложе Кинзи.

Не у меня одного возникают такие сомнения. Х. Ибрагимова, дочь известного башкирского писателя Гаи Ибрагимова, автора исторического романа «Кинзя», вспоминая о годах обучения ее отца на Высших литературных курсах, пишет: «С. Злобин был руководителем семинара у моего отца. Отец обвинил его в искажениях исторических фактов. Например, Кинзя в романе Злобина показан толстым, полоумным мальчишкой, ровесником Салавата, а ведь разница в возрасте у них большая, да и детство прошло в различных местах. Мне кажется, из-за этого, желая довести до народа свои познания, отец принялся писать роман «Кинзя»: «Народ может узнать свою историю лишь через художественные произведения», — считал отец» [4].

Почему в романе среди главных действующих лиц нет других башкир-военачальников того же уровня, что и Салават? Взят одного Салавата, С. Злобин создал из него образ бесстрашного и беспощадного «коммуниста-интернационалиста». Окрасил его образ в упомянутые выше цвета. А если показать в романе других военачальников Пугачева из башкирской знати, то их тоже нужно «красить». Всех же переокрасить трудно, вместе они сохраняют свое лицо, портят канву классовой борьбы, заложенной в романе.

Взгляд на историю формируется в народе во многом на основе художественно-исторических произведений. Научные исторические труды мало кто читает. Идеальный вариант — это когда исторические факты под пером писателя обретают художественную форму. Возможны, конечно, и отступления. Чувство меры автора при этом определяет во многом судьбу произведения. Если автор ушел далеко от историчности в сторону художественности, той или иной идеологии, то рано или поздно возникает протест, а смена господствующей идеологии приводит к политической смерти произведения. Это касается не только романа «Салават Юлаев». Многие произведения, написанные в угоду коммунистической идеологии, уже забыты читателем.

Сегодня характерно стремление читателя к первоисточникам. Это касается и темы Салавата, и всей пугачевщины. Так Габдулла Зарипов, мой земляк из Салаватского района, писал: «Мне не нужны от историков ни дружба народов, ни борьба между бедными и богатыми, мне нужны первоисточники» [5].

Не разделяю точку зрения М. Рахимкулова о том, что роман способствовал возрождению Салавата. Скорее, с появлением романа истинный Салават от нас ушел, был вычеркнут из памяти народа. Вместо него нам в сознание внедрили интернационально-коммунистический образ, а ему, истинному Салавату, нашему национальному герою, еще предстоит вернуться, как предстоит вернуться Бепене, Тулькусуре, Акаю Кусюмову, Кильмяку, Юсупу и многим другим, сложившим свои головы в 200-летней национально-освободительной борьбе башкир.

Надеюсь, читатель поймет, что я никоим образом не хочу запятнать светлый образ Степана Злобина или уколоть исследователя его творчества М. Рахимкулова. Они

писали согласно собственным убеждениям. Но я не разделяю их убеждений, взглядов и не хочу, чтобы через столетия после того, как Салавата лишили свободы и родины, его называли «разбойником с большой дороги».

Надо отдать должное С. Злобину — самая первая мысль о Салавате, зародившаяся в годы молодости писателя, была совсем иной. В. Сидоров нашел в архиве С. Злобина наброски поэмы о Салавате. Они малоизвестны, поэтому приведу их здесь [6]:

Урал — страна суровых гор,
Взмывающих над ковылями,
Я в черноземный твой простор
Вхожу пустынными полями.

Когда-то были времена:
Башкир не знал, что раб и пахарь,
И повелениям внимал
Кипучей крови да Аллаха.

Башкир еще свободно жил
В стране лиловых туч и радуг,
В степях безмерных сторожил
Он многочисленное стадо.

Шайтан-Кудеев род богат,
Старик Юлай — отец Кудеев,
Но сын Юлая — Салават —
Сильнее льва, мудрее змея.

Но гул гюр за краем край,
За родом — род рукой железной,
И уводил в священный рай
За веру павших в путь надзвездный.

Юлай богат, его стада
Не знают настбидам границы,
Шайтан-Кудеева орда
Свободна, как свободны птицы.

Того, кто раб, пусть гнет урус,
Рожденного отцом покорным,
Все знают — лишь гюр и трус
Живут, бросая в землю зерна.

Все знают — конь не для того,
Чтобы слугою быть у плуга,
Верна, как стрелы, кровь его,
Вернее крови брата, друга.

Пришел урус, принес ружье
И деньги — меч собак неверных.
Звон золота — стрел острие,
Мчись от него быстрее серны.

Того, что силой взять не мог
Урус — лукавая собака,
Он взял за деньги, под залог,
Кушил, вступить, не смея в драку.

Башкир веками стриг овец,
Гюр, приди, остриг башкира.
Где слабо золото — свинец,
Где слаб свинец — там ветка мира.
Башкир доверчив, прост и прям,
Гюр лукав, хитер и злобен...

Эта была первая, верная, светлая мысль молодого писателя. Но С. Злобин, похоже, быстро понял, что такие представления о Башкирии, башкирах и их взаимоотношениях с русскими (урусами) не будут приняты партийными органами. Он не только сменил поэтическую форму на прозу, но и коренным образом поменял общую линию, перейдя от межнациональных противоречий к классовой борьбе, заодно и русифицировал Салавата.

Упреки в «русификации» Салавата я отношу не к одному только С. Злобину. Он русский и его национальная культура, отношение к истории России, к инородцам были характерными для русского человека. Увы, ни одному башкирскому писателю не удалось создать более или менее значимого произведения о Салавате.

Природа не терпит пустоты. Если башкирские писатели уступили Салавата, их место занимают другие, а им остается лишь воспевать «воспевших Салавата». Незавидная роль.

Салават привлекал и привлекает многих исследователей небашкирской национальности — историков, краеведов, литераторов и скульпторов. Это А. Пушкин,

Р. Игнатъев, М. Лоссиевский, Ф. Нефедов, С. Злобин, Николаенко, Г. Гребнев, С. Тавасиев, И. Гвоздиков, В. Сидоров и многие другие. Великий русский поэт А. С. Пушкин в своей «Истории Пугачева», казалось бы, совсем немного внимания уделил участию в пугачевщине Юлая и Салавата. Причем он ошибочно отметил, что «старый их мятежник Юлай, скрывшийся во время казни 1741 г., явился между ими (башкирами. — Р. В.) с сыном Салаватом». Юлаю в 1741 г. было 11—12 лет, и казнь ему не грозила. Но эта ошибка А. С. Пушкина стала для меня как бы путеводной звездой в составлении родословной Салавата. Великого поэта не допустили к изучению архивных материалов по восстанию под предводительством Пугачева. Он был в Оренбургской губернии и записал различные предания, в том числе, видимо, и о том, что род Салавата бунтовал еще с Карасакалом, и кому-то из его предков удалось скрыться от казни 1741 г. По возрасту этим предком мог быть дед Салавата — Азналы. Поэтому я искал в материалах по восстанию Карасакала сведения о башкире Азналы, скрывшемся от казни 1741 г. Об этом есть отдельная глава в этой книге.

Сочинение уфимского краеведа Р. Игнатъева «Пугачевский бригадир, певец и импровизатор», написанное в 1886 г., занимает особое место в литературе о Салавате. Игнатъев довольно правдиво, на основе доступных ему документов описал участие Салавата и Юлая в пугачевщине. Но особую ценность в его труде составляют песни Салавата, записанные им на русском языке в переводе Г. Давлетшина (1868 г.). Сегодня это, пожалуй, единственный письменный источник по творчеству Салавата.

Труд Р. Игнатъева и записанные им песни Салавата издавались в советское время несколько раз, преимущественно в различных юбилейных сборниках, но с большими сокращениями. Последний раз песни Салавата опубликовал В. Сидоров в своей книге «Слово о Салавате», вышедшей к 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева. Автор заверяет, что «текст дается с незначительными сокращениями», но на самом деле из песен Салавата он изъясил самые существенные строки, касающиеся смысла его борьбы. Эти строки, по-видимому, мешали Сидорову создавать свой интернационально-приглаженный образ нашего национального героя, имеющий много общих черт со злобинским Салаватом.

В поисках произведений о Салавате, написанных русскими авторами, наши составители юбилейных сборников доходили до опубликования неграмотных, надуманных сочинений. Примером подобных сочинений является статья М. Лоссиевского «Пугачевский бригадир Салават и Фариза» в сборнике «Наш Салават», составленном М. Рахимкуловым и С. Сафуановым [7]. Они называют этого автора краеведом, но его сочинение едва ли можно назвать краеведческим. Это, скорее, писание старого графомана, ничего общего с краеведением не имеющего. Похоже, что этот М. Лоссиевский не имел даже элементарных представлений о географии края и истории Салавата Юлаева. Посудите сами, приведу лишь несколько цитат:

«В правой стороне большой дороги из города Уфы в Златоуст и в шестидесяти верстах от Саткинского завода раскинулась неприглядная мищеринская деревушка Лак или Лаклар».

У дороги, в отличие от реки, не бывает ни правой, ни левой стороны. Если ехать из Уфы в Златоуст, то деревня Лаклы остается не справа, как пишет этот автор, а слева от этой дороги, примерно в тридцати верстах. И далее:

«По народным преданиям, Салават близ Саткинского завода с тысячью человек башкир и татар (мищеряков) соединился с Пугачевым, был с ним в Казани и везде, где только побывал Пугачев, возведший Салавата в чин бригадира. В одно и то же время, как и Пугачев, Салават был схвачен, предан суду и казнен».

Не знаю, где собирал такие «народные предания» М. Лоссиевский, но они — сплошная низкопробная выдумка, не имеющая исторической основы.

Салават соединился с Пугачевым не близ Саткинского завода, а около деревни Лагяр на реке Ай. Салават не ходил с Пугачевым на Казань и не был с ним «везде, где только побывал Пугачев». Он отстал от самозванца на берегу Камы и воевал еще три месяца после его ареста. Наконец, Салават не был предан суду, и его не казнили.

Башкиры, в представлении М. Лоссиевского, руководствуются в своем поведении не сознанием, а «дикими инстинктами необузданных кочевников», Салават же, по его словам, «буйный урод». Верхом словоблудства у названного автора является вымысел предания о любви Салавата к Фаризе — дочери Кулы Балтачева. Похоже, М. Лоссиевский и представления не имел о Кулы Балта-

чеве. По тексту М. Доссиевского следует, что Кулый жил в одном селении с Юлаем и Салаватом, а его дочь была Салавату «соплеменницей», и он видел ее чуть ли не каждый день, когда она ходила по воду.

Фарица якобы не ответила взаимностью на любовь Салавата, и он, желая отомстить, сжег юрту ее отца, увез Фарицу в Лаклинскую пещеру, неделю мучил там и убил.

Это чистейшей воды выдумка, сотворенная с целью опорочить нашего национального героя. Кулый Балтачев жил на реке Таныш, на расстоянии не менее ста верст от деревни Юлая. Салават не мог видеть его дочь, когда она ходила по воду. В наших краях не было такого предания, ничего подобного никем не записано. Имя Фарицы не встречается в преданиях о Салавате. Нет и упоминания в них об убийстве возлюбленной — это осквернение памяти о Салавате.

Кулый Балтачев в Москве в Тайной экспедиции Сената дал на допросе немало показаний против Салавата, но он ни слова не сказал об убийстве Салаватом его дочери. Если бы это имело место, разве Кулый промолчал бы?

Как говорят в народе, плоды большого воображения Доссиевского и яйца выеденного не стоят, но нашими историками и писателями они до сих пор не забываются, муссируются при каждом удобном случае, переходят из книги в книгу и ставятся в один ряд с публикациями Р. Игнатьева. Тот же В. Сидоров в своей книге «Был героем Салават», в разделе «Легендарный герой» пишет: «Немало преданий сохранилось и о Лаклинской пещере. Прежде всего, они связаны с именами Салавата Юлаева и Фарицы Балтачевой (о чем нами указывается)» [6, с. 98]. Никто, кроме Сидорова и Доссиевского, не связывает в преданиях Лаклинскую пещеру с Фаризой Балтачевой. Ее на родине Салавата просто не знают.

Конечно, В. Сидоров, много лет занимающийся историей Салавата Юлаева, прекрасно знает, что сочинение М. Доссиевского далеко от истины. Известны ему и показания Кулый Балтачева на очной ставке с Салаватом Юлаевым в Тайной экспедиции Сената, где Кулый предъявил Салавату новые обвинения, но среди них не было упоминания об убийстве его дочери. Ведомо В. Сидорову и то, что Кулый Балтачев возглавлял карательный отряд, который отлавливал повстанцев и сдавал властям. Поэтому Салават разорил и сжег дом Кулый, а вовсе не из-за не-

счастливой любви к его дочери. Все это знает В. Сидоров, но продолжает нахваливать и цитировать безграмотное сочинение М. Доссиевского [6], по сути своей оскверняющее память о Салавате Юлаеве. При этом В. Сидоров называет Салавата своим любимым с детства героем [6, с. 3].

В упомянутой книге В. Сидорова содержатся и другие сведения, не соответствующие действительности. Так он описывает (с. 80) свою встречу в 1990 г. с моим дядей Абузаром Султановым, сыном известного краеведа Гарифьяна Султанова: «Он дополнил биографические сведения об отце. Полное имя его было Ахмет-Султан-Абдул-Газизов».

Тут остается лишь развести руками. Гарифьян Султанов — старший брат моей прабабушки Хабиры. Ни прабабушка, ни ее дочь — моя бабушка Фатыма никогда не называли его иначе, как Гарифьян или Гариф. Его отца звали Султангалей и их фамилия была Султановы. У башкир вообще не было таких длинных тройных имен, а фамилия бралась от имени отца.

Вот так переводами с башкирского языка на русский и обратно, а порой и с участием «глухого телефона», развивалось наше салаватоведение. Такой интерес небашкирских исследователей к судьбе Салавата легко объясним. Поэт Демьян Бедный выразился предельно откровенно:

Кстати, слово о нем,
О Салавате.
Поэты советские, нате:
Предлагаю ударную тему
О башкире-певце
И бесстрашном бойце.
Написать можно чудо какую поэму,
Какого захвата,
Какой значимости политической:
От Салавата
До Урало-Кузнецкого комбината
И Башкирии Социалистической!

Отрывок из поэмы «Дикая Башкирия», 1932 г.

Если дореволюционные писатели и историки занимались Салаватом из творческих интересов, то для деятелей советской поры значимость политическая давала многое: публикации, гонорары, диссертации, ученые степени,

звания, премии — лишь бы все было в русле классовой борьбы и в рамках дружбы народов.

Слово Михаилу Дудину:

По степям проходит не спеша
Друг степей, живая их душа,
Весел, коренаст и рябоват,
Бронзовый от солнца Салават.

«Степь», 1949 г.

Вот уже и рябоват наш Салават! Многие представители молодого поколения никогда не видели рябых людей и не знают слова «рябоват». Есть смысл пояснить. Даже в начале XX в. в России еще не делали прививок от оспы, частенько случались заболевания этой болезнью. Лица людей, перенесших оспу, покрывались сетью мелких ямочек, остающихся на всю жизнь. Таких людей называли рябыми. Сильная рябизна была определенной степенью уродства. Рябое лицо часто имело несколько отталкивающий вид. Почему М. Дудину понадобилось уродовать Салавата?

Рябым был Иосиф Сталин — диктатор, правивший Советским Союзом в то время. Видимо, по мнению М. Дудина, всякий национальный герой тогда должен был иметь некоторое сходство с И. Сталиным.

Похоже, Дудин не знал ни башкир, ни Башкирии. Если бы знал, то не написал бы о Салавате: «По степям проходит не спеша друг степей, живая их душа». Со времен А. Толстого, с его рассказов о башкирах, писем из Башкирии в русской, а затем и в советской литературе распространилось представление о башкирах, как о степном народе. В действительности же Башкирия занимала обширную территорию в горах и лесах Южного Урала. Приуральскую лесостепь и степи Зауралья. Салават Юлаев родился, вырос и воевал в горно-лесной зоне. В степи он был лишь дважды в жизни: первый раз, когда привел своих джигитов к Оренбургу, в лагерь Пугачева, и второй раз, когда арестованного Салавата под конвоем возили в Оренбург на следствие. «Друг степей, живая их душа» — нелепица.

Теперь о памятнике на берегу Агидели. И здесь башкиры уступили своего национального героя осетину С. Тавасиеву и получили от него «кавказифицированного»

Салавата. Слов нет, красив памятник. Говорят, это одна из самых больших скульптур всадника на коне. Но поражает даже не величина, а скорее место расположения. Где вы увидите всадника, лихо осадившего коня на краю стометрового обрыва, нависшего над рекой?

Но подойдите поближе, взгляните в его лицо. Не воспринимаю я это лицо с толстыми губами и таким приплюснутым носом. Это не башкир, это лицо иной национальности представлено нам в образе нашего Салавата. Может быть, калмык позировал Тавасиеву? Если бы я не вырос вместе с потомками Салавата, если бы я не видел портрет Салавата, написанный нашими земляками Тарханом Загидуллиным и его сыном, то, может быть, и не родился бы этот протест.

Маленькая, казалось бы, деталь — серьга в ухе, но и она имеет знаковый смысл. Так северокавказские народы помечали последнего или единственного ребенка в семье. Во время битвы таких «меченных» старались не посылать в бой, большей частью держали в тылу — берегли как последнюю надежду семьи. Это обычай кавказских народов, а у башкир этого не было никогда. Мужчины-башкиры серьги не носили, да и не в характере Салавата было носить такой талисман. Разве Салават не был первым в бою? Разве осторожничал, прятался за спины соратников? Не было этого! И серьги он не надевал.

Можно сказать, что это мелкие детали, и скульптор имеет право на вымысел. Но именно детали создают образ, ведь памятники в виде всадника на коне есть у многих народов. Если детали искажают характер, если они не соответствуют внешности горно-лесного башкира, а ноги, неправильно поставленные в стремени, показывают неумение ездить верхом, что же остается в этом образе от истинного Салавата — башкира с берегов Юрюзани, храброго воина, всадника, выросшего в седле?

Остается калмык в театрально застывшей позе верхом на великолетном коне. Я не виню Тавасиева. Он не башкир, у него были свои представления о нашем народе, и он воплотил их в своей скульптуре. Скорее всего, он так же, как и Михаил Дудин, считал башкир степняками, схожими внешностью с калмыками.

Наподобие язычников, молившихся на божков, вытесанных топором из полена, преклоняемся мы перед изображением нашего национального героя, не задумываясь

о качестве, художественной ценности скульптуры. Да, я понимаю, что памятник не переделать, но это, я надеюсь, не последний скульптура. Верю в то, что когда-нибудь хороший памятник поставят Салавату на его родине, в Салаватском районе.

Кто возьмет на себя смелость сделать эту скульптуру? Башкирский скульптор, или вновь представитель братских народов? Кто напишет новый роман о Салавате, правдивый роман, рассказывающий истину о его борьбе? Башкирский писатель, или вновь писатель иной национальности натворит очередную интернациональную нелепицу?

В советское время такой «интернационализм» приветствовался. Помню, на страницах одного толстого литературного журнала обсуждался вопрос о том, кто же напишет хороший роман о жителях Чукотки. Причем литературные авторитеты сходились на мысли, что чукча этого, конечно, сделать не сможет. Знание своей национальной культуры, традиций и обычаев лишь помешает ему показать лицо своего народа, получится некий националистический роман, который, говоря откровенно, не позволит прикрыть уничтожение национальной культуры под видом интернационализма и дружбы народов.

Сейчас другое времена. Выражение национальных чувств не считается чем-то неприличным. Мне приходилось близко общаться с русскими писателями, живущими в Уфе. Они, в общем, также склонны считать, что о русских должен писать русский писатель, для которого внутренне близки и русский язык, и русская культура, и православие, и русский образ жизни. Они не склонны отождествлять русскоязычность и русскую литературу.

То же самое можно сказать и о башкирской литературе, истории башкир. Историческую память о башкирских национальных героях должны в первую очередь создавать башкирские писатели, историки, поэты, те, кому близки башкирский язык, культура башкир, их верования, обычаи и традиции.

На сегодняшний день единственным крупным произведением, написанным башкирами о башкирском национальном герое, остается опера «Салават Юлаев».

В нашем роду помнят, что один из создателей оперы «Салават Юлаев», автор либретто Баязит Бикбай приезжал к краеведу Гарифу Султанову, слушал его рассказы и песни.

В памяти земляков Салават остался таким, каким и был, несмотря на то, что коммунисты через своих историков, литераторов, кинематографистов приложили немало усилий для того, чтобы исказить его светлый образ и поставить на службу своей идеологии. Связи Салавата с земляками, с родиной не оборвались ни с его ссылкой на каторгу, ни с его смертью.

Прошло более 230 лет со времени подавления восстания. Это всего три жизни продолжительностью в 80 лет в цепочке поколений.

На родине Салавата остались его сыновья, давшие многочисленное потомство, дошедшее до наших дней. Узы родства связывали Азналыбая, Юлая и Салавата со многими их соратниками, потомки которых также берегут память о своих предках. Императрица Екатерина II 17 марта 1775 г. объявила манифест, предавший пугачевский бунт «на вечное время забвению и глубокому молчанию», однако вырвать память о Салавате ей не удалось.

Глава III

О ЧЕМ ПОЕШЬ ТЫ, САЛАВАТ?

Легенды и предания рассказывают нам о том, что Салават с юношеских лет слагал стихи и пел песни. В памяти народа он остался не только как предводитель восстания башкир, но и как поэт и певец-импровизатор. Импровизированное сочинение и исполнение песен, большей частью устное, широко распространено в среде башкирского народа. Башкир слагает и поет свои песни чаще всего наедине с самим собой, обычно в дороге, или когда пасет свои табуны.

Как-то в детстве я увязался вместе со взрослыми на сенокос к подножию Каратау. Зарядили дожди и меня отправили домой на подводе со стариком Ахуном. Путь был неблизкий и Ахун-бабай всю дорогу пел грустную мелодичную песню.

— О чем поешь, Ахун-бабай? — спросил я его.

— Что вижу, о том и пою. Еду мимо леса — пою про лес, мимо горы — про гору, мимо реки — про реку. Дереву мне кажется красавицей, полевые цветы — ее глазами, зеленая трава — ее платьем.

— А почему твои песни грустные?

— Потому что пою о красавице, которую увезли замуж далеко от родного дома, от отца и матери, сестер и братьев, а муж ее уехал биться с неверными за свою землю, за свою родину. В жизни много грустного, печального, сынок, — ответил мне старик.

— Ахун-бабай, вот ты хоть и грустные песни затягиваешь, а лошадь твоя бежит быстрее, — допытывал я старика. Он посмеялся:

— Лошадь понимает по-своему, думает, что я пою о моей красавице Тагире, значит, мы скоро будем дома. Она домой хочет, вот и бежит резвее.

Так же, я думаю, складывал и пел песни свои Салават. Наиболее удачные из песен, западающие в душу, переходили от исполнителя к слушателям, запоминались и расходились по близлежащей округе. Автор-исполнитель становился известной личностью. Его приглашали на свадьбы и другие торжества, что еще больше способствовало росту известности певца и популярности песен. Они, как правило, переживали автора и распространялись далеко за пределами известности его имени. Такие песни становились народными, хотя, конечно, автором их был не народ, а вполне конкретная личность.

Так и песни Салавата. Они пережили его и были известны даже в середине XIX в., спустя полвека после смерти поэта. Краевед Р. Игнатьев записал несколько песен, автором которых считался Салават. Они дошли до нас в переводе на русский язык. Перевод сделал Г. Давлетшин в 1868 г. Это, пожалуй, все, что нам известно из творчества Салавата. Однако в наших родных краях мне приходилось слышать несколько куплетов похожего содержания. В них упоминается родная Салавату речка Кускянды, соловей, так волновавший его сердце. Я расспрашивал исполнителей, кто автор этих куплетов. Но никто определенно не смог назвать автора. Вполне вероятно, что это был Салават, считают они.

В преданиях есть упоминание о «книге Салавата». Возможно, он записывал свои сочинения, ведь был грамотным, писал на тюрки — на башкирском языке арабскими буквами. Предание гласит: «Недалеко от Шаганай-аула есть русская деревня Муратовка. Говорят, в этой Муратовке у Мигрофана, сына Тимошки, хранится книга Салавата. Книги Салавата, сказывают, должна быть еще и у директора Ашинской школы» [8]. Однако эти книги, к сожалению, не найдены и, видимо, утеряны навсегда.

Так или иначе, к началу XIX в. песни Салавата на башкирском языке исчезли. Некоторые из них стали, скорее всего, народными, его авторство забылось.

*Г. Султанов, исполнитель песен
о Салавате, родственник его
жены Зумейхи, краевед,
передавший в музей
седло Салавата*

царское, и в советское время песни Салавата были запрещены. В нашем роду ходило предание о Г. Султанове, который спел песню Салавата в 1890 г. на большом сабантуе, за что урядник Хуснуллин запер его в амбар на пять суток. В советское время сочинение Р. Игнатьева с текстом песен Салавата публиковалось лишь однажды, в далеком 1922 г., когда коммунистическая идеология не добралась еще до Салавата. Позже издавались лишь отдельные песни — больше о любви к родине, к возлюбленной. Части песен, касающиеся веры в Аллаха, затрагивающие межнациональные отношения, воспевающие спокойный патриархальный образ жизни башкир, были вырезаны и забыты. Создавался образ Салавата, с которым эти части песен не вязались, и их предали забвению.

Позже, в конце 40-х гг. В. Филов придал переводу песен Салавата на русский язык, сделанному Г. Давлетшиным, некоторую стихотворную форму, убрал при этом острые углы. Естественно, ученый совет Института истории, язы-

С песен начал Р. Игнатьев свое историческое исследование Салавата: бунтаря, полководца, народного героя. Почему же именно с песен? Да потому, что, пожалуй, ничто лучше песни не выдает характер человека, его сущность. Ведь что такое песня-импровизация? Это описание какого-либо сюжета, прошедшее через внутренний мир автора, его чувства и переживания.

Многое можно выдумать о Салавате: написать пером, отлить в чугуне или бронзе, написать кистью, снять кино — но истину о нем, бескорыстную истину, не зависимую от мнения власть предержащих, могут сказать только его песни. Именно поэтому и в

ка и литературы единогласно одобрил и утвердил творение В. Филова «как первый русский художественный перевод» произведений Салавата Юлаева. «Художественность» в этом труде заключалась лишь в искажении текста песен Салавата Юлаева в угоду коммунистической идеологии. В. Филов, по сути, лишь выхолостил песни Салавата под весьма примитивную рифму. Его «перевод» можно прочесть в книге В. Сидорова «Был героем Салават» [6].

Думаю, что никакие идеологические требования не вправе лишать народ возможности ознакомиться с творческим наследием своего национального героя. Предлагаю читателям полный текст песен и стихов Салавата, дошедший до наших дней.

МОЙ УРАЛ

Ах, Урал мой благодатный,
О тебе пою
— Песню ту мою —
— И твоё величье славаю.
— На тебя глядя,
— Сознаю величье Бога,
— Божие дела.
— Твои чудные вершины
— Близки к небесам,
— Когда месяц ночью встанет,
— На землю глядя, —
— Твои вершины чудно светят
— Чистым серебром.
— Когда солнце утром встанет,
— На землю глядя, —
— Твои вершины золотятся
— И огнем горят.
— Вокруг тебя, Урал высокий,
— Горы и леса,
— Тоже, как ковер богатый,
— Стелется трава.
— И пестреет весь цветами
— Чудный тот ковер.
— Восход солнечный встречает
— Птичек божьих хор.

И всех птичек громче славит
Бога соловей,
Его голос чудный, сладкий,
Будто бы азан,
На молитву кланчет
Верных мусульман.
Ах, Урал мой благодатный,
Про тебя моя
Песня долго не споется,
Слов не находя,
Как тебя, Урал мой, славить,
Как тебя воспеть?
Видно, песня эта будет
Песней без конца...

СОЛОВЕЙ

Тихой ночью в перелеске
Соловей поет.
Бога ль славит эта песня,
Мира ль красоту,
Про луну ль поет,
Про звезды, про луга, поля,
Иль про огненное солнце —
То не знаю я.
Над серебристою рекою,
На мягкой траве,
Близко от стад моих любимых,
Тут мой конь стоял.
Я лежал в коше, со мною
Вся была семья,
Я велел отдернуть полог
Моего коша.
И всю ночь с вниманием слушал
Голос соловья.
Его голос так был сладок,
Я не мог заснуть.
Хор пернатых Бога славит
С утра до зари.
Соловей же, чудо-птица —
Днем поет и в ночь;
Значит, больше всех Аллаха
Славит соловей.

СТРЕЛА

Я пустил стрелу высоко,
Ласточку убил.
Бедная пташечка упала
Около моих ног...
И мне очень стало жалко
Бедную мою.
Для чего тебя я, птичка
Бедная, убил?
До чего ты мне пригожа
За такую статью.
Лучше было б,
Чтоб стрелою
Мог бы я убить
Неверного, необрезанного,
Бога не знающего...
Убить неверного, убить.

БИТВА

Было время, время храбрых,
Божьих век богатырей;
Были Гаи, Абуталип,
Саш и Нариман;
Знал их целый свет,
Знал про их дела.
Во всю жизнь сражаясь,
Победили многих сильных
И величайших батыров,
Много неверной силы
Меч их поразил.
Не боялись силы вражьей,
Ни драконов, змей,
Ни коварств самих шайтанов,
Ни волшебников ужасных,
Лютых курала (колдунов).
Вот какие были люди
В прежние года.
Про дела ваши я слышал,
Духом возгордись,
Оседлал коня, и в сечу
Конь меня понес.

Я сразился с врагами
И врагов разил.
На меня напало разом
Триста человек.
Я от всех трехсот отбился,
Вынес конь меня
На широкую долину
К светлому ручью.
У того ручья я Богу
Песнь мою, хвалу
Пел и снова в сечу
Соколом летел.

ЮНОШЕ-ВОИНУ

Высоко летает ворон,
Выше ворона — сокол,
Выше сокола — могучий
Орел, птичий царь.
Далеко тебе, юный воин,
До богатыря —
Мощного орла,
Но крепись и мужайся,
Бога в помощь позови
И иди на бой ты смело
И везде врагов рази.
Бог великий создал храбрых,
Храбрых воинов своих,
Чтоб они неверных били,
Защищая честь и веру,
Как велит Святой Коран,
Что пророк Святой вещал,
Призова на помощь Бога.
Не боюсь я врагов:
Знаю алчного киргиза,
И урусов (русских) не боюсь.
Если ж суждено мне в битве
Жизни за веру положить,
Ждет меня награда в небе.
Там на лоне я пророка
В вечных буду жить садах,
Среди вечного веселья,
Ласку гурни вкушать...

Так мужайся, храбрый воин,
Бога в помощь позови,
Богу храбрые угодны,
В поле битвы поспеши.

ЗЮЛЕЙХА

Зюлейха, земная ты гурия,
Когда б ты знала как мое сердце
К тебе любовью горит,
В твоих глазах я вижу небо,
В твоих глазах я вижу звезды
И тихую красавицу-луну,
Ты — океан глубокий, неизмеримый,
Земная гурия, иль отраженья рая.
Зюлейха, как тебя люблю,
Люблю, но как сказать не знаю,
Затем, что слов не нахожу.
Язык мой слаб, мысли слабы,
Чтобы сказать тебе хвалу,
Хвалу, достойную тебя,
Земная гурия Зюлейха.

РОДНАЯ СТРАНА

Родные рощи и леса,
Родные воды и поля,
Святая родина моя,
Урал, Урал мой благодатный,
Люблю я вас, любить вас буду.
Про вас и песню я пою,
Вы, зеленые леса,
Вы, родные рощи и поля,
Поднебесный мой Урал,
Твои снеговые вершины
Люблю, хотел бы век смотреть,
Хотел бы вечно песню петь
Про твою красу.
Когда судьба меня заносит
Далеко от родины святой,
О вас тоскую я, мечтаю,
Родные рощи и леса.

Родные воды и поля,
Родные пажити, кочевья
И благодатный Урал.
И если ветер, я заслышу,
Шумит с родимой стороны,
Мне мнится, ветер мне приносит
Весть с родимой стороны.
Весть с любимой стороны.

Что можно сказать о Салавате, услышав его песни? Он очень любил свою родину, свой Урал. Горные вершины ему казались покрытыми золотом и серебром. Горы и леса представлялись ему богатым цветным ковром.

Башкир отличается от многих народов одна особенность, сложившаяся исторически. Земля, на которой башкир появлялся на свет, была еще и его собственностью — родовой собственностью, приходящей к нему от момента рождения и передаваемая потомкам по наследству. Так было оговорено в договоре с русским царем Иваном Грозным при переходе башкир под его подданство.

Салават, как и любой башкир, был землевладельцем. Урал, горы и леса были не только его родиной, они были основой благополучия его самого, его семьи и потомков. Об этом дала его душа. Что еще нужно счастливому человеку? В песнях Салават восхвалял, возвеличивал свою собственную землю. В ней было его прошлое, настоящее и будущее. В ней было счастье его потомков.

А кого не сводило с ума пение соловья? Салават считал соловья божьим даром. Могу лишь разделить эти чувства. Каждый год в начале лета, слушая соловьиные трели, не перестаю восхищаться этим чудом природы. Однажды, слушая не на шутку разгулявшегося соловья, вложил я мысленно одну фразу в его очередную трель, а следующей трелью, своими пересвистами и пощелкиваниями, соловей как бы дал ответ, продолжил разговор. Так и Салават, видимо, не один раз беседовал с соловьем у прибрежных кустов милой его сердцу речки Кускияны.

В песнях Салават часто обращается к Аллаху. Это говорит о том, что был Салават верным мусульманином, знающим Коран и с азаном спешащим на молитву. Стоит ли удивляться, если известно, что дед его Азналы был также глубоковерующим человеком и совершил хадж-путешествие к святым местам Самарканда и Бухары.

Ранние песни, сочиненные Салаватом до пугачевского восстания, не имеют воинских мотивов и характеризуют его очень мирным человеком, страстно желающим мира и благополучия своей семье, своим стадам, своим коням. Как и всякий башкир, он с любовью относился к своим домашним животным. Мирно пасущиеся табуны, копы у коша, благополучие в семье — вот о чем пел он накануне восстания.

Песни также говорят о том, что Салават знал народные башкирские сказки. Их герои встречаются в его песнях. Они с детства воспитали в нем бесстрашие и храбрость. Однако не было жестокости и кровожадности в Салавате. Он с печалью поет о случайно убитой пущенной им стрелой ласточке. В его сознании укрепилось с детства, что убивать достойно лишь врагов.

По мере возмужания в нем укрепилась мысль о необходимости стать воином. Об этом отдельная песня. В ней Салават поет о том, что ему, юному воину, далеко еще до могучего орла. «Но крепись и мужайся, Бога в помощь! Позови и иди на бой ты смело, и везде врагов рази...»

Кого же считал своими врагами Салават? Алчного киргиза и уруса. Киргиз-кайсаки (казахи) совершали набеги на башкирские селения, уводили женщин, детей, скот. Русские же захватывали башкирские земли, строили на них крепости, заводы, деревни, были неверными — людьми другой веры, сжигали мечети и строили свои церкви.

В песнях Салават рассказывает нам, за что же он шел воевать. Защищая свою родину, честь, веру, свою землю и семью, поднимал клинок Салават. Он готов был за это отдать жизнь. Свято верил, что, отдав свою жизнь за правое дело, он попадет в рай.

Песни Салавата полностью отвергают, отрицают те качества, которые приписал ему С. Злобин. Так Салавату не было дела ни до башкирских, ни до русских бедняков. Он был не так воспитан семьей и верой, чтобы ходить в банде с беглым русским каторжником Хлопушей, как истинный мусульманин, никогда бы не поднял руку на единоверца Абдрахмана, спасшего ему жизнь.

Противостояние мусульман и православных христиан спровоцировал, а точнее организовал, Петр I. В основе его колониальной политики в Башкирии было уничтожение

мечетей, духовенства и принудительное крещение нерусского населения. Башкиры же отстаивали свою веру, право на которую было оговорено еще при присоединении башкир к Русскому государству.

Не был Салават ни кровожадным, ни жестоким, никогда не стремился пролить чью-либо кровь. Не его вина, что он, очень мирный человек, жаждущий лишь благополучия своей семье, родным, вынужден был взяться за оружие.

Конечно, песни Салавата никак не соответствовали образу, созданному С. Злобиным и другими авторами, писавшими портрет Салавата с точки зрения коммунистической идеологии. Поэтому тексты песен, собранных Р. Игнатьевым, с 1922 г. более не издавались. Очень хотелось услышать эти песни на башкирском языке. Логично было бы отдать их для перевода кому-нибудь из башкирских поэтов, но стихам большинства из них, на мой взгляд, не хватает лиричности, чувственности, а стихи и песни молодого Салавата отличались именно этим. Тогда я решил, что женщина-поэтесса лучше справится с этим делом. Мне понравились стихи и поэмы Тамары Ганиевой, в которых свойственная женщинам чувственность удачно сочеталась с мотивами патриотизма, размышлениями о роли и месте мужчины в семье, в государстве, в человеческом обществе. Мне показалось, что это и есть та основа, которая сможет передать людям внутренний мир Салавата. Тамара Ганиева перевела стихи Салавата на родной ему башкирский язык и, на мой взгляд, очень удачно.

Одну из песен Салават посвятил любимой Зулейхе. В песне льются восточные мотивы: «земная гурия, отражение рая», — такие слова нашел Салават для своей возлюбленной. Он поет ей о своей любви, он восхищен ею. Надо сказать, что эта песня любви наиболее часто публиковалась в различных вариантах. Не буду останавливаться на них. Отмечу лишь имя возлюбленной Салавата — Зулейха. По моим сведениям, так звали одну из жен Салавата.

Последняя из записанных его песен полна любви к родине. Эту песню можно назвать песней-предчувствием. В ней слышен какой-то внутренний голос, говорящий Салавату, что он надолго расстанется с родиной:

Когда судьба меня заносит
Далеко от родины святой,
О вас тоскую я, мечтаю,
Родные рощи и леса,
Родные воды и поля,
Родные пажити, кочевья
И благодатный Урал.

Судьба унесла его далеко от родины, унесла навсегда, лишила и гор, и лесов, и кочевий, и родных, и детей. Только память о родине и песни остались с ним, да еще престарелый отец, несколько соратников по борьбе, ставших друзьями по несчастью. Сколько раз там, на берегу Балтийского моря звучала мелодичная башкирская песня, скрашивающая тоскливую жизнь каторжан и возвращающая их на родину, к семьям, к счастливым временам.

Умерла императрица, приговорившая участников Пугачевского восстания к каторге. Пришел к власти ее сын, отвергший все творения матери, но у царей не было жалости к тем, кто осмелелся пошатнуть царский трон. Порядки были таковы, что из Рогервика не возвращались.

Нет сомнения в том, что и там, на каторге, из сердца Салавата лились новые песни. Но это были тоскливые песни каторжника, песни о тяжелой судьбе, о заветной мечте вернуться на родину, к родным и близким, песни о мечте, которой не суждено было сбыться. Единственное предание о Салавате, сохранившееся среди эстонских рыбаков, рассказывает о том, что он каждый день, выходя на берег моря, пел песни.

Изучая творчество Салавата, зная его склонность к исполнению песен-импровизаций, я как-то задался вопросом: почему он — башкир, певец, исполнитель песен, близких к кубаирам, не играл на курае? Нигде, ни в самих песнях, ни в эпосах Салавата, ни в преданиях, ни даже в легендах нет упоминания о том, что он играл на курае! Почему? Я не единожды задавал себе этот вопрос, но долго не мог получить на него ответ.

Салават любил петь на публике — на сабантуях, на свадьбах. Его слушали, принимали, восхищались, значит, музыкальный слух у него был. Вывод напрашивается один: был какой-то физический недостаток, не позволявший ему играть на курае. Но какой?

Ответ на этот вопрос пришел из тех же преданий. Мухаметша Бурангулов записал от Габит-сэсэна предание о детстве Салавата, в котором говорится, что когда Салавату было пятнадцать лет, он в схватке с медведем сломал себе зуб. Из-за этого и не смог научиться играть на курае, иначе мелодии курая обязательно бы сопровождали его пение. А кураистов он очень любил. Частенько приходил к пастухам, чтобы послушать их игру [8, с. 131].

Глава IV

РОД САЛАВАТА В БАШКИРСКИХ ЭПОСАХ

Историческая память башкирского народа о Салавате сохранилась в его оригинальных творениях — шежере и кубairaх. Шежере больших и малых народов, племен и родов сегодня хорошо известны. Они используются в исторической науке, краеведческих поисках, в описаниях родословного дерева отдельных семей.

Популярность шежере среди башкир обусловлена наследственным правом на землю данного рода. Каждый башкир рождался землевладельцем, но для определения вотчины возникала необходимость знать его родовую принадлежность. Для этого и составлялись шежере — родословные летописи, которые являлись необходимым элементом в правовой связке род — шежере — земля.

Шежере сродни родословным книгам русского дворянства, которые также предназначались для установления родства между предком, получившим поместье за цареву службу, и современником, отстаивающим права на это поместье. Известна «Российская Родословная книга», составленная князем Петром Владимировичем Долгоруковым [9], тем самым Долгоруковым, который подозревался в написании «дипломов рогиносца» в адрес Пушкина. Из-за этих дипломов и началась ссора Пушкина с Дантесом, закончившаяся дуэлью и смертью поэта.

Кроме шежере немало сведений память народа хранила и в исторических эпических произведениях — кубairaх. Эти произведения устного народного творчества передавались слезнами, странствующими певцами из по-

колени и поколение обычно в поэтической форме, исполняемой под мелодию курая. При этом сказы голосом и телодвижениями старались передать чувства и пафос героев при обращении их к народу, изображали битву батыров с врагами, полученные ими тяжелых ран, наказание их карателями, мучения или смерть.

Ранние эпосы, относящиеся к эпохе первобытно-общинного строя, такие как «Урал-батыр», имеют мифическую основу, сказочный стиль изложения и отражают больше философские стороны духовного мира, например, борьбу героев за бессмертие, место человека на земле, борьбу добра со злом.

Эпосы, составленные позднее, описывающие события времен Золотой Орды и присоединения башкир к Московскому государству, более реалистичны, повествуют о живших тогда исторических личностях.

К началу XX в. многие башкирские батыры, вдохновители и руководители восстаний, исчезли из народной памяти за давностью лет. Только последнего из них, Салавата Юлаева, помнили, еще и распевали посвященные ему кубайры, особенно на его родине. Таких песен на берегах Юрюзани и Ая в начале XX в. было немало. Эти кубайры исполнялись ссызнами на различных курултаях (съездах), сабантуях, свадьбах и других праздниках. В кубайрах давалась оценка деятельности героев с точки зрения самого народа. Петь ложь о герое или какую-нибудь выдумку было бессмысленно — народ такое не принимал, а исполнитель больше не приглашался. Это историки или писатели, особенно в советское время, могли написать о национальных героях разные выдумки, угодные политике существующей власти, а эпосы рассказывали правду. Конечно, исполнители, они же и хранители эпосов, могли от себя добавить художественные детали, но они не искажали смысла.

Этим эпосы, особенно исторические, были весьма неприятны историкам и писателям советской поры. Многие башкирские эпосы записаны от исполнителей одним человеком — Мухаметшой Бурангуловым, сельским учителем. За что он четырежды арестовывался, а в 1950 г. был осужден особым совещанием на 10 лет, из них 6 лет отсидел и лишь в 1956 г. был освобожден. Полностью реабилитирован Верховным судом БАССР в 1959 г. Ему вернули звание народного ссызна Башкортостана.

И после освобождения М. Бурангулову не давали работать. Он обращался в партийные органы, но там разговаривали с ним «сквозь зубы», будто Бурангулов по-прежнему оставался врагом народа, а решение суда о реабилитации — какая-то нелепая ошибка, с которой нужно смириться.

Почему же так относились к простому учителю? Да, он писал пьесы, но они не касались политики. Пьеса «Идукай и Мурадым» с успехом шла в театре в 1940 г., получила одобрение «Литературной газеты», а в 1950 г. за эту пьесу М. Бурангулов был обвинен в национализме и приговорен к десяти годам лагерей. Значит, не в пьесе было дело, это была лишь повод. Тогда в чем же?

Очевидно, в тех эпосах, которые М. Бурангулов записал от ссызнов. Записи постарались уничтожить во время заключения его под стражу. Жену учителя выселили из квартиры, а бумаги сожгли. При этом пропали оригиналы эпосов, записанных в рукописной форме. В архивах сохранились лишь машинописные, отредактированные варианты. Идеологи коммунизма прилагали немало сил, чтобы внушить башкирам, что те были темным народом, кочевниками, что у них не было до Октябрьской революции вообще никакой литературы, а вся их история — это сплошная классовая борьба бедных против богатых.

Эпосы же рассказывали совсем другое. Это мешало тем, кто принял идеологические установки и начал творить по заказу коммунистической партии. Отправив М. Бурангулова в «места не столь отдаленные» и похоронив его труды в архивах, они развязали себе руки. Все они достигли потом государственного признания, почета, званий и наград. Стали классиками башкирской литературы и истории. М. Бурангулов назвал их имена. Подборка его заявлений опубликована [10]. Поэтому и после реабилитации М. Бурангулову не было жизни в литературе.

Сегодня эпосы, записанные М. Бурангуловым, как бы зажили второй жизнью. Их публикуют, внимательно изучают, сравнивают с подобными творениями других народов. Они открывают лицо древней истории башкирского народа, замазанное толстым слоем красной краски.

Большинство этих эпосов М. Бурангулов записал в 1910—1920 гг. от Габич-ссызна, уроженца д. Идрис, располагавшейся на территории современного Баймакского района РБ. Есть среди них и кубайр «Юлай и Салават», посвященный Салату Юлаеву, его роду, семье и предкам [11].

Эпос исполнялся Габит-сэсэн и записан М. Бурангуловым на башкирском языке. Русского перевода я не встречал. Возьму на себя смелость делать перевод по ходу повествования. Рассмотрение этого эпоса весьма важно для исследования шежере Салавата Юлаева. Здесь есть интересные сведения о предках Салавата, его семье. Исторические документы очень бедны такими сведениями и эпос может послужить хорошим дополнением при исследовании этих документов.

Эпос начинается с описания предков Салавата. Здесь всего несколько строк. Сказитель, к сожалению, не знает никого, кроме Юлая и его отца Азналы. Далее он упоминает о далеком предке Шагали-Шакмане, вожде племени тамьян, но это едва ли кровное родство. В те времена во главу родословной часто ставили не кровного предка, а знаменитого правителя, прославившегося великими делами.

Словно в подтверждение этого, далее сэсэн поет о великих подвигах Шагали-Шакмана. Это был знаменитый вождь. Во времена царя Ивана IV он помогал ему взять Казань. Шагали-Шакман дал присягу царю на верность, определял границы земель, которые царь закрепил за башкирами, и записал все это на оленьей шкуре, скрепил подписями всех четырех послов. Шагали-Шакман возглавлял объединение семи племен, был тарханом, богатым и знатным человеком.

Упоминание об оленьей шкуре подтверждает достоверность этих сведений. В те времена писали на пергаменте — специально обработанной коже с помощью птичьих перьев. Об участии башкир во взятии Казани упоминается и в эпосе «Сура-батыр».

Далее эпос рассказывает о знатном происхождении Азналы, деда Салавата. Хоть сказитель и не называет имени отца Азналы, но он сообщает интересные сведения о том, что отец Азналы стремился дать сыну образование. Летом Азналы обучался у деревенского муллы, а зимой — в городе. Азналы знал русский язык, был единственным в округе человеком, умевшим писать на двух языках.

Такая забота отца о грамотности сына говорит о том, что отец Азналы сам был грамотным, образованным человеком — абызом. Сегодня это может показаться мелкой деталью, но в то время грамотные и образованные люди

были редкостью, их все знали. И если мы найдем истинного отца Азналы, то он, скорее всего, будет указан как абыз.

Азналы имел несколько дочерей. В другом эпосе «Байык Айдар-сэсэн» говорится о том, что одну из его дочерей похитил Тайыб, сын тархана Байназара, жившего на реке Ай.

Юлай упоминается как самый младший сын Азналы, характеризуется как волевой, решительный, известный человек. Повзрослев, Юлай начинает противоречить своему отцу, вставать ему «поперек дороги». В связи с этим друзья Азналы — богатые заводчики отвернулись от него, лишили его власти. Отметим пока, что между взрослым сыном Юлаем и отцом Азналы случился конфликт, порожденный различным отношением отца и сына к заводчикам, скупавшим за бесценок башкирские земли. Азналы, в пожилом уже возрасте, когда самый младший его сын обрел власть, не имел сил и мужества противостоять этим сделкам. А молодой Юлай, наоборот, почувствовал силу, обрел власть и не хотел терять землю, основу жизни своего народа.

Есть ли временные ориентиры этого конфликта? Юлай родился около 1730 г. Если его возмужание отнести к 25 годам, то получаем 1755 г. Видя непокорность Юлая, заводчики решили его обойти. Они завязали дружественные отношения с другими старшинами, и с их помощью стали совершать сделки по купле-продаже земли. Их заводы росли. Заводчики потратили немало средств, чтобы отправить за решетку многих непокорных старшин, отстранить Юлая, путем подкупа заручиться поддержкой части вотчинников.

Однако после ареста непокорных старшин и продажи за бесценок башкирских земель, вотчинники, проанализировав события, отправились к Юлаю за советом. Они жаловались ему, что заводчики самовольно вырубают леса, а разные чиновники, приезжающие к ним, грабят охотников, отнимают добытые меха.

Юлай, получив поддержку со стороны народа, поначалу пытался противостоять захвату земель с помощью мирных средств, путем написания писем и прошений. Но чиновники оставили без внимания его обращения. Тогда он собрал свой народ и обратился к нему со следующей речью:

«Старшины, продавшиеся заводчикам и разбазаривающие землю, двуличные перевертыши, наживающиеся на этих продажах, не смогут быть опорой народа. Надежда на наших батыров, крепко сидящих в седле, умеющих стрелять и рубить саблей. Побольше бы таких батыров, а вы же нерешительны и трусливы.

Вы помните Урал-батыра, сокрушившего злого царя и воздвигшего Уральские горы?!

Вы помните его славных сыновей Идея и Яика, пробивших путь нашим славным рекам?!

Вы помните Хаубана, сына Сура-батыра, порубившего ненасытного Масем-хана и ставшего вождем семи племен: юрматы, кыпсак, табын, кувакан, айле, катая и тамьян?!

Они вышли из нашего народа и не сидели сложа руки, когда враг приходил на нашу родину. Они все бросали, садились на коней и брались за оружие!»

После призывов Юлая вотчинники объединились, чтобы поднять восстание. Юлай, побывав в разных местах, осмотревшись, решил возглавить их. Однако старшины и чиновники, оставаясь у власти, убедили народ прекратить восстание. Юлай потерпел поражение.

Отпакаясь от эпоса, можно сказать, что это восстание, видимо, имело место в том же 1755 г. и произошло в струе общепашкирского восстания под идейным руководством Батырши.

Эпос рассказывает, что после подавления восстания Юлай с женой и двумя детьми семь лет скрывался в горах Ямантау. Это в междуречье Большого и Малого Инзера, в верховьях Сима. Здесь в пещерах провели они эти долгие годы, здесь выросли их дети.

После помилования, объявленного императрицей Елизаветой, все беженцы собрались и решили вернуться в родные места. Когда Юлай с семьей вернулся домой, родственники очень тепло встретили их. Однако вскоре пришел указ императрицы о сборе лошадей и призыве мужчин на воинскую службу. Действительно, по историческим документам в 1762 г. Юлай был уже сотником.

Эпос повествует о том, что Салават был третьим сыном Юлая от молодой жены. Народные предания, бытовавшие на родине Салавата, также называют его третьим сыном Юлая после Сулеймана и Ракая. Наличие у Юлая младшего сына 1764 или 1765 года рождения дало повод некото-

рым историкам, в частности И. Гвоздиковой, считать Салавата старшим сыном Юлая [12].

Но это противоречит эпосу еще и в том, что Салават, по словам сказителя, был женат на вдове старшего брата, что со своей стороны вполне правдиво объясняет наличие у 22-летнего Салавата трех жен, своих и «дрочих» детей.

Далее сэсэн рассказывает о детстве Салавата. Он рос очень любознательным мальчиком, с интересом наблюдал, как бьются петухи и жеребцы, как бодаются бараны и быки, пытался понять, как достигается победа.

В семь лет Салават уверенно ездил верхом, любил участвовать в скачках на сабантуях. Он с интересом спрашивал стариков об отличных лошадях и о сильных батырах. Будучи подростком, Салават уже собирал своих друзей в «войско», командовал им, организовывал застолья в аулак — доме, где собиралась молодежь в отсутствие старших.

В пятнадцать лет Салават уже не пропускал ни одного сабантуя в округе, не боялся выходить на борьбу против сильных и знаменитых батыров, был известен своими победами. Будучи на охоте, старался непременно встретиться с медведем. На сабантуях и свадьбах внимательно слушал сээнов, певцов, кураистов, стараясь понять секреты их мастерства, сам пел, его песни любили и с удовольствием слушали.

Но особой его страстью были лошади. Он любил обучать необъезженный молодежь, целыми днями не слезал с коня.

Как это мне все знакомо! Уже более сорока лет прошло с моего шального возраста, но я помню всех коней, которых мне довелось объездить. Будто вчера я отогнал табун лошадей под скалу, к старой паромной переправе, а сегодня утром, еще до рассвета, по густому туману, поднимавшемуся с Юрюзани, бегал, размахивая уздечкой, и выслушивал звон колокольчика, по которому я находил любимую кобылу Машку. Находил, садился верхом, собирал табун и гнал в деревню.

И конные забавы у нас были такие же, как у Салавата — поднять с земли на скаку какую-нибудь вещь, перепасть на коне Юрюзань, метко выстрелить из лука.

В детстве мне приходилось бывать в родных местах Салавата: Бабушке Фатыме, как вдове фронтовика, выделяли сенокос в госфонде. Эти луга располагались на пути

из нашей деревни Каратаулы в Шаганай. На сенокос мы с бабушкой обычно ездили на лошади. Укладывали в телегу косы, грабли, флягу для воды, продукты и отправлялись в путь. Проезжали урочище Болонбай, поднимались на гору, ехали краем перепаханного надгорья и спускались к чудесному ручью Яше-ага. До чего чиста, холодна и вкусна была вода в этом ручье.

Я останавливал лошадей на берегу, разнуздывал ее, отпускал чересседельник. Она заходила в воду и долго с удовольствием пила...

Дальше начинался Шайтан-як, земля, где родился и вырос Салават. Мне казалось, вот сейчас на том берегу ручья покажется Салават на белом коне Акбузате, а с ним его друзья. Кони их войдут в воду, наклонят головы и тоже начнут пить. Мы окажемся рядом, напротив друг друга.

— Салам алейкум, Салават-агай, — поздороваюсь я с ним.

— Алейкум вассалам, джигит. Куда путь держишь?

— Сено косить.

— Не время этим заниматься. Распрягай лошадь свою, садись верхом и поехали!

— Куда, Салават-агай?

— Вон в том лесу, — покажет он палкой, — заводские люди наш лес рубят, покажем им, чья это земля!

— Но у меня нет никакого оружия, у вас вон у каждого сабля на боку!

— А ты возьми свой топор из телеги!

Я потянулся к хомуту, чтобы развязать супонь и распрячь лошадь, но тут бабушкин голос развеял видение: «Ты что, уснул, что ли? Много пить коню не давай, не дай Бог, опойтса!»

Тех лесов, которые пытался отстоять Салават, сейчас уже нет. Их вырубил заводские люди. Однажды Салават со своими друзьями действительно напал на них. Лесорубы бежали, бежал и заводской приказчик, который узнал Салавата. Когда тот вернулся домой, управители завода уже были у Юлая. «Твой сын напал на лесную зайку. Сейчас в Уфу, к генералу поедет», — грозили они. Юлай с трудом успокоил жалобщиков, но Салавату досталось от отца и деда.

Но он не утомился. Заводчики хотели убить Салавата, но не посмели сделать это сами. Они боялись, что все

башкиры округи сядут верхом на коней и нападут на них. Тогда они наняли для этого людей со стороны.

Эпос рассказывает о том, что один из наемных убийц встретил Салавата в лесу, но не решился напасть на него. Поздоровавшись с Салаватом, он представился охотником. «Вон там одинокий медведь по бортиям лазит», — обманул он Салавата и направил его туда, где матерый медведь с медведицей учили медвежат разорять борти и доставать оттуда мед.

Без страха вступил Салават в бой с медведем, одолел его, но медведица, уведя медвежат подальше, вернулась и напала на Салавата сзади. Он получил большие раны, но, истекая кровью, одолел и ее.

Заводчики, поняв, что не могут унять Салавата, собрали верных им тарханов, старшин и стали держать совет. Они решили «приручить» Салавата, женив его.

Еще в детстве Салавату сосватали девочку Гульбазир, дочь тархана Хагынбая, даже сыграли свадьбу. Тогда Хагынбай и Юлай дружили и ходили друг к другу в гости. Но когда отношения между Юлаем и заводчиками обострились, Хагынбай решил, что Юлая, скорее всего, уберут со старшинства, и губернатор может предложить должность старшины ему, Хагынбаю. Поэтому он прервал дружбу с Юлаем и решил не отдавать свою дочь за Салавата, сославшись на то, что Салават уже был женат на вдове старшего брата. Однако по совету заводчиков Хагынбай переменял свое решение и отправился к Юлаю сказать это. Но дочь опередила его, она послала к Салавату с этой вестью своего гонца.

Салават отправился во владения Хагынбая. Проезжая через его луга, он заметил девушек, собирающих ягоды, и остановил коня. Гульбазир вышла ему навстречу. Они молча стояли и смотрели друг на друга, не решаясь приблизиться. Видя нерешительность девушки, Салават спел ей свою песню любви. Она ответила ему взаимностью.

Он услышал от Гульбазир и грустные слова:

Нежность девушки, батыр,

Сравнить бы можно с очаровательным цветком,

Но если у нее появится соперница,

Будто мороз убьет это чудо.

Но и Салават, и Гульбазир, конечно, понимали, что Амина, старшая жена Салавата, взята им по обычаю, и не Салават этот обычай придумал. С древних времен башкиры не бросали на произвол судьбы вдов своих братьев и их детей. Женитьба на Амине была долгом Салавата перед родственниками, и отказ от этого брака лег бы позором на его молодую голову. Весь день он в компании девушек пел и плясал, а вечером пришел на стойбище к Хагынбаю.

Там Салават застал заводчиков, тарханов и старшин. Они собрались и решили, что если Салават не утомонится, не перестанет препятствовать заводчикам рубить лес на башкирской земле, охотиться, пасти скот, то надо обратиться к губернатору, арестовать Салавата и отправить его подальше от родных мест. Как только Салават вошел в юрту, гости Хагынбая шарахнулись, как овцы при появлении волка, замолкли, быстро вышли из юрты и разъехались.

Хитрый Хагынбай устроил настоящий праздник по случаю приезда Салавата. Были скачки, борьба, песни, танцы и богатое угощение. Собрались родственники со всех ближайших стойбищ. Три дня гулял народ. Салават, сев на коня для отъезда домой, обратился к народу со словами благодарности за теплый прием, а потом сказал: «Заводчикам, захватывающим нашу землю, старшинам, продавшимся им, баям, проводящим свою жизнь в праздности и наслаждениях, беспечным мужчинам, распродающим родину вместе с нами, всем им не будет жизни на нашей земле. Пусть я захлебнусь собственной кровью, если не сдержу своего слова. Клянусь в этом я, Салават!» Он взмахнул платкой, и Акбузат понес его в сторону Шайтан-яка.

И мы, прощаясь с летним стойбищем Хагынбая, отметим следующее. В исторических документах нет упоминания о таком знатном башкире, тархане, жившем в этих краях. Он не мог остаться незамеченным в бурных событиях того времени. Значит, имя его претерпело изменения. Это и неудивительно. Эпос, зародившись в конце XVIII в. на родине Салавата, прошел через память нескольких сказнов, но никогда не записывался на бумаге. Последний исполнитель этого кубaira Габит-сэсэн был уроженцем Иткуловской волости Орского уезда Оренбургской губернии (ныне — Баймакский район). М. Бурангулов записал его от Габит-сэсэна в Зауралье, в 1910—1920 гг., на значительном удалении от места зарождения.

Можно лишь предположить, что под именем Хагынбая первоначально вошел в кубайр Шаганай. Его образ жизни полностью совпадает с действиями Хагынбая, описанными в эпосе. Он был дружен с заводчиками, за бесценок распродал башкирские земли, не гнушался и других злоупотреблений, из-за чего и был лишен старшинской должности. Юлай и Салават мешали ему, устранив их, он вполне мог претендовать на эту должность.

Салават сильно выделялся среди своих сверстников. Еще совсем молодым, в 16—17 лет был известен в округе как батыр, как сильная личность. Безусловно, Шаганая хотелось привлечь его на свою сторону. Он, старый хитрец, видел, что Юлай совершает немало ошибок, противопоставляя себя заводчикам. Поэтому Шаганая было выгодно отдать за Салавата свою дочь Гульбазир. Забегая вперед, скажу, что сыновья Салавата, возвратившись на родину, поселились не где-нибудь, а в деревне Шаганай. Это наводит на мысль, что мать по крайней мере одного из них была из рода Шаганая.

Но вернемся к эпосу. Стычки юного Салавата с заводскими людьми не прекращались, проливалась кровь. На заводах появились солдаты, и Салават собрал вокруг себя сверстников и охотников, дал коней тем, у кого их не было.

Отец и мать Салавата заметили подготовку сына к боевым делам. Юлай решил поговорить с ним: «Эти дни, когда ты садишься на коня, кажутся мне кровавыми. Идти против царя и заводчиков — искать себе смерть. Если бояре творят плохие дела, надо потерпеть, дождаться ответа на поданные заявления. Ты молод еще, а я видел восстания, сожженные деревни, казни батыров, их изуродованные лица без носа и ушей. Я с большим трудом, участвуя в военных походах, заслужил свой авторитет, дал клятву верно служить царю и губернатору. Ты хочешь, чтобы я отошел от своей клятвы?»

Юлай пытался остудить сына, призывал к терпению, но Салават упрямо отвечал ему, что не станет бездействовать, будет не с ним, а с народом:

Если по родине потечет река крови,
То и моя кровь будет в этой реке.
Если родина будет в огне,
То и я горю вместе с ней.

Если родина увидит светлые дни,
То и я буду праздновать победу.

Такие слова вложил сэсэн в уста Салавата. Между Салаватом и Юлаем возник такой же конфликт, как некогда между Юлаем и Азналы. Сын не хотел жить так, как жил отец и этим ставил под удар и авторитет отца, и благополучие семьи. Известная проблема отцов и детей!

Казалось, что этот конфликт вот-вот приведет к окончательному разрыву. Но в этот момент из провинциальной канцелярии пришел пакет с приказом направить отряд башкир на борьбу с самозванцем Пугачевым.

Юлай узнавал в Салавате самого себя. Он тоже в молодости был горяч, участвовал в восстании, но, чудом избежав наказания, хлебнув горя в семилетнем скитании по отрогам Ямантау, успокоился, реабилитировал себя перед властью в военных походах и стал старшиной. Такой же выход из сложившегося положения он видел и для Салавата. Обратившись к нему, Юлай сказал:

Езжай, сынок, ты на войну,
Тебе простят твою вину.
Как я, получишь ты медаль,
И станешь выше всех своих врагов.

Душа батыра Салавата рвалась в бой, и он получил, казалось, возможность реализовать себя. Послушав ли отца, или что-то иное было у него на уме, но Салават возглавил отряд, собранный Юлаем, надел его медаль и отправился к Стерлитамакской пристани.

Хоть и была медаль отцовской, но выделяла его среди других командиров. Сын доблестного отца также вызывал уважение у чиновников, и Салавата назначили тысячником, командиром тысячного отряда, отправлявшегося на подавление восстания Пугачева. Где-то в верховьях Юшатыра отряд остановился на ночевку. Здесь к костру Салавата подошел старик, с которым батыр встречался на родине.

Старый бунтовщик расспросил его о здоровье, делах и намерениях. Он видел, что Салават очень горд своим положением. Ему, такому молодому батыру, доверили тысячный отряд. «Туда ли ты идешь, сынок?» — спросил его старик, — ведь русский батыр, против которого ты ведешь

свой отряд, сел на коня и взялся за оружие, чтобы дать свободу всем народам от коварной царицы, ее генералов, бояр, тарханов и продажных старшин! "Пусть все будет свободно!" — бросил он свой клич. Прочитай его письмо!»

Это был известный манифест Пугачева, обращение его к башкирам, в котором он обещал вернуть башкирам их земли, захваченные заводчиками, и свободную жизнь по своим обычаям и вере.

Не к этому ли стремился Салават, еще подростком вставший на тропу войны? Не это ли было вековым чаянием башкирского народа? Салават сорвал с груди отцовскую медаль и с рассветом повел свой отряд в лагерь Пугачева.

Так сэсэн описывает переломный момент в судьбе молодого батыра. В исторических документах, к сожалению, нет упоминаний о том, как и когда башкиры трехтысячного сводного отряда под командованием старшины Ногайской дороги Алибая Мурзагулова и Салавата Юлаева приняли решение перейти на сторону Пугачева. Они шли на соединение с генерал-майором В. Каром, отправленным императрицей Екатериной II на подавление пугачевщины. Но Кар оказался разбитым, а в деревне Биккул, куда ехали башкиры, уже стояли повстанцы во главе с атаманами Зарубиным и Овчинниковым.

10 ноября 1773 г. Салават Юлаев и бывшие при нем башкиры оказались в лагере пугачевцев. Едва ли это произошло случайно. Они, конечно, знали о том, что там, куда они ехали, идет большое сражение. Да и посланцы Пугачева, как об этом сообщает эпос, доставляли его манифесты в башкирские селения и сформированные команды. Ситуация сложилась так, что оренбургский губернатор своим указом собирал башкирские команды, а приходили они большей частью в лагерь Пугачева. В результате его войско росло, как снежный ком, и в Бердском лагере вокруг Пугачева собралось уже более 10—12 тысяч башкир.

Среди них был и Салават Юлаев. Он участвовал в осаде Оренбурга, был дважды ранен, проявил героизм. Его представили Пугачеву. Тот произвел Салавата в полковники и отправил домой на излечение и набор войска, стремясь перекинуть пламя восстания на север и северо-восток Башкортостана, в район Красноуфимска.

Вернувшись домой, Салават застал новое ополчение, готовое двинуться к Оренбургу, на помощь воинским частям императрицы. Он обратился к землякам со своей известной речью. Эта речь крепко засела в умах башкир, передавалась из поколения в поколение. В XX в. она была записана от исполнителей трижды: М. Барангуловым, по-видимому, в 1910—1920 гг.; С. Мирасовым в 1922 г.; В. Коломбетовым в 1945 г. Есть русский перевод «Речи Салавата башкирскому народу» [13].

Салават не стал обманывать земляков, представлять Пугачева царем Петром III. Сын Юлая, обратившись к народу, сказал прямо, что батыра, начавшего восстание против императрицы, зовут Бугас (Пугачев), что он идет той же дорогой, что и башкирские герои Карасакал, Кусем, Ахай, Батырша. Салават поведал, что сам встречался с Пугачевым, разговаривал с ним.

«Пугачев беспощаден к любимым императрицей баям, генералам, чиновникам, — убеждал Салават, — он дает свободу и вольную жизнь по своим обычаям и вере всем народам: русским, башкирам, татарам, мишарам, чувашам». Он рассказал, что по пути домой развез манифесты Пугачева по многим селениям семи племен. Отметим, что даже во времена Салавата, во второй половине XVIII в. общность «семиродцев» еще имела место. В эпосе «Юлай и Салават» она упоминается в составе племен юрматы, кыпсак, табын, кувакан, айле, катый и тамьян.

Салават сказал землякам, что все племена поняли манифест Пугачева, готовят оружие и намерены вступить в бой за землю, свободу и веру.

Юлай пробовал воспротивиться:

Получив медаль, я дал клятву верности,
Взяв в руки оружие, я не буду врагом императрице.
Если, сынок, тебе не дорого слово отца,
То не буду я тебе отцом.

Салават с горечью ответил отцу:

Да, заслути твои признала императрица,
И ты поклялся ей, получая медаль.
Ты останешься верным ей старшиной,
Но предашь родину,
Будешь убивать наших батыров,
Ты настоящий потомок тарханов.

Но если ты защитишь родину,
То будешь очень уважаемым человеком.
А если ты оторвешься от народа,
То станешь ему врагом, моим врагом.

Видя, что собранные им бойцы пошла за Салаватом, Юлай не стал противиться, сел на коня. Эти строки из произведения устного творчества башкирского народа коротко и просто объясняют трагизм положения патриотически настроенной части башкирской правящей верхушки. Многие башкирские старшины в 1771—1772 гг. вместе со своими бойцами оказались втянутыми в карательные операции против польских конфедератов. Так императрица Екатерина II на деле осуществляла политику стравливания народов, одновременно укрепляя свою власть. Весь командный состав башкирского корпуса был награжден: кто именным оружием, кто медалью.

В среде башкирского народа, где воинская доблесть и верность своему государству ценились особенно высоко, такие знаки отличия порождали преданность власти и перейти через нее было нелегко. Но, несмотря на это, большинство старшин все-таки пошла со своим народом, возглавили повстанческие отряды.

Далее в эпосе приводятся строки, в которых Салават сгоряча упрекает отца в происхождении из тарханов, в знатности собственного рода. Видимо, эти сведения соответствуют действительности, так как сэрэн не один раз упоминает о том, что в каждом поколении в роду Салавата были тарханы, бии и старшины. В одном нет сомнения, это был род смолоду горячих патриотов, в зрелых годах ощутивших железную руку карающей власти. И в каждом поколении при этом был конфликт, как между Азналы и Юлаем, Юлаем и Салаватом.

Салават увел за собой отряд, собранный Юлаем совсем для других целей — для участия в карательных операциях. Он напал на заводы, на владения верных императрице старшин. Когда Пугачев пришел в Башкортостан, Салават уже имел многочисленное войско, стал главным полковником бригадиром.

Во многих сражениях участвовал молодой батыр, был ранен, но не слезал с коня. Он горько переживал, что все меньше и меньше бойцов остается в рядах его войска. Велики были потери. Разочаровавшихся, испугавшихся

воинов, покидавших поле боя, также оказалось немало. Даже отец Юлай, удовлетворенный сожжением ненавистного ему Симского завода, разорением заводских деревень Ерал, Орловка и Карауловка, и, получив известие о разорении его собственного селения, вернулся домой.

Силы восставших таяли. После того, как был арестован Пугачев, Салават, хоть и собрал вновь войско с разоренной родины, не мог уже противостоять нарастающей силе карателей. Как говорит эпос, каратели пришли на берега Карскялды, на родину Салавата, и заняли ущелья Ямантау. Надо отметить, что здесь сказитель вновь связывает долину речки Кускялды с ущельями Ямантау в единую вотчину их рода.

Салават дал еще несколько сражений карателям, но был разбит и арестован. Несмотря на унижительное наказание, торжество его врагов, он не был сломен, прощаясь с родственниками и земляками, сказал:

Хоть и покрыли землю снега,
Иссушив и уничтожив траву,
Но солнечной весной дожди
Вновь заставят цветы зацвести.
Хоть и уйдет с родины Салават,
Но кровь батыров, пролитая врагами,
Не умрет на нашей земле,
Родятся другие батыры и отомстят за нас.

Таким запомнился Салават своему народу. Конечно, бурные события начала XX в., Октябрьская революция и последующая власть коммунистической идеологии оказали на эпос свое влияние, но едва ли оно было большим, ведь Габит-сэсэн, со слов которого М. Бурангулов записал этот эпос, умер в 1921 г., когда коммунистическая идеология еще не успела поразить умы народных певцов и сэсэнов.

Для понимания образа жизни башкирского народа того времени, мыслей и чаяний его героев, смысла их борьбы этот эпос — бесценное достояние. По нему следует сверять сведения исторических документов о башкирах, написанных, как правило, враждебной стороной, на другом языке, записанные порой на допросах, в неволе, под пытками. Эпос «Юлай и Салават», как и другие произведения народного творчества исторического характера,

дают нам прекрасную возможность отойти от порочной практики некоторых историков, стремящихся описать события, буквально следуя тексту таких документов. Изучая кубаиры, можно представить себе полную картину событий, а исторические документы могут лишь отражать возникшие взаимосвязи между различными ее участками.

Глава V

РОДИНА САЛАВАТА В НАЗВАНИЯХ И ИМЕНАХ

Большую часть жизни, около 26 лет, Салават провел на каторге, в Рогервике, на берегу Балтийского моря. В поселке эстонских рыбаков из уст в уста, из поколения в поколение передавалось предание о Салавате, каторжнике, который каждый день выходил на берег моря и пел. О чем были его песни?

Конечно же, о далекой родине, о матери, оставшейся там, о женах и детях, о свободе, обрести которую он еще не терял надежду. Но эти надежды были очень похожи на балтийскую волну. Раз за разом набегала она из широких морских просторов и тут же разбивалась о берег, превращаясь в мелкие брызги.

А ночью, когда усталость валяла с ног, и он закрывал глаза, появлялись вдруг знакомые видения. Ласково шелестели листвою березы и осины, вешумный перекат воды в ручье рассказывал ему о жизни на далекой родине. Лишь сна и песни незримыми нитями связывали его с родиной до последних дней.

Мать и родину не выбирают, но с них начинается жизнь и судьба. Где тот клочок земли, на котором Салават делал первые шаги? Я знаю это место, у Салавата и у меня одна малая родина. Мы купались в одной и той же реке Юрюзань, лазали по тем же скалам, нас окружали одни леса и луга, мы пили воду из одних и тех же родников, поили коней в наших ручьях с прохладной и чистой водой. Вот только соловьи, жаворонки и беркуты над скалами у нас были разные, у каждого свои.

И меня родина зовет, как некогда звала Салавата, хоть и живу я уже в ином месте. А в последние годы стараюсь чаще бывать там, где прошли детство и юность Салавата.

Лет сорок-пятьдесят назад, а проще сказать, после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., чтобы приехать на вашу родину, надо было сесть в поезд, отправляющийся из Уфы в сторону Челябинска.

Поезд тронется, и замелькают маленькие станции, на которых останавливались «рабочие» поезда-составы, наподобие пригородных электричек. Самая первая остановка — «Воронки». Не знаю, в честь каких воронок так назвали это место. Оно знаменито не этим. Некогда, в далекой древности, еще в начале нашей эры, здесь, на крутом берегу, располагалось городище. Уфимский полуостров с древнейших времён привлекал людей своей природной защищенностью от внезапных нападений.

В наше время недалеко от этих мест размещались дачи Комитета госбезопасности. Они стали известны с 1932 г., когда здесь жил популярный советский писатель А. Фадеев, автор широко известного уже в то время романа «Разгром».

А. Фадеев жил и работал в Уфе с февраля по октябрь 1932 г. Он приехал в качестве московского представителя для участия в съезде башкирских писателей. Съезд был отложен, и А. Фадеев до глубокой осени оставался в центре внимания литературной общественности Башкирии. За это время он познакомился с произведениями башкирских писателей, оказывал им помощь, выступал с докладами, плодотворно работал над своим романом «Последний из Удэго».

Моему поколению А. Фадеев известен больше по своему роману «Молодая гвардия», посвященному деятельности молодых людей, комсомольцев, на территории оккупированной немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Роман имел небывалый успех, по нему создали одноименный фильм. Именами молодогвардейцев называли новорожденных детей. Так моя мама, Мамдуда Равиловна, увидев фильм, была восхищена мальчиком, пионером Радиком Юркиным. Ему я обязан своим именем.

Однако этот роман имел и трагические последствия. «Молодая гвардия» — художественное произведение, плод фантазии автора, хоть некоторые герои и имели сво-

их прототипов. Но органы НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) приняли роман как руководство к действию, стали вести следствие и арестовывать людей в поисках вымышленных автором предателей. А. Фадеев пытался протестовать, но безуспешно. Несколько человек было расстреляно. Автор романа застрелился сам. Таковы были нравы той страны, в которой мы жили.

А наш поезд медленно начинает тормозить. Станция Черниковка. Некогда здесь была деревня помещика Черникова, а затем близ Уфы возник отдельный город Черниковск, образовавшийся при строительстве моторного завода в 30-х гг. XX в. Его строили ссыльные раскулаченные крестьяне. Слышал я от одной бабули, сидевшей на скамейке возле своего барака: «Спасибо товарищу Сталину за то, что вывез нас из деревни. Как там спину гнули, вспомнить страшно — и день и ночь, теперь в городе живем...»

Повезло этим раскулаченным крестьянам, недалеко увезли, не бросили в тайге на произвол судьбы.

Мелькнет в окне Шакша, поезд стоит на станции Иглино, центре Иглинского района, который в 1952 г. оспаривал у Салаватского района право проведения юбилейных торжеств в честь 200-летия со дня рождения Салавата Юлаева, ссылаясь на то, что он родился в их деревне Тикеево.

А вот и Чуваш-Кубово. Раньше это была башкирская деревня Кубово. Юлай, отец Салавата, будучи старшиной, припустил сюда чувашей, сдал им в аренду землю. С тех пор эта деревня стала называться Чуваш-Кубово.

Все ближе и ближе родина Салавата и стационарные названия говорят об этом: Тавтиманово, Кудеевка. Здесь простираются земли, некогда принадлежавшие большому башкирскому племени кудей, известному во времена национально-освободительной войны 1735—1740 гг. Одним из вождей этой войны был старшина кудейских башкир Юдаш-мулла Суярембетов, казненный губернатором Неплюевым уже после окончания этой войны.

С казнаю Юдаш-моллы Кудейская волость перестает существовать, делится, и на карте появляются Шайтан-Кудейская, Кыр-Кудейская и Белекей-Кудейская волости. Шайтан-Кудейскую волость возглавляет Шаганай Барсуков, Кыр-Кудейскую — тархан Юныс Теперицев, а Белекей-Кудейскую — тархан Исмаил Молдуоров.

Поезд ненадолго остановится в маленьких уральских городках Ашй и Миньяр, возникших из поселений, стоявших на берегах речушек с теми же названиями. А вот и станция Симская, от которой в шести километрах расположен город Сим. Здесь, в горной котловине, виден Симский завод, построенный заводчиками на земле шайтан-кудеев, отобранной у них обманом и подкупом.

Можете выйти с поезда и доехать до завода, побывать в заводском музее, но если экскурсовод узнает, что вы из Башкортостана, то сразу предупредит: «Ваш Салаватка сжег наш завод, и в музее вы о нем ничего не найдете» [14]. Вот так цинично и презрительно: «Ваш Салаватка...»

Быстро забыли симцы, как их крепостные предки на положении рабов или рабочей скотины гнули спины на заводчиков. Да, Салават сжег завод, незаконно построенный на вотчинной земле его рода. Каждый волен защищать свою собственность как может. Но он и освободил много крепостных крестьян, работавших на заводе. Эти крестьяне бежали к себе на родину, в центральные губернии России, на Яик, валились в войско Пугачева. Салават покончил с их рабской жизнью. А условия их существования поражали даже карателей. Командующий всеми карательными войсками генерал-поручик Ф. Щербатов писал 16 июня 1774 г. оренбургскому губернатору Рейнсдорпу: «...жестокость, употребляемая от заводчиков со своими крестьянами, возбудила их к ненависти против своих господ».

Заводские рабочие, в основном крепостные крестьяне, больше ненавидели своих господ, нежели Салавата Юлаева. Эти господа и сделали Салавата врагом заводских рабочих. А сегодня их потомки говорят: «Ваш Салаватка...»

Он наш национальный герой, и хотя бы из уважения к соседней республике Башкортостан можно было бы выбирать выражения. Ведь не высказывали же мы, уфимцы, никакого презрения и недовольства к тем симским рабочим, которые в советское время, казалось, были забыты властью, жили впроголодь, хлеб и колбасу рюкзаками возили из Уфы в электричках по этой же дороге. А ведь и мы сами не ели досыта, часами стояли в очередях за продуктами, а приезжие эти часы лишь прибавляли.

Если бы Салават руководствовался лишь желанием сжечь Симский завод, построенный на захваченной у башкир вотчинной земле, то сделал бы это значительно

раньше 23 мая 1774 г. У него для этого было достаточно сил и возможностей. Но он не тронул ни завод, ни заводские деревни, не поднялась у него рука лишить заводчан крова над головой.

Но в начале мая 1774 г. на Симский завод прибыл большой отряд карателей под началом подполковника И. Михельсона, большого специалиста по борьбе с повстанцами, прославившегося вместе с А. Суворовым еще при подавлении польских конфедератов 1770—1772 гг. Заводчане рассказали ему, что Салават находится неподалеку, в родной деревне. Михельсон решил одним ударом покончить с Салаватом и разгромить его деревню. Каратели вышли из завода 6 мая, их вели проводники — заводские рабочие. На подходе к деревне Юлая (Юлай — аул, где жили Юлай и Салават), в семнадцать верстах от Симского завода, они столкнулись с небольшим конным отрядом Салавата. Произошла разведка боем. Михельсон вынужден был остановиться. Еще один день ушел у него на поиск основных сил противника и ожидание своей артиллерии. Утром 8 мая он вновь двинулся в сторону деревни Юлая.

Салават встретил Михельсона в поле, на правом берегу родной ему реки Кусьянды. У повстанцев была своя артиллерия, но они испытывали недостаток пороха. Сам Михельсон так докладывал об этом сражении: «Отошед версты две (от д. Ерал. — Р. В.), я оных увидел тысячи за полторы или более, построившихся в поле в разные кучи. Приближаясь к ним, оне, начав стрельбу, прямо кинулись на моих передовых. Я, построившись в линию, приказал господам майорам Харину и Тютчеву ударить на левое, а сам ударил на правое злодейское крыло. Мы нашли такое сопротивление, какого не ожидали, злодеи, не уважая нашу атаку, прямо пошли нам навстречу, однако с помощью божией, но не малым от них сопротивлением были обращены в бег...» [15].

Михельсон попытался «взять в клещи» воинов Салавата. Велика была угроза попасть в окружение, надо было отходить, но позади Салавата была его родная деревня, отец и мать, жены, дети и другие родственники. И тогда он двинулся вперед, «не уважая атаку» Михельсона. Башкиры рассекали его фронт надвое, посеяли панику. Жестоким было это сражение, оставившее в памяти Михельсона неизгладимый след. Но силы были неравными. Преиму-

щество карателей в артиллерии и огнестрельном оружии сказалось, да и у Салавата закончился порох. Он вынужден был отойти к деревне Картаулы.

Каратели же вместе с сопровождавшими их заводскими людьми разграбили и сожгли деревню Юлая и другие башкирские деревни: Текей, Азналы, Мурат, Касай, где жили родственники Салавата. Тогда же оказались в неволе его мать, жены и дети. Он потерял их навсегда, ему не суждено было их больше увидеть.

Только после этого, 23 мая, Юлай и Салават сожгли Симский завод, отомстили тем заводчанам, которые участвовали в разорении деревень.

Конечно, город Сим известен не только теми событиями 200-летней давности. Здесь, в семье лесничего, родился Игорь Васильевич Курчатov, основоположник нашей атомной науки и техники. Мне известен еще один уроженец г. Сима Александр Соколов — Герой Социалистического Труда, известный коневод, много лет жизни отдавший выращиванию орловских рысаков на Пермском конном заводе.

Из г. Сима на родину Салавата можно попасть и тем путем, которым некогда прошел И. Михельсон — через деревню Ерал. Но поезд там обычно не останавливаются, надо проехать чуть дальше, вдоль стройных рядов высоких елей. В начале XX в. на этом месте был хутор или заимка купца Карпочинского. Башкиры это место называют «Карпочау». Сейчас здесь узловая станция Кропачево, ее без остановки не проезжает ни один поезд.

И вот железнодорожный состав встал, вы сошли на перрон, обошли вокзал, и путь ваш лежит через всю станцию на невысокое взгорье, откуда в продолженные улицы уходит шоссе. В послевоенные годы пройти через какую-либо улицу станции Кропачево было нелегким делом, особенно после дождя. Собственно, станция была большой деревней, но отличалась от таковой отсутствием деревенского уюта и чистоты. Грузовики, проезжавшие по улицам, наминали здесь такую колею и ямыны, что иные свиньи, облобовав дорожные лужи, полностью погружались в них.

Станция осталась позади. Вы поднялись на гору, и перед вами открылась долина, где меж невысоких холмов, поросших березником и соснами, течет ручей. Его на-

Первой на пути Палласа оказалась деревня Бикбулат, расположенная на ручье Куамьяк, на котором он нашел пастину и крупяную мельницу. Затем П. Паллас пишет: «Отсюда отправился я вниз по речке Кульмяк, через соединяющиеся с нею ручей Саракундусь (Хары Кундуз. — Р. В.), Желтый бобр...». Так Паллас оказался на правом берегу речки Хары Кундуз. Сибирский тракт действительно тянулся здесь по косогору на правом берегу этого ручья.

Далее путь Палласа лежал «через речку Кускянды, которая сливаясь с ручьем Хары Кундуз, впадает в Юрюзань. Здесь (!), взяв несколько провожатых из лежащей на левой стороне сей (Кускянды. — Р. В.) речки деревушки из нескольких разсеянных дворов состоящей Шайтан-аул...».

Паллас по косогору доехал до слияния речек Хары Кундуз и Кускянды и переправился на ее левую сторону. Здесь он обозначил деревню Шайтан-аул. Это по Палласу, а по карте Красильникова и Рычкова 1755 г. в этом месте отмечена деревня Текей. Судя по тому, что деревню Текей называли еще и Шайтан-аулом, это был центр Шайтан-Кудейской волости. Кроме того, археологи нашли следы нескольких домов, стоящих в один ряд на косогоре, прямо на «Большой Сибирской дороге». Что это? Другая деревня?

Нет, очень близко, не более ста-стапятидесяти метров от слияния речек Хары Кундуз и Кускянды. Похоже на то, что здесь располагалась какая-то обособленная часть Шайтан-аула, возможно, зимняя или административная, связанная с функционированием Сибирского тракта. Ведь поэтому тракту перевозилась почта, ездили служащие люди, военные — на службу в Сибирь и обратно в отпуски, арестанты-каторжники шли «по этапу». Мне достоверно известно, что один из «этапов» был в деревне Каратаулы, поблизости от упомянутого Палласом «Юрюзанского перевоза» — паромной переправы.

Это место моя бабушка Фатыма называла «этап». В начале XX в. он располагался в двухэтажном здании. Первый этаж был сложен из камня, с металлическими решетками на окнах. Здесь почевали арестанты-каторжники. На втором этаже, срубленном из бревен, располагался конвой.

От деревни Каратаулы до деревни Текей (Шайтан-аула) примерно двадцать-двадцать два километра. Это соответствует дневному переходу арестантов-каторжан. Значит,

в Текей-ауле располагался такой же «этап», как и в Каратаулы. Здесь меняли лошадей, помогали в ремонте экипажей, давали провожатых. Это, по сути дела, был почтовый ям.

Среди местных жителей эта деревня называлась Текей, под таким названием она вошла во многие исторические документы. Лишь Паллас назвал ее Шайтан-аулом, по аналогии с названием Шайтан-Кудейской волости. Позже, после подавления пугачевщины и сожжения карателями деревни Текей, это место стали называть Иске-йорт, или Старое стойбище (двор). Уцелевшие жители бежали из этой деревни в другие места. Х. Кульмухаметов на своей карте указал пути беженцев. Он установил, что они переселились в деревни Шаганай, Юныс и Азналы.

Итак, место расположения деревни Текей мы установили — по обоим берегам речки Кускянды, около устья ручья Хары Кундуз. Это очень важно, так как на допросах и Салават, и Юлай назвали ее местом своего рождения. Однако едва ли стоит принимать протоколы допросов буквально. Юлай родился в доме своего отца Азналы, а Салават — в доме Юлая. Если это случилось летом, на летнем стойбище в юрте у ручья, то назвать точно место рождения было невозможно. Поэтому они, скорее всего, указали ближайшую известную административную точку, волостной центр — деревню Текей, что, в общем-то, соответствовало действительности. Жилища Азналы и Юлая располагались не далее трех-четырех километров от Текей-аула.

Теперь вновь обратимся к сочинениям Палласа: «...поехал (из Текей-аула. — Р. В.) я обратно через Кускянды без дороги прямо к востоку по горе из двух больших хребтов состоящий и редким березняком обросшей, именуемой Саракундуз-тау. В долине между гривами сия горы лежащей находится из немногих дворов состоящая деревня Гулей-аул, в которой живет начальник поколения шайтан-кудей. При деревне истекает из порядочных ключей небольшой ручеек, скрывающийся к северу...».

«Начальником поколения шайтан-кудей», или, как мы привыкли называть, старшиной в то время, в мае 1770 г., был Юлай-Азналин Гулей-аул (по П. Палласу) — это Юлай-аул, деревня, в которой жили в то время большой семьей сам Юлай с женами и детьми, Салават с женами и детьми, его сестры и братья с семьями. Кроме них, в деревне проживали еще семьи работников и бедноты, которым Юлай по должности и по обычаю должен был помогать.

Башкирские деревни того времени были небольшими, представляли собой скорее маленькие хутора, состоящие из нескольких дворов.

Юлай-аул мы не найдем на карте Красильникова и Рычкова 1755 г. В это время Юлай участвовал в восстании башкир (1755—1756 гг.), идеологом которого был Батырша. Согласно эпосу «Юлай и Салават», после подавления восстания он вместе с семьей семь лет скрывался в горах близ Ямантау и лишь после прощения вернулся на родину.

На упомянутой карте у излучины речки Кускянды, там, где русло поворачивает на восток, обозначена деревня Азналы. Действительно, в эти годы (1755 г.) дед Салавата Азналы жил в своей деревне. Эта деревня лежала немного в стороне от Сибирского тракта. Паллас не отметил д. Азналы в своих записках.

Родина Салавата Юлаева попала в многотомное сочинение профессора А. Асфандиярова «История сел и деревень Башкортостана» [17]. Однако автор оказался в плену своих убеждений о старшинстве Азналы в роду шайтан-кудеев, о коренном его происхождении из этого рода. Хотя нет никаких исторических документов, сведений из эпических произведений, указывающих на происхождение Азналы из рода шайтан-кудеев. Он пишет о том, что деревня Азналы была известна П. Палассу и упомянута им под названием Шайтан-аул, добавляя, по своей инициативе, — Азналино [17, с. 131]. «Азнала (Азналино) — коренное поселение шайтан-кудеев, раннее название которого было Шайтан. В этом нет никаких сомнений», — пишет уважаемый историк [17, с. 128].

Здесь он ошибся. Дело в том, что место расположения деревни Азналы известно и поныне старожилам и краеведам Салаватского района. Так краевед Т. Загидуллин, живший в соседней деревне Алькино, поставил в 60-х гг. XX в. памятный бетонный знак там, где некогда стояла деревня Азналы. Он же нарисовал картину для музея Салавата Юлаева, на которой изобразил деревню Азналы на излучине речки Кускянды, на три-четыре километра ниже устья ручья Хары Кундуз. Эта картина показана на страницах журнала «Агидель» [19].

Там же отметил деревню Азналы на своей карте другой наш краевед Х. Кульмухаметов. Его сын, мой дядя Габдулхак Гайнуллин, работая редактором районной газеты, выступал в печати с предложениями по возрождению

деревни Азналы. Уж очень это место было удобным для жилья. Прекрасные луга, чистые родники, связь с именем Салавата Юлаева делали это место привлекательным для туристов. Следы деревни Азналы и памятный знак существовали долго. Они были уничтожены в советское время при выкапывании силосных траншей для близлежащей Алькинской фермы.

Шайтан-аул также достаточно точно указан П. Палласом. Даны хорошие ориентиры — «берега речки Кускянды, около устья ее притока Хары Кундуз».

Для нас, краеведов Салаватского района, совершенно ясно, что Азналы и Шайтан-аул (по Палласу) — две разные деревни, расположенные друг от друга на расстоянии в три-четыре километра. Кроме того, надо отметить, что топоним «Шайтан-аул» использовал лишь П. Паллас. В официальных документах эта деревня имеет название Текей. Шайтан-аул ни разу не упомянут ни в географических указателях «Материалов по истории Башкортостана», ни в сборнике документов «Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии». Нет такого названия и на древних картах. Думаю, что это название придумал Паллас по аналогии с Шайтан-Кудейской волостью. Скорее всего, он услышал от кого-то народное название этой местности «Шайтан-як» и ее центр назвал «Шайтан-аулом».

Профессор А. Асфандияров старается убедить нас в том, что Шайтан-аул — деревня деда Салавата Юлаева Азналы. Дескать, Азналы — коренной шайтан-кудеец. Для чего понадобилось такое притяжение? А для того, чтобы иметь хоть какую-то зацепку для критики моего варианта родословной Салавата, в которой дед нашего национального героя Азналыбай Карагужин представлен как старшина Куваканской волости.

В результате такого стягивания двух деревень в одну у А. Асфандиярова пропала деревня Текей. Он так и не определил в своем справочнике месторасположение этой деревни, ограничившись лишь упоминанием о ее существовании и сожжении карателями, почему-то в 1775 г. Конечно, о деревне Текей мало что известно, но ведь она указана на карте Красильникова и Рычкова, значит, по крайней мере, место ее расположения автор мог отметить. Обязан был это сделать — эту деревню Юлай и Салават называли местом своего рождения. Но профессор А. Асфандияров

не сделал этого. В том месте, где на старых картах стоит деревня Текей, он поместил деревню Азналы.

Повторюсь, старожилы и местные краеведы Салаватского района достоверно знали две разные деревни на речке Кускянды: Текей (Шайтан-аул, по Палласу), в устье ручья Хары Куидуз, и Азналы, ниже по течению в трех-четыре километрах, где Кускянды поворачивает на восток.

От деревни Азналы речка Кускянды несет свои воды между невысоких гор, где располагается современная деревня Алькино. Выбравшись в долину Юрюзани, она поворачивает на север. Здесь в другой излучине некогда стояла деревня Мурат (Мрат). Она обозначена на карте Красильникова и Рычкова 1755 г. Эта деревня старшего сына Азналы Мурата, принимавшего участие вместе с отцом в восстании под предводительством Карасакала. Как было принято тогда в башкирских семьях, братья Мурат и Юлай жили неподалеку от семьи отца. О деревне Мурат (Мрат) известно очень мало, есть лишь отрывочные сведения о родственниках Салавата Юлаева из деревни его дяди Мурата. Так в списке отряда Салавата, составленного после 23 марта 1774 г. значатся Арслан Муратов и Салимьян Муратов [20]. Краевед Х. Кульмухаметов в своих записках, переданных М. Идельбаеву и опубликованных им в своей документальной повести [21], неоднократно упоминает родственников Салавата из деревни Мурат. Эта деревня была сожжена карателями Михельсона в начале мая 1774 г. Ее жители переселились ближе к деревне Шаганай, образовав выселок Муратовку.

П. Паллас держал свой путь на север и приехал в Шаганай-аул. Эта деревня стоит на ручье под названием Атты ашай язды (Чуть не съел коня). Так называли этот ручей местные жители, прожившие много лет в этой деревне. Он впадает в речку Кускянды.

Шаганай-аул — деревня знаменитого в тех краях башкира Шаганая Барсукова, старшины Шайтан-Кудейской волости до 1743 г. Его имя становится известным осенью 1739 г., когда он вместе со своими соседями-родственниками: тарханом Юным Теперищевым и Алексеем Булатовым — захватили одного из вождей национально-освободительной войны 1735—1740 гг. Тулюксуру Адагулова и сдали его властям.

Тулюксура был казнен в Мензелинске, а Шаганая за его деяния включили в состав делегации знатных башкир,

приглашенных на коронацию императрицы Елизаветы. В апреле 1742 г. члены делегации были представлены императрице и вручили Елизавете свои дары — «два сорока соболей».

В 1740 г. Шаганай показал представителям властей месторождение железной руды по реке Юрюзань на территории Тырнаклинской волости. В документе указана речка Узень [22], это сокращенное народное название гидронима «Юрюзань», который произошел от «юр» — быстрая, «узень» — река.

В связи с открытием Шаганая месторождения железной руды на Юрюзани интересна находка строителей на курорте Янгантау в 2000 г. Во время строительства бассейна почти на вершине горы, на глубине семи метров был найден большой кусок металла серебристого цвета без признаков окисления, весом около четырех тонн. Первоначально этот кусок металла был принят за метеорит, упавший на гору и инициировавший процессы в ее недрах [23].

Однако анализы не подтвердили этой версии. В процентном составе массы этого куска металла оказалось: железа — 96,08 %, марганца — 1,08 %, хрома — 0,29 %, ванадия — 0,13 %. Был сделан вывод: такой состав для железных метеоритов нетипичен.

Ученые-металловеды считают, что это рукотворный слиток — результат работы древних металлургов, попытавшихся использовать термические явления Янгантау для выплавки металла. На ранней стадии развития этих тепловых процессов температура газов, исходящих из недр, была очень высокой. Начало тепловых явлений на Янгантау, по сведениям того же П. Палласа, приходится на середину XVIII в., что совпадает с временем жизни Шаганая.

Знатный башкирский старшина Козыш Рахмангулов, возведенный в ранг старшины Сибирской дороги после подавления восстания Карасакала, обратился с письмом к уфимскому вице-губернатору П. Аксакову с изложением просьбы башкир. Это письмо подписал и поставил тамгу от Кудейской волости старшина Шаганай Барсуков. Их предложения заключались в следующем:

1. Согласно древним тюркским обычаям, башкиры просили разрешения брать в жены вдов бунтовщиков без уплаты штрафных лошадей, а также просили прекратить дела о претензиях иноверцев друг к другу.

2. Требовали издать указ для припущенников с обязательством для них платить башкирам деньги за припуск на вотчинные земли. Это было связано с тем, что башкиры платили в казну ясак за эти земли.

3. Признавать их решения по платежам в казну, вынесенные на основе Шарията.

4. Освободить башкир от обязанности ежемесячно сообщать об умерших и родившихся и платить «свадебные деньги». Эти обязанности ранее не возлагались на башкирский народ.

5. Прислать в аулы офицеров для сборов ясака и освободить башкир от обязанности возить ясак им самим в город Уфу.

6. Взять суд над бунтовщиками, еще содержащимися под караулом у генерала Соймонова, в свои руки, не надеясь на милость от этого палача башкирского народа.

Как видим, Шаганай привлекался и к решению общенародных проблем, имел вес в башкирской аристократии. Но это, видимо, вскружило ему голову, да и вице-губернатор П. Аксаков не жаловал пособников карателей, причастных к кровавым расправам над бунтовщиками.

Было следствие о злоупотреблениях башкирских старшин, на котором Шаганая предъявила много обвинений со стороны подчиненных ему башкир и сместили со старшинства в 1743 г. [24]. Однако он оставался вотчинником и влиятельным человеком в Шайтан-Кудейской волости.

Не случайно именно с ним заводчик Матвей Мясников вел переговоры об отводе земли под постройку Симского железоделательного завода. И не только потому, что Шаганай легче пошел на сделку. Это была вотчинная земля Шаганая и его родственников, им она и принадлежала. Поэтому в определении Бегр-коллегии о разрешении заводчику М. Мясникову на постройку Симского завода речь идет о «двух Шайтан-Кудейской волости отставного старшины Шиганая Бурчакова с товарищи...». Действующий старшина волости и вовсе не упоминается.

Юлай Азналин с другой частью башкир-вотчинников попытался опротестовать эту сделку по купле-продаже земли, совершенную Шаганаяем, но суд не только ему отказал, но и приговорил к штрафу в сумме 600 рублей.

Наложение судом денежного штрафа свидетельствует не только о происках всемогущих заводчиков, но и о том, что в действиях Юлая суд усмотрел правонарушение с его

стороны — он покушался на землю, ему не принадлежащую, а бывшую вотчиной Шаганая. Юлай был старшиной в Шайтан-Кудейской волости по должности, а по происхождению его вотчинная земля лежала в Куваканской волости.

Коренцами вотчинниками шайтан-кудейского рода, кроме Шаганая, были его двоюродный брат Аликей Булатов и тархай Юныс Теперищев.

Шаганай Барсуков оставил после себя большое потомство, жившее в его деревне. Старшим сыном Шаганая был Рысбай, участвовавший в 1762 г. в отводе земли заводчикам Твердышеву и Мясникову. Надо ли говорить, что тогда отношения между семействами Азналы и Шаганая еще больше накалились. В 1771—1772 гг. Юлай был в боевом походе в Польше. На старшинской должности он оставил вместо себя молодого Салавата.

Во время сбора пошатины случилась стычка между Салаватом и Рысбаем. Сын Шаганая, видимо, не воспринял Салавата, употребил несколько резких выражений. В результате в Уфимский приказ ушел рапорт Салавата о недостойном поведении Рысбая. Через некоторое время из Уфы явился казачий капрал Иван Клавдин с двумя казаками, арестовал Рысбая и его помощника Масгута Аскарлова и увез их в Уфу для разбирательства.

Отношения между родами Шаганая и Азналы завязались в клубок вражды раньше, еще в 1740 г., когда на берегу Ая в деревне Васкын, на курултае Карасакала был объявлен башкирским ханом. Азналы стал близким соратником Карасакала, а Шаганай оказался в числе верных правительству башкир и попытался арестовать Карасакала. Потом был судебный процесс, затеянный Юлаем в 1762 г. против Шаганая, который лишь подлил масло в огонь. А стычка между Салаватом и Рысбаем перенесла кровную вражду уже на третье поколение.

Дальнейшие события повторили сюжетную линию известной трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». Родилось четвертое поколение, в котором молодые люди из враждующих родов полюбили друг друга.

Забегая вперед, отмечу, что один из сыновей Салавата, вернувшись на родину, женился на дочери Рысбая. Эта девушка имела сильный характер. Она сумела потушить пожар кровной вражды, длившийся без малого целый век. В переписи она вошла под именем Усыктете, что означает «грозная девушка».

Известны и другие сыновья Шаганая: Емаш, Кунак-килды, Шужур, Сафар. В переписках отмечены его внуки и внучки, правнуки и правнучки. Деревня Шаганай, благодаря преданности царским властям ее основателя, не была сожжена во время подавления путчевщины и просуществовала до советского времени. Коренные изменения произошли в конце 20-х гг. прошлого века.

Из деревни Каратее (ныне Каратяки) Кушнаренковского района, спасаясь от разорения и раскулачивания, бежало несколько зажиточных семей. Не знаю, какими соображениями руководствовались эти люди, но они осели в глухой башкирской деревне Шаганай. Скорее всего, их привлекла доступность пахотной земли и отдаленность от властных структур и родной стороны. Глушь, одним словом.

Среди беженцев оказался и Залялетдинов Иксан, 1897 года рождения, ставший учителем в местной школе. Он был весьма любознательным человеком, кропотливо изучающим историю своей новой родины. Конечно, основным объектом его исследований был Салават Юлаев, его борьба, потомки, шежере рода.

Моя родная тетя Манзума, несколько лет учительствовавшая в Шаганаяе, вышла замуж за Наиля Имакаева, семья которого также бежала из Кушнаренковского района. Наиль-эзна имел брата Шамиля, женатого на Венере, дочери Иксана Залялетдинова.

Венера-апа и передала мне вариант шежере Салавата, составленный И. Залялетдиновым для одной из этнографических экспедиций Челябинского педагогического института. Она же утверждала, со слов отца, что у них в Шаганаяе бывал писатель С. Злобин, также интересовавшийся потомками Салавата. И. Залялетдинов передал Злобину имевшиеся у него сведения, показал ему могилу брата Салавата Юлаева — Ракая.

С. Злобин в своих записях, сделанных в деревне Шаганай 23 июля 1928 г., отметил: «Видал потомка Салавата ... лет около семидесяти. Зовут его Салах» [25].

В 1952 г. отмечалось 200-летие со дня рождения Салавата Юлаева. Тогда считалось, что Салават родился в 1752 г. Было принято решение об увековечении его памяти. Идеологи коммунизма, которым всегда нужен был классовый враг и месь, хотя бы над его памятью, переименовали деревню Шаганай в Юлаево, якобы увековечив память

о Юлае и искоренив из памяти народа имя старшины Шаганая. Однако еще и по сей день местные жители называют эту деревню Шаганай-ауа.

А ведь старшина Шаганай Барсуков — это также наша история. Национальной трагедией башкирского народа в те годы стало разделение башкир на «верных» и бунтовщиков. И те, и другие считали себя правыми, отстаивали собственные убеждения и интересы. И не нам их судить, делить на хороших и плохих, вытраивать из памяти народа их имена. Мудро сказал Ахметзяки Валиди: «Мы не красные и не белые, — мы башкиры». Историю народа не следует уничтожать, а надо бережно хранить для потомков. Хотя бы в назидание о той великой трагедии, о потере единства народа деревня Шаганай должна остаться на карте Салаватского района.

Идеологи коммунизма попытались внушить башкирам, что их прошлое — это кочевое скотоводство в диких степях, что они не имели ни городов, ни ремесленных центров, не знали недр Урала, не умели выплавлять металлы и делать из них необходимые изделия. Уделом диких башкир якобы были рыболовство и охота, пчеловодство и разведение скота, а металлургию и металлообработку они отдавали «старшему брату», совсем забывая о том, от кого тот этому научился. И Башкирию они называли дикой.

Нужно вернуть деревне Шаганай ее историческое название. В 80-х гг. XX в. наш аксакал-краевед Тархан Загидуллин при удобном случае обратился к Т. Ахунзянову, секретарю Башкирского обкома КПСС с этой просьбой. Т. Ахунзянов спросил: «Кто это такой?» Ему назвали имя и фамилию обратившегося человека. «А, тархан! Понятно, почему он заботится о Шаганаяе!» — был ответ.

Нельзя не согласиться с профессором А. Асфандияровым, что всякое переименование следует признать противоестественным.

Деревня Алексея Булатова — Алье (Алькино) при речке Кускинды также сохранилась и по сей день. Она располагается в двух километрах ниже по течению Кускинды от д. Азналы. Ее не было на карте Красильникова и Рычкова 1755 г. Можно предположить, что в то время Алексей жил в деревне Шаганая, приходящегося ему близким родственником (по источникам — братом [26]), а после того, как д. Азналы прекратила свое существование, основал непо-

далеку от нее свою деревню. В 1795 г. в ней насчитывалось всего 8 дворов и 108 жителей [17, с. 130].

В этой деревне упоминавшийся выше учитель местной школы Т. Загидуллин организовал первый музей С. Юлаева на его родине. Об этом человеке следует рассказать отдельно. Он был истинным патриотом своей малой родины. В 1952 г. на юбилейных торжествах в честь 200-летия С. Юлаева он участвовал в закладке первого камня памятника герою на его родине.

Через два года привезли и установили бюст Салавата работы Тамары Нечаевой. Т. Нечаева слепила его с известного актера А. Мубарикова. Это был лик 35—40-летнего мужчины.

«Разве таким был Салават Юлаев?» — задумался Т. Загидуллин и начал набрасывать на бумаге свой образ Салавата. Получался молодой башкир 20—25 лет, лишь входящий в пору возмужания. Со временем под руководством Т. Загидуллина образовался детский кружок краеведов, интересовавшихся судьбой Салавата. Дети стали нести в школьный кабинет географии разные старинные вещи, характеризующие жизнь и быт населения на родине Салавата. Районное начальство приняло решение открыть в Алькинской школе музей Салавата Юлаева.

Русский писатель С. Злобин написал роман о Салавате, осетин С. Тавасиев сотворил памятник, художник А. Кузнецов нарисовал картину «Допрос Салавата», представив на ней Салавата 45-летним мужчиной. Т. Загидуллин не воспринимал душой эти образы. «Почему башкиры стоят в стороне от дела увековечивания памяти своего национального героя?» — недоумевал он.

И тогда в 60-х гг. XX в. он обратился к Габдулхаку Гайнуллину с просьбой опубликовать в районной газете статью о Салавате, о необходимости сохранения памяти о нем здесь, на родине. Как вспоминает Габдулхак-агай, работавший в то время в редакции, это было первое выступление подобного рода. Т. Загидуллин с возмущением писал о том, что существовавшее, мягко говоря, безразличное отношение земляков к национальному герою их не украшает.

Что может сделать сельский учитель по увековечиванию памяти национального героя? Т. Загидуллин сотворил многое. В школьном музее появился портрет героя его работы. На склонах горы, протянувшейся вдоль автомо-

Краевед Т. Загидуллин, сделавший очень многое для увековечивания памяти Салавата Юлаева

Портрет Салавата Юлаева, написанный Т. Загидуллиным

бильной трассы Уфа — Екатеринбург, руками детей белыми кирпичами уже много лет выкладываются надписи «Родина Салавата» и «Салавату 244 года». Последняя надпись ежегодно обновляется. На месте родной Салавату деревни Текей он вместе с детьми сложил небольшой обелиск.

Т. Загидуллин был одним из инициаторов строительства большого музея Салавата Юлаева на его родине, музея, достойного памяти национального героя. Тархан-агай очень хотел, чтобы музей был построен ближе к тому месту, где некогда располагалась родная деревня Салавата, например, в Альке-ауле, где он сам проживал. Но было принято решение построить музей Салавата Юлаева в райцентре, в Малоязе, на оживленной транспортной магистрали, связавшей Уфу и Екатеринбург, ближе к курорту Янгантау.

Решение, в общем-то, правильное, и Тархан-агай с ним согласился. Музей должен быть посещаем, доступен туристам, сплавляющимся по Юрюзани, людям, отдыхающим на курорте Янгантау, гостям района, которых в Малоязе, конечно же, значительно больше, чем в Альке-ауле, стоящем в стороне от Юрюзани и оживленной трассы.

Много сил и души вложил Тархан-агай в оформление музея. Здесь раскрылся его талант художника. Вдвоем с сыном они написали картины деревень: Азналы, Юлай и Текей. Природу писали с натуры, в родных Салаватах местах, а деревни — по своим представлениям о башкирских поселениях XVIII в. Эти картины ценны еще и тем, что точно воспроизводят места расположения деревень. Т. Загидуллин также воссоздал и портрет Салавата, основываясь на лицах его потомков. Этот портрет выставлен в музее С. Юлаева. В нем нет ничего общего с тем лицом, которое изваял С. Тавасиев. Это лицо горно-лесного башкира. Я спросил у Тархана-агая: «Что же ты серьгу в ухе не нарисовал?»

— Что? Какая серьга? — возмутился Тархан-агай. — У башкир мужчины никаких серег и других украшений не носили и не носят. Только женщины вешают у нас украшения, — добавил он.

Как-то около Башкирского государственного университета встретил я известного археолога Н. Мажитова. Он собирался в очередную экспедицию. «Куда?» — спросил я его. «В Салаватский район. Администрация просит определить точное месторасположение родной деревни Салавата — этнографический комплекс хотят строить», — ответил он.

Следующим летом, на сабантуе я нашел Тархана Загидуллина и поинтересовался, были ли археологи и что они нашли?

— Были, — ответил он. — Нашли следы деревни в 50 метрах от того места, где мы с детьми обелиск поставили. Если хочешь, можем съездить, посмотришь своими глазами, — предложил Тархан-агай.

Отрепел сабантуй, и мы втроем: Тархан-агай, я и мой отец Шакир Вахитов отправились смотреть родные Салавата места. Дорога тянулась берегом Кускинды, вдоль склона горы.

— Это старая дорога в Кропачево. Ее начали строить еще до начала Великой Отечественной войны. Каждому жителю ближайших деревень выделили по 300 метров дороги. И мы с отцом строили, — рассказывал Тархан-агай. — Надо было выкорчевать деревья на всю ширину полотна, разровнять его и засыпать природным камнем. Но не достроили дорогу. Началась война. А еще раньше здесь тоже была дорога — этапный тракт шел через Шаганай и дальше к вам, в Каратаулы, — добавил он.

Действительно, дорогу не достроили. Пришлось оставить машину и далее двигаться пешком.

— Скольким раз просил районное начальство пропустить здесь грейдер. Говорят, что средств не хватает, к живым деревням дороги надо строить.

Так за разговором мы вышли на живописнейшее место на горном склоне. Здесь явно когда-то была деревня. Вот и спуск вниз, к речке. Неподдалеку стоял обелиск, сложенный из кирпича, обмазанный глиной и побеленный известкой.

— Вот, с детьми поставили этот памятник, обозначили родную деревню Салавата, — выдохнул Тархан-агай. — Это место показал мне Х. Кульмухаметов. Здесь на одной березе долго висела прибитая им доска с надписью: «Родина Салавата». Сейчас уж доски этой нет, сгнила.

— Что же нашли археологи? — спросил я его.

— Пойдем, покажу, — предложил он.

Прошли совсем немного, действительно метров 50—60, ну, самое большее, метров 100 от самодельного обелиска, и Тархан-агай показал мне следы деревни, найденной археологами. Здесь когда-то стоял всего один ряд домов, под их окнами была дорога — тот самый тракт.

— Теперь наука узаконила родную деревню Салавата, теперь легче будет разговаривать с чиновниками. Никому не нужно это место, — сокрушался Тархан-агай.

Какое красивое место! Как оно может быть ненужным? Внизу сливались две речушки Ханы Кундуз и Кускинды. Изумрудной зеленью покрыты прибрежные луга. К деревне, точнее, к месту, где она располагалась, подступал чистый смешанный лес: сосны, березы, осины. Так и хотелось спросить у деревьев: «Помните ли вы Салавата?» Нет! Сосны и осины точно не помнят, а вот березы, особенно вот эта, старая и одинокая, стоящая у дороги, может быть, видела Салавата: и молодого хозяина этих мест, и пленника в кандалах. Может быть, под этой березой и были кутом Салавата и его отца Юлая.

Прошел год. И вновь сабантуй. Объявляют по радио, что после скачек гости приглашаются на открытие памятника на том месте, где располагалась родная деревня Салавата Текей-аул. Тархан-агай принаряжен, ходит именинником. Достал он, видимо, чиновников, или они оказались лучше, чем он о них думал. Ведь и чиновники, руководите-

ля района родились и выросли здесь. Нашли они средства и на сооружение памятника, и на ремонт дороги.

После сабантуя вереница машин двинулась по той самой дороге. Ее не узнать. Хотя и не покрыта она еще асфальтом, но вполне проезжая. И обелиск — не чета тому, что поставил Т. Загидуллин вместе с детьми. Гранитная стела на бетонном основании огорожена столбиками, соединенными цепями. Красивый памятник. А чуть ниже стоял тот самодельный, не убрали еще, не успели. Мне же хотелось крикнуть: «Люди! Оставьте его, не убирайте! Пусть новый обелиск будет памятником родному пепелищу Салавата, а этот, созданный руками детей, пусть хранит память о патриотах нашей малой родины».

Будто чувствовал я тогда, что через год уйдет в мир иной Тархан-агай — этот замечательный человек, для которого любовь к своей малой родине была не красивым словом, а образом жизни.

Деревня Юныс возникла значительно раньше, чем Аьке-аул. Она обозначена на карте Красильникова и Рычкова 1755 г. Ее основатель — тархан Юныс Теперицев, сподвижник Шаганая, участвовавший в 1739 г. в поимке главного бунтовщика Тюлькусурь Адагулова. Однако после объявления Карасакала башкирским ханом, их пути-дороги разошлись. Карасакал набирал силу, говорил красивые патристические речи, и многие знатные башкиры перешли на его сторону, в том числе и тархан Юныс Теперицев. Команда же Шаганая, выступившего против Карасакала, таяла, и он вынужден был бежать из Башкирии [27]. Летом 1740 г. тархан Юныс Теперицев пришел в Верхояцкую крепость с повинной [28]. Дальнейшая его судьба неизвестна. Существование деревни Юныс на карте Красильникова и Рычкова 1755 г. склоняет чашу весов в пользу того, что он не был казнен. Кроме того, VII ревизия 1816 г. взяла на учет в этой деревне одного из его сыновей — Сяркиша Юнусова, 67 лет. Значит, Сяркиш родился в 1749 г., а его отец Юныс в 1748 г. еще был жив.

Деревня Юныс есть и сегодня. Она расположена на восточном склоне горы Хары Кундузтау, в верховьях ручья Шукшиде. Многие жители деревень Текей, Юлай, Азналы, сожженных карателями, переселились в Юныс-аул. Они до сих пор помнят это и называют место деревни Текей — Иске йорт, что означает «старое поселение».

С историей Салавата Юлаева связана и деревня Каратаулы. Она некогда носила название Старые Каратаулы, а потом вошла в состав райцентра Салаватского района. Ее в XVIII в. относили к Каратаулинской волости. Однако род таулы зафиксирован в древнебашкирском племени кувакан. На карте Красильникова и Рычкова 1755 г. отмечена деревня Таулы на реке Катав, неподалеку от ее устья. Деревня Каратаулы располагалась севернее, и поэтому в ее названии появилась приставка «кара-», а на упомянутой выше карте она обозначена и вовсе под другим названием — Енекей. Мне это название также приходилось слышать. Второе название подтверждает ее принадлежность к куваканскому роду. Известны сыновья Енекея, знатные куваканцы Аккузяк и Тимамбет, двоюродные братья знаменитого бунтовщика Бепени, идеолога национально-освободительной войны 1735—1740 гг. [29]. Отсюда следует, что Енекей был братом отца Бепени — Трупберды (Трупкильды) — и его фамилия Камакаев.

К куваканскому роду относилась и деревня Кусяк, расположенная на правом берегу Юрюзани, в устье ручья Лайры. Ее основатель — Кусяк Камакаев, близкий родственник Бепени, брат Трупберды и Енекея. Возможно, эта деревня называлась также и по имени старшего брата — Трупберды (Трупкильды). П. Паллас упоминает в своих путевых записках деревню с таким названием в 30 верстах от мишарской деревни Шарип [30]. Расстояние от устья ручья Лайры до современной деревни Шарипово составляет примерно 30 километров. Если к этим сведениям добавить упоминание о том, что Бепения жил на Юрюзани, то напрашивается вывод: деревня Кусяк (ныне Кызырбак-аул) была коренной деревней куваканца Камакаев и его сыновей: Трупберды (Трупкильды), Ака-муллы, Кусяка. Старший сын Камакаев — Енекей — отделился и жил в соседней деревне Енекей (Каратаулы тож).

Таким образом, селения куваканцев располагались в непосредственной близости от деревень кудейского племени, на расстоянии не более 15—20 километров.

А. Асфандияров отмечает, что тамги каратаулинцев свидетельствуют об их неоднородности [17, с. 118]. Действительно, краевед Х. Кульмухаметов в 50-х гг. XX в. зафиксировал три рода в деревне Ст. Каратаулы.

Первый из них — род тазлар (лысые). Это очень древний род. Он известен еще от Геродота, упоминавшего «лысых людей», живших на Урале. А это было за 500 лет до начала нашей эры. Учитывая, что Геродот описал «лысых людей» как горно-лесной, оседлый народ, можно считать, что род тазлар в деревне Ст. Каратаулы не пришлый, а коренной, и его начало уходит далеко в «догеродотовские» времена, во временные пласты зарождения древних башкир, в эпоху «ранней бронзы», когда состоялось первое великое переселение народов на Урал, связанное с поиском и захватом сырьевой базы для выплавки бронзы.

Х. Кульмухаметов сам по мужской линии был из этого рода и составил свое шежере. Он определил 12 поколений, начинающихся с Кузыбека, родившегося предположительно около 1585 г. Кульмухаметов отметил в деревне Каратаулы и составил шежере еще двух родов: кара-икмек и баскак.

Само название «кара-икмек» (черный хлеб) несет в себе интересную информацию. Дело в том, что в этих краях хлеб по-башкирски называют тюркским словом эпей, а икмек — это древнемадьярское слово. Городище мадьяр располагалось неподалеку, на берегу Ая, близ современного села Лагяр (Лагяревское городище Караякуповской культуры).

Можно протянуть нити поиска туда. Сохранилось шежере тырнаклинского рода, записанное также Х. Кульмухаметовым. Шежере рода кара-икмек начинается с Каскына, жившего на рубеже XVIII—XIX вв. В шежере тырнаклинцев также есть ветвь, которая обрывается на Каскыне, сыне Балтагала, жившего в то же самое время. Получается, что Каскын переехал с берегов Ая на Юрюзань. Таким образом, системные связи приводят нас к выводу, что род кара-икмек в деревне Каратаулы имел древнемадьярские корни.

Родовые связи рода баскак также тянутся на берега Ая, к тырнаклинцам. Это мой род. И надо честно сказать, что было весьма приятно обнаружить собственную родословную в архиве Х. Кульмухаметова, хотя он и не был для нас чужим человеком. По преданиям, нашим родоначальником считается Даут, поместье которого располагалось на крутом обрывистом берегу речки Шардали, протекающей через деревню Каратаулы. Это место раньше называлось Даут-яры. Также было известно, что Даут получил здесь землю стрельбой из лука.

Как и Каскын, Даут переехал сюда с берегов Ая. В шежере тырнаклинцев имеется ветвь, обрывающаяся на Дауте, сыне Кинжи. Кроме того, родственные связи с жителями Лагяр-аула поддерживались моим дедом Кызыханом. Бабушка Фатыма рассказывала мне, что в молодости, в голодные 30-е гг. они с дедом ездили на свадьбу в Лагяр-аул к дальним родственникам. Время было столь голодное, что на свадебном столе были лишь медовуха да кучка зеленого лука с солью, но родственные связи при этом помнили и поддерживали.

Название нашего рода баскак (боскак) восходит к баскакам, осуществлявшим судебную власть в Золотой Орде. Я не писал бы об этом столь уверенно, если бы не родился и не вырос в династии судей, начавшейся с моего отца Шакира Вахитова, 27 лет проработавшего председателем Верховного суда БАССР. Уже третье поколение нашего рода участвует в осуществлении судебной власти в Республике Башкортостан. Видимо, склонность к тому или иному виду деятельности также передается генетически.

Кроме того, в нашем роду состоялась и династия кузнецов. Я знал лишь Галимхана и Мырзагаяна, хотя по преданиям в нашем роду и до них были известные в округе мастера кузнечного дела. Да и сыновья их часто брали в руки куваду, работая молотобойцами. Может быть, поэтому и не воспринимаю я всерьез заявление наших историков и этнографов о том, что среди традиционных занятий башкир не было металлургии и металлообработки.

Галимхан и Мырзагаян в суровые годы Великой Отечественной войны были призваны в трудовую армию на Челябинский тракторный завод, выпускавший в то время танки.

Галимхану было уже около 60 лет. Ему оказался не под силу тяжелый труд на заводе. Он ушел добровольцем на фронт и там погиб смертью храбрых.

Мырзагаян-бабай после войны до глубокой старости работал кузнецом в колхозной кузнице. Он ее сам и построил. В небольшом домике на территории конного двора, на том самом обрыве, называемом Даут-яры, располагалась эта кузница. Немудреное хозяйство состояло из печи с горном, наковальни, установленной на большом, я бы сказал, могучем пне в центре кузницы и шкафа с инструментами. В углу лежала груда металла, из которого Мырзага-

ян-бабай делаа подковы для лошадей, зубья для борон, дверные навесы и другие вещи, необходимые в колхозном и личном хозяйствах.

Едва кузнец разжигал свою печь и появлялся дымок из ее трубы, как мы, подростки, мигом сбегались на конный двор. Нам все было интересно, подковывал ли кузнец лошадь или запаявал чей-то прохудившийся самовар. Мастер нас не прогонял, несмотря на то, что кто-нибудь порой обжигался, задев или, еще хуже, наступив босой ногой на горячую железку. При этом обычно раздавался дикий вопль пострадавшего, который вскоре затихал, плавно переходя в негромкое поскуливание после опускания обожженной ноги в ведро с холодной водой.

Поэтому Мырзагаян-бабай не любил наше праздное любопытство и старался направить нашу энергию в практичное русло. Кого-то он сажал на скамейку крутить колесо горна, а тем, кто постарше, давал в руки молоток и *луш* (башк.) — маленькую наковальню и доверял отбить косу. Нашими руками было отбито немало кос для солдатских вдов. Мы делали в кузне и вещи для себя, например, сетки для ловли пескарей, остроги для охоты на налимов, маленькие лопатки для копки харыны — желтого съедобного корня.

Стоит сказать несколько слов и об этом растении. Оно стоит особняком от грибов, ягод, орехов и других зеленых благ природы Башкортостана. Это историческое растение, спасавшее башкирский народ от голода в годы жесточайших репрессий, следовавших во время и сразу после башкирских восстаний XVII—XVIII вв.

Когда башкир лишали возможности покупать муку, отбирали скот в качестве штрафа за восстания, они копали и заготавливали на зиму харыну. Корень этого растения напоминает луковичку — он желтоватого цвета, с дольками как у чеснока, но, в отличие от последнего, не жгуче-кисло-горького, а приятного маслянистого вкуса. К сожалению, я не знаю научного названия этого растения и не слышал, чтобы другие народы употребляли его в пищу.

В исторических документах, написанных на русском языке, это растение называли «сараной» или «саранкой». Башкиры, продавая свою землю или сдавая ее в аренду припущенникам, часто оставляли за собой право на этой земле «борти крыть» и «копать сарану». Промысел этого корня, как и бортичество, составлял жизненную основу башкирского народа.

И в голодные годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. башкиры вспомнили спасительную харыну, так выручавшую предков. Дошла она и до нас, подростков 50—60-х гг. Мы, конечно, не испытывали уже голода военного времени, но с удовольствием копали харыну. Для этого и делали мы в кузнице у Мырзагаян-бабая специальные лопаточки. Недавно нечто подобное увидел я в хозяйственном магазине среди садового инвентаря под названием «корнеудалитель».

Мырзагаян-бабай был младшим братом моего дедушки Казыхана. Его жена, Кафия-абий происходила из вышеупомянутой деревни Юныс. Их младшие сыновья Радис и Фарит были мне не только родственниками, но и самыми близкими друзьями детства. Родственные корни их по матери уходили в Шайтан-як, и они внешне вполне соответствуют описанию Салавата Юлаева: невысокого роста, крепкого телосложения, черноволосые брюнеты с карими глазами.

«На дымок» горна сходились и старики. Критиковать власть и говорить о политике не было принято в то время. Сталинские уроки еще помнили хорошо. Больше вспоминали старину, закручивая сигарку с крепким самосадам или фабричной махоркой. Часто состязались в знании своей родословной, семь поколений считалось необходимой нормой. А ведь от Салавата и Юлая их отделяло всего 3—4 поколения. Поэтому их имена часто упоминались стариками — одни были с ними в родстве, другие породнились, выдав дочь или взяв невестку из их рода. Старики вспоминали, кто и какие песни пел о Салавате, а также куплеты, автором которых считался Салават.

Была у них на языке и сам Салават, его родственники, жившие в деревне Каратаулы. Не забывались далеко не мирные отношения с заводчанами, обсуждались древние границы вотчинных земель, отнятых под строительство заводов, под заводские деревни и их пашни.

Конечно, нам, мальчишкам, не были интересны земельные проблемы, и мы не очень-то слушали стариков, а им, наоборот, хотелось передать нам предания старины. Помню, однажды Ахун-бабай, по деревенскому прозвищу «Бесей», что значит «кот», известный в деревне как большой хитрец, изрек: «А вот Салават, не то что вы, балбесы, когда был малым, любил слушать рассказы стариков о ба-тырах, об их прекрасных конях, об оружии из булатной

стали, об их подвигах, принесших им славу и почет». Конечно, нам очень хотелось быть похожими на Салавата, и мы усаживались около стариков и терпеливо слушали их рассказы, вдыхая вонючий и едкий дым от их сигарок, заправленных махоркой.

Старики говорили о друге детства Салавата, по прозвищу Мугуш, что означает «угол» (может быть, это было его имя). Этот Мугуш жил в Каратаулы-ауле и был могучим парнем. «Как вон тот Ахун», — говорили старики, кивая на другого Ахун-бабая, по кличке Угуз, что значит «бык». Тот добродушно смеялся и говорил: «А хитрым Мугуш был, как Ахун-бесей». Оба Ахуна приходились мне родственниками. Они рассказывали, как Салават отправил Мугуша на Катав-Ивановский завод на разведку и как там заводчане убили его.

Помнили старики и обстоятельства ареста Салавата, как его связанного повезли на санях в Калмак-аул, упоминали даже масть лошади, запряженной в эти сани, говорили «хары ат», что значит лошадь соловой масти.

Старик Хайретдин, знаменитый в наших краях рыбак, знавший хорошо берега Юрюзани, рассказывал, что недалеко от деревни Нижняя Лука, в болотистом месте, лежит валун, высотой с человеческий рост. Его называли «Камнем Салавата», говорили, что Салават стоял на нем и осматривал местность.

Тут подъехал на подводе Набий-бабай, по прозвищу «Бер Набий — ун абий». Его прозвище означало «один Набий и десять старушек». Он во время сенокоса обычно был звеньевым, а в звене у него работали около десятка немолодых уже вдов Великой Отечественной войны. Узнав о чем разговор, он добавлял, что Салават как будущий зять часто бывал в Калмак-ауле, и место, куда он отпуская пастился коня, и сегодня называют «Салават йорто» — «Двор Салавата». Но мы уже не могли слушать этого старика серьезно. Мы любили его за веселый нрав, шутки.

Он приехал к кузне, чтобы подковать свою кобылу, но не успел еще завести ее в станок, как мы соблазнили его на борьбу. «Набий-бабай, покажи, как Салават боролся!» — так, поддразнивая, мы увлекали его выйти и побороться с нами. От своих старших братьев, прошедших армию, мы знали несколько приемов спортивной борьбы и с их помощью пытались одолеть старика. Но он снимал с шеи лошади «тошау» — путо и, обхватывая нас этой веревкой, как

полотенцем, легко бросал на землю по всем правилам борьбы на поясах, приговаривая: «Вот так боролся Салават!» Он ~~был~~ весь день боролся с нами, но дело торопило — кобылу надо было подковать.

А делали это самым варварским способом, перенятым у заводских крестьян. На специальном станке, сделанном из толстых бревен, лошадь подвешивается на ремнях, заведенных под ее брюхо. Одна ее нога привязывается намертво к станку. Затем из кузницы, держа клещами, коваль выносит подкову, предварительно раскаленную докрасна, и прикладывает ее к копыту. Копытный рог шипит, горит, плавится, и подкова впечатывается в копыто, плотно прилегает. Бедное животное, страдающее от нестерпимой боли, бьется в станке, тщетно пытаясь освободиться. Потом подкову прибивают ковальными гвоздями. И так четыре раза, по разу на каждой ноге. Мы стоим притихшие, смотрим, жалеем лошадь, пытаемся представить себе как ей больно, будто даже сами испытываем эту боль. У малышей выступают слезы на глазах.

И тут сзади раздается голос старика Шаймухамета.

— И Салавату так же каленым железом на лбу выжгли тамгу, клещами разодрали ноздри.

— А зачем, бабай? — шепчет сведенными от страха губами кто-то из малышей.

— Чтобы любой мог узнать каторжника, если убежит из-под караула.

С погрустневшими лицами мы расходились играть «в Салавата». Быть Салаватом в игре было почетно, и каждый стремился получить эту роль. Так в душе каждого из нас еще в детстве сложился образ нашего Салавата. Как потом оказалось, этот образ сильно отличался от того Салавата, которого нам представили в книгах и кино.

В деревне Ст. Каратаулы, кроме упомянутых родов, были и другие, в том числе родственные Салавату Юлаеву. Так, по моим сведениям, род Салавата и Юлая по мужской линии восходил к упомянутому выше куваканцу Камакаю через его сына Ака-муллу. А другой сын Камакая — Енекей жил в деревне Каратаулы. К сожалению, шежере его потомков пока неизвестны. Я пишу «пока» потому, что не только надежда, но и возможность установить их имеется. При наличии интереса к своей родословной это нетрудно сделать. В нашем республиканском архиве хранятся «ревисские сказки» — переписные листы до 1816 г. От отца

к деду, от деда к прадеду и далее можно установить свою родословную по архивным материалам. А если искать глубже, то можно обратиться к шеститомнику «Материалы по истории БАССР», к другим сборникам документов. Вполне возможно, что искомый предок высветится в различных сделках, купчих, челобитных или среди участников башкирских восстаний. Надеюсь, что наши земляки пополнят сведения о национальном герое Салавате Юлаеве, и пример Х. Кульмухаметова вдохновит их на такие поиски.

Теперь самое время представить читателю и самого Хайруллу Кульмухаметова. Он краевед. А что, собственно, означает краеведение? Коротко сказать — познание родины, но я хочу прибегнуть к поэтической строке:

КРАЕВЕД

Его в селе считают чудачком.
Он ищет лапти, старые монеты,
Брошюры, пожелтевшие газеты,
Гордится битой плашкой, черпаком.
Ему по сердцу ржавенький безмен,
Плетеная корзина бельевая...
Предметы быта — это нить живая,
Свидетельства событий, перемен.
Вчерашний день родимой стороны
Легко утратить в мчащемся Сегодня.
Не горько ль стать на родине безродным
И не заметить собственной вины?!
«Еще не поздно», — мысль стучит в висок,
Примисли к чудаковатым краеведам,
Знакомых старожилон попроведай
И сделай с ними в Прошлое бросок.
Расскажут ветераны про войну,
Про голод, холод в годы лихолетья.
Полно было всего в этом столетье
Оплачено за разную цену.
Не поленись ты записать, браток,
Текущие рекой воспоминанья.
Но различн: где была, а где преданья.
Зайди, раз просит, к деду в закуток.

Глядишь, такой достанет раритет
Из сундука, изношенной котомки...
Что станет тот визит событием громким
Среди музейстов всех минувших лет.
Все может быть, где поиск —

там успех

Шагает рядом вместе с неудачей.
У краеведов трудные задачи,
Которых хватит надолго, на всех!

Анатолий Бондаренко

Судьбы результатов краеведческих поисков бывают разные. Найденные старинные вещи могут оказаться в музее, чаще молодое поколение, получив их в наследство, несет в антикварную лавку. Старые бумаги, рукописи порой сжигают, даже не разобрав их. Короче говоря, труды краеведов оказываются часто невостребованными. Но Х. Кульмухаметову в этом смысле повезло. По большому счету можно выделить следующие его достижения:

— нашел и отметил потомкам место родной деревни Салавата Юлаева;

— в споре с Иглинским районом доказал, что родина Салавата Юлаева была на берегах р. Кускяды в Салаватском районе;

— записал шежере тырнаклинского рода, начинающееся со времен Чингисхана и протянувшееся до наших дней;

— в 1950 г. записал один из вариантов шежере Салавата Юлаева со слов его праправнучки Гульсафии Исламовой, 1872 года рождения, проживавшей в деревне Новые Каратаулы;

— записал шежере родов в родной деревне Старые Каратаулы.

Его перу также принадлежит художественное произведение о Салавате Юлаеве, в котором отражены родственные связи нашего национального героя. Главы из этого произведения опубликованы в документальной повести М. Идельбаева «Салават сын Юлая» [21].

На месте родной деревни Салавата, указанном Х. Кульмухаметовым, установлен обелиск. К 250-летию юбилею героя была предпринята попытка воссоздания деревни, построены два деревянных домика.

Как-то в середине 60-х гг. шел я с бабушкой Фатимой в Ст. Михайловку. Шли мы по берегу Юрюзани, короткой дорогой, даже не дорогой, а тропинкой, протоптанной среди невысокой травы. Навстречу вышел пожилой мужчина. Бабушка Фатима поздоровалась с ним, хотела молча пройти, но он остановил ее. Она как-то неохотно поговорила с ним о жите-быте. Поняв, что он наш родственник, я стал пытаться у бабушки:

— Кем он нам приходится? Почему ты с ним так нехоти разговаривала?

— А как с ним разговаривать? Это Хайрулла Кульмухаметов — бывший муж моей сестры Тагиры, отец Габдухака.

— Но ведь Габдухак-агай — Гайнуллин, а он — Кульмухаметов, — допытывался я.

— Хайрулла родился Кульмухаметовым, потом из Казахстана вернулся Гайнуллиным, теперь опять носит свою родную фамилию.

Бабушка Фатима больше не захотела о нем говорить, и я ничего не узнал тогда об этом человеке. Много лет спустя, после получения доступа к его архиву, мне стала известна его удивительная биография. И смена фамилии была там отнюдь не самым интересным местом.

Как упоминалось, Х. Кульмухаметов происходил по мужской линии из рода «геродотовских лысых людей» — тазлар, а по женской линии его родословная пересекалась с родом Салавата Юлаева.

Его дед Кульмухамет женился на глухонемой праправнучке Салавата — Кеней, очень трудолюбивой и старательной девушке. Конечно же, в их семье об этом знали и помнили. Отсюда и ранний, с детства интерес Хайруллы к родственным связям Салавата, к его борьбе и творчеству.

Х. Кульмухаметов родился в 1904 г. в семье крестьянина-середняка. До Октябрьской революции его отец занимался своим хозяйством, а в 1912—1914 гг. имел маленькую лавку по торговле товарами повседневного спроса. После революции их семья обеднела, он и отец батрачили у своих состоятельных соседей. К лету 1918 г. они выбились наконец из нужды, заняли вторую лошадь, появился и другой скот. Но началась Гражданская война.

Левым берегом Юрюзани шли части отступающей Белой армии Колчака, а правым — красноармейцы. Белые казаки ограбили их семью, увели корову-кормилицу,

а самого Хайруллу вместе с лошадейю и подводой мобилизовали в обоз. Ему было тогда 14 лет. Два месяца отступал он вместе с колчаковцами, дважды пытался бежать верхом на лошади, но всякий раз его ловили и били. Бросать свою лошадь он не хотел, очень тяжело она досталась семье. Хайрулла хорошо понимал, что такое лошадь для крестьянской семьи.

Но однажды во время воевки налетели красные, кто-то из казаков сел верхом на его лошадь и ускакал. Хайрулла потерял коня, а безошадный он уже никому не был нужен, вернулся домой.

Так в подростковом возрасте в его биографию вплелась еще одна черная полоса. В дополнение к мелкой торговле отца прибавилось пребывание в Белой армии Колчака. Потом никто не будет вспоминать, что он был всего лишь подводчиком, формы не носил, оружия не имел, не воевал. Колчаковец и все тут! Коммунисты ему это припомнят.

По возвращении домой, в 1919 г., Хайрулла тяжело заболел тифом. Два месяца был между жизнью и смертью, но родители выходили его. К весне он пошел на поправку, стал ходить. Его мать очень радовалась этому, но вскоре сама слегла и умерла.

Хайрулле пришлось батрачить в Михайловке у Павла Чванова, пасти его скот. С осени 1920 г. до весны 1921 г. работал на станции Кропачево разнорабочим, на ремонте телеграфной линии. Но в страну пришла разруха, невозможно надвигался голод. Два месяца не платили зарплату, нечего стало есть. В отчаянии, сильно ослабевший, еле передвигая ноги, он отправился в родную деревню, в Каратаулы, хоть и доходили до него слухи, что и там голодно, отряды продразверстки вымели все запасы зерна.

Х. Кульмухаметов, аксакал, краевед, один из потомков Салавата Юлаева.

Тяжким был этот путь домой. Позже он отметил в своих записях: «Немного пройду и присяду, слезы душили от безысходности. От станции Кропачево до речки Хары Кундуз два километра, но это расстояние я прошел за 2—3 часа».

Несмотря на такое состояние, Х. Кульмухаметов нашел в себе силы осмотреть это место, расспросить о нем местных аксакалов. В этих же записях он оставил следующие слова, оказавшие решающее значение при определении места родной деревни Салавата Юлаева: «Когда идешь из Кропачево в сторону Юныс-аула и спускаешься с горы, в низине течет ручей Хары Кундуз, и здесь же он впадает в речку Кускиянды. Около устья Хары Кундуз есть следы от деревни, называемой местными жителями Иске йорт. На этом месте раньше стоял Текей-аул. Именно в этой деревне и родился Салават Юлаев».

Знал ли Х. Кульмухаметов, перепрыгивая через ручеек Хары Кундуз весной 1921 г., что год назад, в мае 1920 г. В. Ленин и его будущий преемник И. Сталин уступили требованиям А.-З. Валидова и пошли на предоставление башкирам автономии. Но при этом, ссылаясь на нехватку в Башкирии инженерных кадров, вырезали из исконно башкирских земель весь куст южно-уральских заводов: Симский, Усть-Катавский, Катав-Ивановский, Юрюзанский, Саткинский, Златоустовский и их заводские поселки. Это были те земли, за которые воевали Салават, Юлай и их соратники.

Граница между Челябинской областью и Башкирской АССР прошла как раз по тому ручью Хары Кундуз и речке Кускиянды. Дрогнул рука кремлевского мечтателя, и родина Салавата оказалась бы вне границ Башкортостана.

Позже Х. Кульмухаметов не раз бывал здесь вместе с Т. Загидуллиным. На одинокой старой березе они прибили дощечку с надписью «Родина Салавата». Это был первый памятный знак, установленный на родине нашего национального героя.

Гражданская война, развязанная большевиками, разогнавшими Учредительное собрание и узурпировавшими власть, стала страшным бедствием для народа.

Голод, разразившийся в стране в 1921 г., обычно связывают с Поволжьем. В советское время немало кинокадров было посвящено демонстрации железнодорожных составов, везущих хлеб голодающему Поволжью. Это было,

конечно, лицемерием. Коммунисты сами инициировали этот голодомор, вывозя из сел все запасы хлеба. И голодало не только Поволжье, голодала и вымирала вся страна. Голодно было на Дону, голодал и Урал, Башкирия. Дошло даже до людоедства.

В 80-х гг. XX в. мне пришлось быть в с. Иргизла Бурзинского района. Там была жива еще бабушка Пелагея, которая ребенком едва спаслась от собственного отца, пытавшегося зарезать ее и съесть.

Вот и Х. Кульмухаметов в голодном 1921 г. вместе с моим дедом Казыханом подались в сторону Сибири. Доехали до Челябинска и пошли в город просить подаяние на пропитание. Одна сердобольная бабушка дала им кусок хлеба, но предупредила, что в районе железнодорожного вокзала ловят молодых людей «на мясо», делают из них пирожки и продают проезжим. Но страшнее этих предупреждений были голодные боли в животе. С такими приключениями они добрались до границы с Казахстаном. Мой дед Казыхан нанялся в работники и остался близ станции Петухово, а Х. Кульмухаметов доехал до ст. Мамалютка. Здесь он встретил своих земляков: моего прадеда Юмадла и Гайнуллина Хаджи, обменивавших свои вещи на продукты. Они накормили Хайрулла, и Хаджи сказал: «Возьми мою справку из сельсовета, я как-нибудь обойдусь, домой доеду, а тебе здесь нечего делать без документов».

Хайрулла взял справку. Фамилию исправил на Гайнуллин, а вместо Хаджи написали Хайрулла. Так в Казахстане он стал Гайнуллиным. Сначала батрачил у казахов, потом у помещика Кургузкина на паровой мельнице. Здесь он вступил в комсомол, и комсомольская организация направила его на курсы казахбратчества в г. Петрозаводске. На этих курсах он был принят в ряды коммунистической партии. В 1926 г. его призвали в Красную армию. Демобилизовавшись в 1928 г., он вернулся на родину и прошел обучение в областной партийной школе в г. Уфе.

Затем Х. Кульмухаметов работал в различных партийных и советских органах до декабря 1938 г. Это было время партийных «чисток» и разгула сталинских репрессий. Его исключили из партии как сына торговца, припомнили и пребывание в армии Колчака, понизили в должности, а затем уволили. Казалось, судьба его решена: осуждение какой-нибудь «тройкой» и расстрел, в лучшем случае лет 15—20 лагерей. Трудно поверить, но этого не случилось.

Более того, он сумел добиться восстановления в партии через комиссию партконтроля по Башкирии.

В годы Великой Отечественной войны Х. Кульмухаметов служил замполитом роты. Это была легендарная должность в действующей армии. Замполиты первыми с призывом «Коммунисты, за мной!» поднимались из окопов в атаку. Это были очень мужественные и волевые люди, служившие Родине не на страх, а на совесть.

Патриот — он всегда и везде патриот: и на войне, защищая большую Родину, и в краеведческом поиске, изучая прошлое своей малой родины.

Весной 1944 г. Хайрулла был тяжело ранен, контужен и, в связи с этим, демобилизован из действующей армии. Вновь обучение в партийной школе и работа в партийных и хозяйственных органах. Много приходилось ездить по району, общаться с разными людьми. Где предание какое расскажут, где расплетут нити родства — все записывал Х. Кульмухаметов. Иной раз доходило до курьезов. Одному ирому доносчику, писавшему доносы на своих односельчан, рассказал его же родословную, тинущуюся от знаменитого бая, имевшего тысячные табуны лошадей и десятки наемных работников. Байское происхождение тогда не украшало человека, доносчик испугался и сразу поутих, предпочел больше не высовываться.

Начало 1950 г. застало Х. Кульмухаметова на должности директора Кигинского районного Дома культуры. Но неожиданно в январе того же года он уволился по состоянию здоровья. Странная формулировка. Видимо, он сам обосновал свое решение уйти с этой должности. Но как бы там ни было, за этим следует всплеск краеведческой работы. В феврале 1950 г. в деревне Лагыр Салаватского района он записывает шежере тырнаклинского рода, начинающееся со святого Чингисхана, а 25 апреля этого же года — шежере рода Салавата в деревне Нов. Каратаулы от Гульсафии Исламовой. Далее путь его лежал в Уфу. Здесь 9 мая он встретил 5-летие Победы над фашистской Германией, а 10 мая был уже в Институте истории, языка и литературы им. М. Гафури.

Х. Кульмухаметов отыскал старые карты Сибирской дороги XVIII в., ландшафты Красильникова и Топографию П. Рычкова. По ним он составил сводную карту родины Салавата, обозначив на ней лишь деревни и реки. На созданной им карте он отметил памятные места, связанные со следующими событиями:

- разгром куваканского рода в X—XI вв.;
- национально-освободительная война 1735—1740 гг.;
- восстание под предводительством Батырши в 1754—1755 гг.;
- боевые операции отрядов Салавата Юлаева; а также деревни, сожженные карателями, и деревни, принявшие беженцев.

Трудно сейчас сказать, чем руководствовался Х. Кульмухаметов, отмечая места разгрома куваканцев в X—XI вв. Можно лишь предположить, что ему были известны какие-то предания. Одно из них, о приходе рода тубяляк из куваканского племени, он записал. Сохранился пожелтевший листок, слова сокращены, прочесть трудно, но в конце отмечено, что у этого рода дерево — олива, птица — шонкар, тахта — ковш. Значки, отмечающие места разгрома куваканцев, стоят на обоих берегах Юрюзани близ современной деревни Ахун.

Кто же разгромил куваканцев в X—XI вв.? Это могли быть древние мадьяры. Их поселения поздних этапов Караякуповской культуры были обнаружены археологами близ современных сел Лагыр и Турналы. Пока можно лишь отметить, что появление здесь куваканцев не было случайным, они жили в этих местах с глубокой древности.

Когда я написал в одной из статей, что родословная Салавата Юлаева восходит по мужской линии к куваканскому роду через его деда Азнамы Карагужина, то меня едва не подняли на смех — как куваканцы могли быть среди шайтан-кудеев? С удовлетворением отмечаю, что куваканцы в наших местах — не моя выдумка, еще около 60 лет назад это обнаружил и Х. Кульмухаметов. Возможно, он также знал, что род Салавата по мужской линии восходит к племени кувакан.

Вполне понятен интерес его и к восстанию Карасакала, который был объявлен башкирским ханом в наших краях на курултае, состоявшемся близ д. Васкын (совр. — Лагыр). По сохранившимся записям из архива Х. Кульмухаметова видно, что он изучал документы по сборнику «Материалы по истории БАСССР». Имена многих людей, упомянутых в этих документах, Х. Кульмухаметов знал по шежере тырнаклинского рода, записанному им 12 февраля 1950 г. в д. Лагыр.

Конечно, большой интерес он проявил к действиям отрядов Салавата Юлаева, особенно к сражениям в конце

мая и первых числах июня 1774 г. После боев 8 мая на берегу родной Салавата речки Кускинды Михельсон рапортовал начальству о том, что разбил Салавата. Но он вынужден был отметить, что встретил такое сопротивление, какого не ожидал. Башкиры Салавата контратаковали его и лишь под сильным артиллерийским огнем вынуждены были отступить. Михельсон потерял Салавата из виду и в мае месяце метался между Саткинским и Симским заводами в поисках Пугачева и Салавата.

В конце мая Салават решил дать бой Михельсону, встретив его у пристани на переправе. Хоть Михельсон и писал в рапорте генералу Шербатову о сражении на берегу реки Ай, но на самом деле сражение произошло на реке Юрюзань у деревни Каратаулы, около пристани, где сплавляли железо с Симского и других заводов. Это была единственная пристань в округе, на реке Ай пристаней не было. Да и отмеченное расстояние в 30 верст от Симского завода до места этого сражения говорит о том, что оно было на Юрюзани, до Ая значительно больше, не менее 50 верст.

В годы моего детства следы этой пристани и паромной переправы еще не пропали, были заметны. Это место мы называли «Иске паром», что означает «старый паром».

Подойдя к этой пристани, Михельсон нашел паромы разбитыми, а башкиры Салавата заняли удобные позиции в горах на противоположном берегу. Каратели выставили по берегу пушки и под их выстрелами 50 казаков стали переплывать вплавь. «Злодей самым сильным образом старались мне мешать, однако будучи принуждены мне оставить лодину, засели все по горам и ущелинам, с коих производили великую стрельбу», — писал Михельсон в своем рапорте. Порох перевезла конница, а пушки потопили и протаскали по дну реки на канатах. Михельсону удалось согнать повстанцев с гор в поля, он преследовал их верст двадцать. Сражение, начатое на Юрюзани, закончилось на берегах Ая. Бойцы Салавата рассыпались в разные стороны и ушли от Михельсона.

Собрались они на берегу Ая около деревни Лагыр, где было традиционное место сбора башкир. Вечером 2 июня 1774 г. со стороны Саткинского завода сюда подошел Пугачев с остатками своего войска, имея всего около 500 бойцов и сопровождавшую его челядь. Пугачев сам описал эту встречу:

«Пришел он в башкирские селения, где нашел стоящих на конях башкирцев до трех тысяч человек. И из оных, увидя ждущую его толпу, старшина Салават, подъехав к нему, Емельке, сказал: «Это стоит наше башкирское войско, и мы дождаемся, ваше величество, а нас-де старшин здесь трое», и он, Емелька, сказал: «Благодарствую. Послужите мне».

На следующий день Пугачев выставил против Михельсона до 3500 бойцов, чем немало удивил подполковника. Состоялось многочасовое сражение, во время которого происходила сильная ружейная и пушечная стрельба.

Исторической науке не известны места этих боев. А. Х. Кульмухаметов нашел и отметил их на своей карте. Их пять в междуречье Ая и Киги. Первое — в верховьях ручьев Караклы и Караили, в урочище «Шанитгар крахи», второе — между ручьями Караили и Ачи, в урочище «Кырк хуйыл», третье — в 1—1,5 км севернее д. Уразкильдино, в урочище «Кешмер», четвертое — у села Лагыр и пятое — на противоположном берегу Ая, около деревни Яун. Не на пустом месте родились эти значки на карте. Видимо, о сражениях здесь рассказывали предания, дошедшие до Х. Кульмухаметова, а может быть, здесь находили и орудия сражений: наконечники стрел, обломки сабель, ядра и картечь. Во всяком случае, это хорошее поле деятельности для молодых салаватоведов.

На своей карте Х. Кульмухаметов отметил и сожжение деревни Тежей, и то, что ее жители переселились в деревни Юныс, Азнамы и Шаганай.

Едва ли случайным оказался всплеск краеведческой работы Х. Кульмухаметова в 1950 г. Скорее, активность была порождена надвигающимся юбилеем Салавата, его 200-летием. Дата рождения Салавата была известна Кульмухаметову по песне о нем, в которой пелось, что Салават стал бригадиром в двадцать два года. Кульмухаметов знал из истории пугачевщины, что звание бригадира Салавата было присвоено после боев с Михельсоном, в первых числах июня 1774 г. Исходя из этой даты, Кульмухаметов и вычислил, что приближающийся 1952 г. был годом 200-летнего юбилея Салавата. Полагаю, что именно он поставил вопрос о необходимости проведения юбилейных торжеств и увековечения памяти Салавата Юлаева. Больше никому. Никто в те годы из историков темой Салавата Юлаева активно не занимался. После Великой Отечест-

венной войны с 1945 г. по 70-е гг. XX в. не было опубликовано ни одного сколько-нибудь серьезного исследования. А пока лишь земляки-патриоты, «рыцари без страха и упрека», такие как Х. Кульмухаметов и Т. Загидуллин, ставили вопрос об увековечивании памяти национального героя.

Юбилейный механизм был запущен. Не имея возможности долго оставаться в Уфе, да и средств для этого у него не было, ведь ездил за свой счет, вернулся домой и устроился работать в одну деревенскую семилетнюю школу учителем истории. Но, видимо, не так историю преподавал, не прошло и года, как от него избавились, уволили, сославшись на отсутствие диплома. Будто другие учителя в 1951 г. были сплошь дипломированными.

Юбилей Салавата приближался, и Х. Кульмухаметову хотелось быть ближе к торжественным событиям. Он вернулся на родину, в Каратаулы, на должность заведующего районной сберкассой.

Решение бюро Башкирского обкома ВКП(б) о проведении юбилейных мероприятий оказалось весьма неожиданным для общестественности. Никаких исследований по жизни и деятельности Салавата Юлаева не было проведено. Писатели, художники, скульпторы, композиторы не могли предложить к юбилею ничего нового. Однако, созданная для этого случая комиссия, видимо с испуга, приняла весьма обширный план мероприятий.

Имя Салавата Юлаева предполагалось присвоить:

- а) Башкирскому академическому театру драмы (он потом получил имя М. Гафури);
- б) Месягутовскому учительскому институту (преобразован в училище);
- в) Болорещком металлургическому комбинату (остался безымянным).

Предлагалось и музыку написать на слова Салавата, и портрет его сотворить, памятник ему поставить, организовать республиканский сабантуй, написать около десятка статей и главное — за неделю разработать научно-популярную биографию С. Юлаева.

Кроме того, планировалось выпустить сборник его стихов и песен на башкирском и русском языках, сборник статей о Салавате, а также сборник народных песен, стихов и поэм о нем. Забегая вперед, скажу, что ничего этого не было сделано.

Реальная ситуация была просто удручающей. Даже место проведения юбилейных торжеств вызвало споры. Не было установлено место рождения Салавата.

Дело в том, что в протоколах допросов Салавата и Юлая указано, что оба они родились в деревне Текей. Деревня с таким названием сохранилась до наших дней на территории нынешнего Иглинского района. Вспомним, до пугачевского бунта Юлай был старшиной на территории, входившей в Шайтан-Кудейскую, и в Кубовскую волости. Эта деревня относилась к Кубовской волости. На этом основании руководство Нуримановского (в то время) района заявило свои права на то, чтобы считаться родиной Салавата.

Деревни Юлая и его отца Азналы в свое время располагались на территории Салаватского района. Но от них остались лишь одни пепелища, уже давно заросшие травой. Республиканское руководство перед проведением юбилейных торжеств решило выяснить истину и предложило руководителям районов представить свои доказательства. Иглинской стороне было проще. Богом и властью забытая их деревня Тикеево еще жила.

Первый секретарь Салаватского райкома КПСС Б. Абрахманов не знал что делать. Ведь не покажешь же следы сожженных деревень в качестве доказательств, а не докажешь — родиной Салавата станет другой район. Простит ли это его потомки и земляки? И тогда Б. Абрахманов рассказал о возникшей проблеме на одном из партийных активов района. Результат получился неожиданный — встал заведующий сберкассой Х. Кульмухаметов и заявил: «Я докажу, материалы есть у меня дома».

Никто не разъезжался, все ждали, пока Х. Кульмухаметов сходит и принесет свои записи и карты. Он показал карту, о которой шла речь выше, где на территории нынешнего Салаватского района были обозначены деревни Текей, при слиянии рек Кускянды и Хары Кулдуз, и Азналы, ниже по течению Кускянды.

В Уфу съехались делегации районов. Иглинскую сторону (Нуримановский район) представляло 60 человек. Делегация Салаватского района была значительно меньше. По моим сведениям, кроме Б. Абрахманова и Х. Кульмухаметова, в состав делегации входили еще несколько аксакалов, в том числе Шаймухамет Аюпов. Его сын Рафик-агай мне говорил об этом.

Иглинцы делали доклад первыми. Во время их выступления Кульмухаметов вскакивал, кричал: «Неправда! Не так!» Его предупредили, что выведут из зала. Абдрахманов, как мог, сдерживал его. Потом дали слово салаватцам. Больше часа говорил Х. Кульмухаметов. Он сумел доказать, что родная Салавату деревня Текей располагалась в нынешнем Салаватском районе, назвал родственные связи многих здешних жителей с Салаватом и Юлаем, даже песни о Салавате, популярные в наших краях, напел.

Иглинцы ничего подобного, кроме наличия деревни Тикеево, в доказательство привести не смогли. Точка была поставлена, родина Салавата утвердилась официально. Было рекомендовано провести юбилейные торжества в Салаватском районе. Эту историю я узнал от моего дяди Габдулхака Гайнуллина, сына Х. Кульмухаметова. Ему рассказал ее участник тех событий Б. Абдрахманов.

Что же произошло на юбилейных торжествах в честь 200-летия со дня рождения Салавата Юлаева? Как было принято в те годы, прошли торжественные митинги в Уфе, в райцентре Салаватского района. Совершили нелепость — деревню Шаганай переименовали в Юлаево, там также прошел митинг. На месте будущего памятника Салавату заложили первый камень.

Лишь через два года установили бюст Салавата, сотворенный Тамарой Нечаевой. Юбилей, конечно же, оказался неподготовленным, но не зря русские говорят: «Лиха беда начало». Это начало и было положено, брешь в коммунистической идеологии была пробита. Салавата признали национальным героем башкирского народа. И в этом немалая заслуга Х. Кульмухаметова.

Но даже самой малой почетной грамоты не получил Х. Кульмухаметов за свои великие дела, ни званий, ни степеней, ни орденов. Он что-то писал, отправлял в Уфу, но ни один из его трудов не был опубликован под его именем. Лишь только то, что он передал М. Идельбаеву, через много лет увидело свет в его документальной повести «Салават сын Юлая».

Глава VI

ПРЕДКИ САЛАВАТА

Человека выдает его окружение. Салавата невозможно представить без его отца. Они вместе жили, воевали, делили тяготы вечной каторги. А сколько неприятностей и трудностей доставил советским историкам и писателям отец-старшина, феодал, когда они пытались создать из его сына прообраз большевика-ленинца, борца против угнетения бедняков — русских и башкир. Поэтому исследователи старались не касаться родственных связей Салавата, более того, они чурались этого.

Кем был, например, дед Салавата Азнамы? Другие его предки? Участвовали ли они в ранних башкирских восстаниях, ведь башкиры поднимали национально-освободительную борьбу каждые 20 лет, с возмужанием каждого следующего поколения. Упоминаний о деде Салавата нет ни у Злобина, ни у Гвоздиковой.

Этой теме лишь вскользь коснулся А. Пушкин в «Истории путачевского бунта». Он назвал Юлая старым мятежником, скрывшимся от казни 1741 г., последовавших после восстания Карасакала. Но здесь А. Пушкин допустил редкую для себя ошибку. Юлай на допросе в Тайной экспедиции Сената показал, что «от роду ему сорок пять лет». Было это в 1775 г. Он родился не позднее октября 1729 г. Во время восстания Карасакала ему было 10—11 лет, поэтому Юлай не мог по возрасту участвовать в этом восстании, и казнь ему не грозила.

А. Пушкина не допустили к архивным материалам «дела о Пушачеве». Он писал о Юлае и Салавате, основывая

ясь на народных преданиях. Видимо, народная память хранила еще сведения об участии их рода в восстании Карасакала. Если не Юлай, то логично предположить, что с Карасакалом бунтовал его отец — Азналы.

Раз уж Юлай был удостоен звания сотника в 1762 г., в возрасте 33 лет, а старшиной стал в 1766 г., в возрасте 37 лет, можно с уверенностью утверждать, что род Юлая и Салавата был достаточно знатным. А какие сведения есть о предках Салавата в башкирских эпосах?

В эпосе «Юлай и Салават» мы читаем о том, что Азналы был авторитетным, богатым человеком, родившимся в знаменитом роду. Отец его постарался дать сыну образование. Летом для обучения Азналы в их деревню приглашался мулла, а зимой он учился в городе. Азналы знал русский язык. Сэсэн утверждает, что он был чуть ли не единственным человеком на Урале, умевшим писать на двух языках! Кроме того, отмечается твердость Азналы в управлении своим аймаком.

Сказитель не знал предков Азналы. Это говорит о том, что конкретное происхождение Азналы не было известно в данной местности. Пока сделаем лишь предположение, что предки Азналы были из другого рода.

Байык Айдар-сэсэн называл Азналы тарханом. Так это было или нет — неизвестно, но нет сомнения в том, что в эпосах Азналы характеризуется весьма знатным, известным человеком, и имя его должно быть отражено в исторических документах башкирских восстаний либо среди повстанцев, либо среди верных правительству башкир.

Эпос рассказывает, что Азналы принимал участие в походах Юлая в польский поход. Значит, он был жив накануне пугачевщины в 1771—1772 гг. Упоминается также, что Юлай, родившийся в 1729—1730 гг., был последним, самым младшим сыном Азналы. Если это так, то получается, что Азналы родился где-то в начале XVIII в., примерно в 1700 г. Примем условно этот год за дату рождения Азналы. Тогда во время национально-освободительной войны 1735—1740 гг. ему было около 35—40 лет. Это возраст зрелого мужчины, он не мог остаться в стороне от бурных событий той войны, ведь тогда северо-восток Башкортостана бурлил, как котел на хорошем огне. Башкиры то бунтовали, то приносили повинную, то, обманутые, вновь поднимали восстание, писали письма императрице, про-

сили унять ~~зав~~равшихся чиновников и потерявших человеческий облик карателей, грозили уйти из российского подданства.

Вначале я поступил просто. Взял недавно вышедший шестой том «Материалов по истории БАССР», посвященный башкирским восстаниям 30-х гг. XVIII в., и просмотрел именные указатели. Как ни странно, но никакого Азналы из Кудейской и Шайтан-Кудейской волости там не оказалось.

В документах упомянуты все влиятельные люди Кудейской волости, разделенной на три части: Шайтан-Кудейскую, Кыр-Кудейскую и Белекей-Кудейскую волости [31].

Наиболее авторитетным здесь был старшина Кудейской волости Юдаш-мулла Суярымбетов. У него были сыновья Ягафар и Исламгул Юдашевы — старшина и сотник Каратавлинской волости. Белекей-Кудейскую волость возглавлял тархан Исмаил Молдуров. Известна его деревня Смаил на ручье Ерал. Он имел братьев Исеней и Илекей [32]. В Кыр-Кудейской волости наиболее влиятельными людьми были «теперисчевы дети» — тарханы Челбыр, Муса и Юныс. Известны их деревни Юныс и Мусабай. Во главе Шайтан-Кудейской волости стоял Шаганай Барсуков, прославившийся поимкой одного из предводителей той войны — Тулькусурь Аднагулова, также уроженца Кудейской волости. В одном из документов [33] упоминается «брат ево, Шиганаев, Аликай Булатов». Алекей, видимо, был двоюродным братом Шаганая — фамилии у них разные. Его деревня Альке (Алькино) существует и по сей день.

Проходят по источникам Давлеталей-мулла, житель деревни Миндиш, Касайбай, деревня Касай которого располагалась совсем рядом с деревнями Текей и Азналы, выше по течению Кускнды. Казалось, вся Кудейская волость отметнулась в той войне, как на стороне повстанцев, так и на стороне верных башкир. Однако Азналы — уроженца Кудейской, или Шайтан-Кудейской волости, среди них не было.

Как же так, знатный башкир, которого называли тарханом, знал русский язык и не совершал никаких сделок, не принимал участия в восстаниях? Этого не могло быть.

Значит, неверны были те минимальные сведения о нем, которые мы заложили в схему поиска. Его имя не вызывало сомнения — Юлай был Азналин, Азналихов. Тогда под сомнение попала волость, ведь и в кубанрах не указы-

валось его происхождение, оно оставалось неизвестным, сказитель испытывал затруднение, Азналы как будто был со стороны.

Кроме того, в одном из опубликованных преданий сообщалось, что из шайтан-кудеев была бабушка Юлая, мать Азналы [8]. Значит, его отец был из другого рода, иначе получился бы близкородственный брак.

Мунир Хади, автор первой «Истории башкир», опубликованной в 1909—1910 гг. в журнале «Шура», издававшемся известным публицистом Ризантдином Фахретдиновым, писал:

«Ранее у башкир запрещалось брать жен из ближней части рода. Нарушившего этот запрет могли убить, а жену забрать. Так говорится в предании о Кильмете, взявшем в жены девушку из ближней части рода, из-за чего вспыхнула война и погибло много народа» [34].

Шайтан-Кудейская волость невелика, чтоб делить ее на ближнюю и дальнюю части. Всего 5—6 деревень, да из них половина — это деревни Азналы и его сыновей. Из этого следовало, что отец Азналы, взявший в жены девушку из шайтан-кудеев, был из другого рода. Возникла необходимость расширить поиск отца Юлая, не ограничиваясь выходами из Шайтан-Кудейской волости. Именной указатель «Материалов по истории БАССР» сразу высветил Азналыбая Карагужина, уроженца соседней Куваканской волости. А самое главное, документы, в которых он упоминался, относились к восстанию Карасакала, и он играл там одну из главных ролей.

Сходилась первая наводка, данная нам еще А. Пушкиным, который отметил в «Истории пугачевского бунта» старого мятежника из рода Салавата, скрывшегося от казней 1741 г. Более того, просмотр документов, упоминающих Азналыбая Карагужина, показал, что он после подавления восстания Карасакала бежал в Киргиз-Кайсацкую Орду, скрываясь от казней 1741 г. Против же родства Юлая с Азналыбаем Карагужиным, на первый взгляд, свидетельствовало происхождение последнего из Куваканской волости, при старшинстве Юлая в Шайтан-Кудейской волости. Однако такие случаи были. Например, Юлаш-мулла был старшиной Кудейской волости, а его сын Ягафар — Каратавинской волости.

Нужно было разобраться с личностью Азналыбая Карагужина, его родственными связями, деятельностью,

местом жительства, собрать о нем все сведения, имеющиеся в исторических документах, и сопоставить их с характеристикой Азналы, данной в эпосе «Юлай и Салават».

Он появился на исторической арене в самом начале национально-освободительной войны 1735—1740 гг. Эта война связана с одним из самых грандиозных проектов в истории царской России — промышленным освоением Урала, но, к сожалению, практически не освещена в научно-популярной литературе. Научные же разработки этой темы выполнялись в советское время, в рамках классового подхода, когда, вопреки истине, на первый план выставлялась классовая борьба. Поэтому есть смысл совершить краткий экскурс в историю России первой трети XVIII в.

С воцарением Петра I начался новый этап колониального наступления на восток. После восстаний башкир 1704—1714 гг., занятый войной со Швецией, он спешил скорее покончить с «башкирским делом». За тиранство и грабеж был повешен уфимский воевода и обер-комиссар Сергеев. Царь многих башкир простил, но, уже ничем не прикрывая своей колониальной политики, заявил, что примет все меры для того, чтобы навсегда обуздать башкир, что он сам постарается обрушить край увеличением русского населения, что Башкирия слишком важна, как ключ в Среднюю Азию. Петр всегда помышлял о торговле в Азии. Проект этих дел уже в последние годы царствования Петра I был подан ему сенатским чиновником Иваном Кириловым.

И. Кирилов происходил из мещан. Будучи человеком грамотным, поступил в Сыскной приказ, а оттуда был взят в Сенат переписчиком, где обратил на себя внимание Петра I. За проект по устройству Оренбургской губернии произведен в секретари Сената и вскоре пожалован был надворным советником. Петр I одобрил проект, но осуществить его при жизни не успел. Екатерина I за составление Атласа Российской империи назначила Кирилова сенатским обер-секретарем.

В 1734 г. И. Кирилов возглавил Оренбургскую экспедицию, целью которой было построение города Оренбурга в устье реки Орь на границе башкир с казахами и ряда других крепостей, способствующих укреплению царской власти на Урале. Именно тогда были заложены Яицкий городок, Верхне-Озерная крепость, Сакмарский городок, Берда, Илецкий городок. Окружение Башкирского края

линей русских крепостей по Яику означало превращение Башкирии во внутреннюю провинцию Российской империи, разделение башкир и казахов полосой русского населения. Соседство этих народов оставляло возможность объединения их или выхода башкир из России с получением самостоятельного хана из казахских султанов, чьи предки по родословной восходили к Джучи, а от него — к Чингисхану.

Одной из главных задач Оренбургской экспедиции было содействие переселению русских крестьян и развитию земледелия. И под крепости, и под заводы, и под заводские деревни, и под пашни русских крестьян изымалась земля у башкир — их родовая, вотчинная земля. Сохранение вотчинных прав на землю было главным условием присоединения Башкирии к Московскому государству. Для башкир того времени вотчинная земля была не только районом кочевок. Эта земля была для них и большой и малой родиной, определяла их в сословие землевладельцев, освобождала от закрепощения. Отнимая вотчинную землю у башкир, отнимали и Родину, и свободу, и материальное благосостояние. Вот почему башкиры подняли восстание, когда узнали о намерениях экспедиции Кирилова.

Поднялась вся Башкирия. На Сибирской дороге боевые действия развернулись вокруг Верхне-Яицкой крепости с пристанью, построенной для отправки по Яику продовольствия из сибирских слобод в строящийся Оренбург.

При закладке Верхне-Яицкой пристани царская администрация выкупила землю у кара-табынских башкир, возглавляемых тарханом Таймасом Шанмовым. Этот отвод земли воспринялся частью башкир Кара-Табынской волости как незаконный захват. Им ничего не досталось от этой купли-продажи. Лишь 15 человек вместе с Таймас-тарханом получили вознаграждение. Недовольные во главе с Юсупом Арыковым решили бороться за свои земельные права и подняли восстание. Оно получило среди башкир широкую огласку и поддержку. К Юсупу Арыкову примкнули башкиры соседних Кудейской и Куваканской волостей, а затем восстание охватило всю Сибирскую дорогу. Башкиры требовали прекратить строительство Оренбурга и других крепостей, снести построенные остроги и стали всячески препятствовать осуществлению целей Оренбургской экспедиции.

С лета 1735 г. они блокировали Верхне-Яицкую пристань, не давая возможности переправлять провиант в Оренбург по воде. В начале августа из Течинской слободы вышел большой обоз, состоящий из 1 084 подвод с продовольствием. Не доезжая до Верхне-Яицкой пристани верст 30, около озера Уклы Карагай, обоз был арестован отрядом Юсупа Арыкова. Повстанцы, перебив охрану, отбили часть обоза, взяли хорошие трофеи. Они окружили обоз и держали в осаде, пока специально вызванная воинская часть не пришла на помощь.

Еще более серьезные боевые операции развернулись в декабре 1735 г. Отряд Юсупа Арыкова вновь напал на обоз, состоящий из 600 подвод и хорошей охраны. Обоз также был остановлен и блокирован. Повстанцы долго держали его в осаде, пока не начался падеж лошадей. Обоз вынужден был вернуться в Течинскую слободу.

Тогда повстанцы осаднили Верхне-Яицкую крепость и вынудили гарнизон покинуть ее, обещая проводить его до Уфы. Но затем в пути перебили его, захватив знамя, пушки, ружья, палаши, а также пленных.

Царская администрация долго ничего не могла сделать с отрядом Юсупа Арыкова. К тому же восстание охватило Ногайскую и Казанскую дороги. Вожди восстания стремились привлечь на свою сторону казаков и казанских татар. Национально-освободительная война грозила срывом планов Оренбургской экспедиции и всей колониальной политики России на ее восточных рубежах. Царское правительство приняло ряд жестоких мер, в том числе издав Указ от 11 февраля 1736 г.

Этим указом запрещено было башкирам жениться на казанских татарках, общаться с казахами, носить и иметь у себя дома оружие, иметь в деревнях кузницы. Сокращалось число мусульманского духовенства, как главного виновника башкирских бунтов. Уличенных в бунте императрица Анна Иоанновна повелевала казнить, бить пещадно кнутом, ссылать на каторгу, отдавать в солдаты, продавать в рабство с женами и детьми, жечь и истреблять селения бунтовщиков, забирать у них скот, собирать контрибуцию деньгами и лошадьми, годными для драгунских полков, и, наконец, дозволено было разным людям приобретать башкирские земли, а также разрешалось на эти земли переселять крепостных крестьян. Запрет на куплю-продажу башкирских земель, существовавший почти

300 лет, с самого присоединения Башкортостана к Московскому государству, был снят.

Однако карательные операции, начатые после этого указа, не давали результата, а лишь увеличивали число повстанцев. Тогда каратели решили заморить башкир голодом, запретив продажу им хлеба. В ответ отряды повстанцев стали нападать на русские слободы, мишарские, черемисские и чувашские деревни, грабить их с целью добычи продовольствия.

В. Татищев, возглавивший борьбу властей с восставшими, пытался убедить башкир закончить войну и прийти с повинной, обещая прощение вины. Одновременно в Башкирию стягивалось большое количество правительственных войск. Наконец и силы повстанцев, возглавляемых Юсупом Арыковым, иссякли. Они в октябре 1736 г. обратились с письмом к полковнику Тевкелеву о принятии повинной. Среди подписавших это письмо были Азналыбай Карагужин и его дед Ака-мулла Камакаев, представители Куваканской волости, соседней с Кудейской волостью.

Сохранилась лишь копия перевода этого письма на русский язык. В русском переводе приведено сокращенное имя — Азнабай и искажены фамилии — Карачурин и Каменев. Это обычное явление для таких документов. Имена сокращали и сами башкиры. По традиции полное имя обычно называлось редко, в знак уважения. Тем не менее мы знаем полное имя этого человека — Азналыбай, так он назван дважды в документе, написанном секретарем Дмитрием Реутовым [35]. Чаше в источниках его имя встречается в кратких формах Аднаба, Аднай, Азнай.

В упомянутом выше письме о повинной башкиры сообщали, что привезли захваченных пленных, трофейные пушки, ружья, палаши. И Азналыбай Карагужин подписал под этим письмом, что говорит о его участии в нападении на обозы и гарнизон Верхне-Яицкой крепости.

«Вашего императорского величества счастьем (!), — доносил Кирилов императрице Анне Иоанновне 26 января 1737 г., — башкирский народ в такое уже состояние приведен, что с начала их подданства никогда таковыми послушными не были и никогда ж страху за свои злодейства не ведали, как ныне есть». Он указал, что, собственно, башкир имеется всего около 40 000, «что из того числа по нынешнему случаю бунта несколько тысяч побито и раз-

везено (продано в крепостные. — Р. В.)», что Казанская и Осинская дороги находятся в полной покорности, а «прочие ж от голоду и холоду страждут».

Полковник Бардукевич доносил Кирилову, что башкиры, живущие по реке Ик, «от голоду мрут, а оставшиеся собак и кошек едят, а и того им недостает, и за бессилием и отчаянием принуждены мертвых бросать». Царским властям пришлось посылать специальные отряды для погребения трупов.

По сведениям Р. Игнатьева, «во время усмирения Кильмяк-абызского бунта в 1735—1740 гг. побито, казнено и сослано 30 000 башкир; жены и дети башкирские были розданы по рукам желающим; шесть главных мятежников бунта были посажены на железные колья на высоких каменных столбах, 11 человек повешены на железные крючья за ребра, 80 человек просто повешено, 21 отрублены головы».

Азналыбай Карагужин, принеся повинную, остался на свободе. Каратели избрали коварную тактику. Стремясь убедить башкир сложить оружие, до последнего они не трогали тех бунтовщиков, кто пришел с повинной, отложив расправу до полного подавления восстания.

Что же ожидало остальных участников бунта, оставшихся на свободе? Они обязаны были привести присягу на верность императрице, поклявшись на Коране, заплатить штрафных лошадей, пригодных под драгун и отдать в рабство двенадцатилетних детей. Я не стужаю краски! Именно так! Оренбургская экспедиция, сообщая о новом всплеске национально-освободительной войны башкир в 1737 году, отмечала: «И ныне они, воры, опять стали воровать для того, что спрашивают с них штрафы и требуют детей 12-ти лет со всякого двора и лошадей, и того они дать не хотят...» [36].

Весной 1737 г. произошли большие изменения в руководстве как с той, так и с другой стороны. На место умершего И. К. Кирилова главным начальником Оренбургского края назначили В. Н. Татищева. На посту начальника Комиссии Башкирских дел, бригадира, гвардии майора М. С. Хрущева сменил астраханский вице-губернатор, генерал-майор Леонтий Яковлевич Соймонов. Основной задачей этой Комиссии было подавление башкирского восстания. Для этого А. Соймонов имел в своем распоряжении несколько армейских полков, которые использовал для организации карательных экспедиций.

Вожди Кизильяк-абызовского бунта: сам Кизильяк, Акай, Абдулла и Юсуп-батыр оказались за решеткой. Им сохраняли жизнь лишь для того, чтобы пытками сломить волю, заставить обратиться к башкирам с призывом сложить оружие.

Однако, как бы ни был разграблен, растерзан, унижен башкирский народ, покорить его и заставить сложить оружие не удалось. Той же весной 1737 г. в Бурзянской волости в деревне Рысабай собрался курултай, на который съехались многие сотники Сибирской и Ногайской дорог, всего человек 300.

«И согласие у них было, что воевать русских, для того, что спрашивают де на них много штрафа, и хотят власти российской отложиться нынешнего лета, и с того совету послали де они старшины от себя башкирцов 12 человек с письмами в Кыргыз-Кайсаки к хану Зенбяку, чтоб он их в подданство к себе принял», — писал полковник И. Арсеньев в Сибирскую губернскую канцелярию.

«Идти войной на русских, от русского подданства отказаться, послать послов к казахам с просьбой принять в подданство» — такие письма рассылал старшина Куваканской волости Бапа-мулла Трушбердин. Русские прозвали его Бевеней, и под таким именем он вошел в исторические документы. Он стал идейным руководителем восстания. Главным военачальником становится Тулькусур Адагулов — батыр Кудейской волости. «Башкирец Токчора в нынешних числах ушел на Сибирской и на Ногайской дорогах збирать силу, чтоб русских воевать», — доносил тот же полковник И. Арсеньев.

Не только русские селения разоряли башкиры. За участие в прошлых восстаниях башкир изгоняли с их земли и селили на ней мишар, чувашей, черемис, активно поддерживающих царское правительство. Поселения этих народов не разорялись карателями. Политика столкновения народов на одном жизненном пространстве, стравливания их между собой настойчиво проводилась царским правительством. Татищев и Соймовов запретили кому-либо продавать продовольствие восставшим башкирам. По их указу, всякий, кто доносил властям о продаже продуктов, получал четверть конфискованного товара. Правительство считало, что голод заставит башкир покориться. Татищев в одном из своих указов торжествующе писал, что «ему, тайному советнику, будучи в Уфе, известно, что отцы и

матери, не имея пищи, приводят в город Уфу и Табынск детей своих, продавали копеек по 30 и по 50». Доведенные голодом до отчаяния, башкирские отряды совершали набеги на русские селения и мишарские деревни. Очаг войны сместился на северо-восток Башкирии, к долинам Ая, Сима, Юрюзани.

6 июня 1737 г. служивый мишар Карача-мулла Урмаев рассказал В. Н. Татищеву в Екатеринбурге, что в середине мая состоялся съезд старшин Куваканской волости Сибирской дороги (эта волость располагается в верхнем течении рек Ая, Юрюзань, Сим). На съезде присутствовали старшины Бевеня, Аиткул, Ака-мулла, Аккучук и Козя, с подвластными им людьми — всего около 200 человек. Мнения старшин разделились. Ака-мулла, Аккучук и Козя советовали сохранить верность императрице. Бевеня и Аиткул призывали к восстанию. Им удалось увлечь за собой половину собравшихся. Аиткул, взяв 100 человек, пошел вниз по Миасу разорять русские и мишарские деревни. В этом отряде был башкир Куваканской волости Аднаба, Аднай (так в документах).

Об этом же сообщил в июне 1737 г. Абдулла Амангулов. На допросе в Канцелярии главного правления заводов под пыткой он рассказал о действиях восставших башкир Сибирской дороги под предводительством Сараткула. Среди участников нападения на мишарскую деревню Улутуш он назвал «...Куваканской волости Аднаба, чей сын не знает». «А ходил на воровство для того, что питаться нечем, потому де как разорили Улутушскую деревню, хотели идти на русских», — заявил Абдулла. На следующий день его опять пытали, и он показал: «О Казахской Орде слышал он Абдул от своего главного вора Сораткула и от друга Адная, чтоб пришли на Ногайскую дорогу для помосиной в 8 тысячах человеках». Отметим, что Аднай упоминается наряду с командиром отряда.

Крупные боевые операции начались в середине июня 1737 г. Большие отряды башкир под началом Бевеня, Тулькусуры, Мандара Карабаева совершали нападения на русские, мишарские, чувашские и марийские поселения в районе Красноуфимска, Кунгура и Бирска, по реке Таныш.

Инициатива восстания принадлежала башкирам, жившим по рекам Ая и Юрюзань. Они не ограничивались

разорением поселений на севере Башкирии. Отряд башкир под командованием Тулькусуры ходил под Уфу, и «удача была им, воров, немалая», — показывали очевидцы.

Одновременно с повстанцами Сибирской дороги поднимались и башкиры Ногайской дороги. В середине июня 1737 г. двухтысячный отряд восставших напал на Табынск. Повстанцы разорили деревни тептярей около Уфы. В начале июля Кусиял-батыр повторил набег на Табынск. Были нападения и на другие населенные пункты, в частности, и на Воскресенский медеплавильный завод.

В июле отряды Бепени, Мандара и Аипа двинулись на русские зауральские слободы. Война перекинулась в Зауральскую Башкирию. В конце июля — начале августа 1737 г. Бепени и Мандар разоряют русские и мишарские деревни под Осой и по реке Танып. Заволновались башкиры Осинской дороги. Пламя освободительной войны охватило большую часть Башкирии. Царское правительство стягивало сюда войска. Однако силой оружия покорить башкирский народ не удавалось. Башкиры бились с отвагой и отчаянием обреченных людей. Царские ставленники предприняли ряд дипломатических мер. Они призывали башкир прекратить войну, принести повинную на Коране, заплатить штраф, обещая за все это помилование.

Однако это была лишь уловка. Вот что писал Кыдряс-батыр капитану Батов об одном из случаев принесения присяги на Коране:

«А после того курану Кильмяк-мулла 75 человек в верность привели и порубили, а которых штрафных коней во 80 человеках водили и тех всех рубили...

А мы верно государыне служили, а смерть примем на конях, а от нас доброго не жди и мы от вас не ждем...»

Поняв, что башкиры уже не верят посулам о помиловании, Татищев обратился к казакам с предложением заманить вождей восстания в Орду и там схватить их. Узнав, что башкиры послали своих послов к ханам, Татищев посоветовал Абдул-Мамет-султану одного из послов вернуть обратно с ответом, что присланным людям он якобы не верит. «А если придут лутчих и знатных людей человек 10, а имянно Бепени-мулла, Мурат-Салтана, Аллазиангула, Дзиан-бая, Юдаш-мулла и других, и когда придут, тогда их всех вдруг можно переловя отдать». — писал Татищев. За каждого из пойманных он обещал: «сукна лутчаго кафтан, 2 косяка лисицы черной, 2 юфты кож, пансырь,

пищаль, да естли всех оных отдадут, то султану можно сверх онаго столько ж, как за 2-х подарить, а хану особо за каждого около 50, а хотя 6 и до 100 руб.»

Интересна переписка государственных органов непосредственно с башкирами. Она дает нам представление о том, как оценивали происходящие события и башкиры, и царская власть. В этом смысле характерен указ Кунгурской провинциальной канцелярии башкирам-повстанцам Сибирской и Ногайской дорог Юдаш-мулле и Чураш-батыру с ответными пунктами на их вопросы, просьбы и жалобы и со все теми же предложениями скорейшего принесения повинных. В первом пункте кунгурский воевода пишет:

«Якобы не с бою и не силою под власть российскую приведены, но доброхотно пришли, а когда под власть государя поддались, то и должно верно и служить и по законам поступать и во всем послушными рабами быть, в чем вы обещались. Когда же вы верность свою нарушили, то не токмо обещанной, но и полученной милости сами себя лишили; и сие можете о землях разуметь, что когда вы по указам ея и. в. исполнять и верными быть не похотели, тогда ея и. в. законно и праведно пожалованных вам земель вас воров лишить, а верным пожаловать волю имеет».

В середине XVIII в. царская власть ничего иного, кроме рабской покорности башкир, не признавала. И будто не против захвата земли под крепости и города поднимались башкиры, а земли их лишила императрица за непокорность и «воровство». Будто не со своей землей присоединились башкиры к Москве, будто от царя их земля, и царская власть законное право имеет эти земли отобрать.

Еще один пункт этого указа, касающийся принудительного крещения жен и детей бунтовщиков, следует привести:

«...Тоємо те вору разве убегая от смерти в плене будучи закон христианской приняли, или малые ваши дети побранные (отобранные. — Р. В.) научены и крещены. Оное не ость нарушение прав или пригуждение, но доброхотное (добровольное. — Р. В.) оных для избавления от смерти своевольное изволение, что и вы вору сами то за лутчее признаете, нежели бы за воровство казнить и безвинных женский пол и малых робят побить и поморить».

Какое милосердие! «Добровольно» крестить под страхом смерти женщин и детей. Действительно, лучше уж

крестить, чем побить и поморить. Впрочем, и до этого доходили руки карателей. Если этот указ лишь обещал смерть в случае непокорности, то реестр, приложенный к журналу начальника Комиссии башкирских дел А. Я. Соймонова о количестве казненных башкир и об увеличенном правительственными войсками разорении их жилищ, бесстрастно зафиксировал:

«...Побито мужеска и женска полу — 303, казнено — 8, взято живых — 30. Пожжено: деревень — 150, в них дворов 2 606, хлеба сжатого загонов — 400, несжатого — 52, телег с хлебом не молоченным — 5, копен — 30, сена — 4664 стога. Побрано скота: лошадей и жеребят — 117, коров — 93, овец — 16. С повинными пришли ис простого народу, которые прощены и присягали, лошадей штрафных платить имеют душ — 22».

Били, рубили и мужчин, и женщин, и детей. Жгли деревни, хлеба, сено, отбирали скот. В этом реестре итог карательных операций лишь одной команды. А сколько их было в Башкирии?

Подавить восстание не удавалось. В марте 1738 г. состоялась встреча В. Н. Татищева и А. Я. Соймонова. На этом совете они наметили ряд мер по борьбе с повстанцами.

Во избежание образования смички между башкирами и казаками они сочли необходимым приложить все усилия для того, чтобы вытеснить Абдулхаир-хана за пределы Башкирии.

Решили приблизить к себе предателей, оставлять их на свободе, как это случилось с Абдуллой, сыном мятежника Акая. Объявили также, что если Саатан-Мурат, Бепеня и Аллазиятул явятся с повинной первыми, то останутся на свободе, если же придут после других, то будут арестованы.

Татищев и Соймонов продумали и перспективные меры. Именно тогда началась русификация башкир:

«Школы в Уфе для обучения иноверцов русскому языку весьма пужно учредить и на содержание книг, учителей и школ в год до 300 руб. определить, понеже ис того государству невидимая многая будет польза, потому что обучающиеся грамоте познают закон христианский и законы гражданские, чрез что от дерзостей наиболее удержатся; токмо тех учеников не брать силою и не принуждать, и учителем с ними поступать ласково и в толковании им

христианского закона поступать весьма осторожно, к чему учителя способного Святейший Правительствующий Синод избобрести может».

Как тойко задумаю — «...государству невидимая многая будет польза». Единый язык, единая вера — только так может существовать империя. «Иноверцы» и «ипородцы», не желающие покориться, нарекались «ворами», а их предводители — «главными ворами». И не только нарекались. Буквы «В» или «ГВ» выжигали каленым железом на лбу и щеках у пойманных повстанцев.

Большое внимание на совете было уделено нарождавшемуся казачеству. По Янку вперемешку с крепостями стояли казацкие слободки, населенные, в основном, беглыми крепостными крестьянами. Казачество тогда еще не сформировалось в оплот царизма. Оно представляло не меньшую опасность, чем башкиры. Поэтому Татищев и Соймонов решили «в драгуны и казаки некрещеных татар из ясака не принимать, записавшихся в казаки русских перепроверить откуда они, положенных в подушный оклад вернуть в-дрезжие жилища». Пройдет чуть меньше сорока лет, и эти две силы — казаки и башкиры сомкнутся, и борьба за свободу, за землю потрясет до основания Российскую империю. Однако время Салавата и Пугачева еще впереди. Вернемся к национально-освободительной войне башкир 1735 — 1740 гг.

Осенью 1738 г. война несколько затихла. Силы повстанцев истощались. Татищев, оценивая ситуацию, писал в Кабинет-министров, что всегда «твердо представляя, чтоб, внутрь гор вступя и от Янка, силою к покорности принуждать, а пришедших с повинною не казнить». Башкирия усдокоилась. Теперь нужно было решить судьбу главных вождей движения. Кусяла Татищев повесил в Самарском городке еще 9 сентября 1738 г. Такая же участь ждала и Бепеню. Получив донесение о поимке Бепени, Татищев послал Соймонову вопросы для допроса и распорядился колесовать Бепеню.

Кусяла и Бепеня — главные вожди, их судьбу Татищев решил без сомнений. Сложнее было с теми, кто пришел с повинной, следовательно, они не подлежали казни. Однако троих из них Татищев все-таки решил казнить. Это Аллазиятул — старшина Айлинской волости, «которой верхьянцовой гарнизон взял и, противно многих башкирцов ему прещения, весь оной побил», Уразай, «которой, полу-

ча немалое жалование, обнадеживая успокоить, сам к кайсакам для призыву себе хана ездил и привозил», Юлдаш-мулла, «которой с Бепенею лживые указы составляя и народ возмущал».

Казнь Алазиянгула, Уразая и Юлдаш-муллы Татищев решил согласовать с правительством. Поэтому они на некоторое время остались на свободе.

В августе 1739 г. башкирами была предпринята новая попытка выступления против царской власти, окончившаяся неудачно для одного из главных вождей восстания — батыра Тулкусуры Адагулова.

Соймонов послал капитана Стрижевского с командой и переводчика Романа Уразлина по волостям Сибирской дороги для сбора штрафных лошадей, не сданных полностью в 1738 г. Когда команда находилась в Тырнаклинской волости, Тулкусура, собрав до 40 человек, решил напасть на нее. Однако его не поддержали другие старшины. Более того, они предали его. Юлдаш-мулла, Мандар, Кулчумак, Чураш, Зиянчура и другие известили Соймонова о намерениях Тулкусуры. Соймонов послал им указ, чтобы как можно скорее поймать бунтовщиков и обещал за это высочайшую милость. Тулкусуру поймали люди Шаганая и доставили в Мензелинск.

Кровавый сентябрь 1739 г. Именно тогда Соймонов решил внушить башкирам потомственный страх. Чтобы «башкирцам оне было памятнее и к воровству себя не допускали», он вначале повесил и Бепенею, и Тулкусуру на дыбу. После повторного допроса он приказал колесовать Бепенею. Ему сначала отрубили руки и ноги, а затем голову. Потом казнили и Тулкусуру.

Бепеня Трулбердин малоизвестен в башкирской истории, его знают лишь специалисты, но он был выдающейся личностью. Чего стоит хотя бы вид казни, которую избрали для него представители царской власти. Почти 200 лет длилась национально-освободительная борьба башкирского народа за свой национальный суверенитет в составе России. Восстания вспыхивали через каждые 20 лет, с возмужанием каждого следующего поколения. Молодежь, презрев советы старших, бралась за оружие. Многие десятки тысяч башкир сложили свои непокорные головы, но вот так, на колесе, с вращением которого палач отрубал топором поочередно ноги и руки, а потом, после мучений, и голову, так казнен был лишь Бепеня Трулбердин.

Несколько слов о его происхождении. Он приходился племянником Ака-мулле Камакаеву, деду Азналыбая Карагужина. Отец Бепени — Трулберда и его дед Камакай, прадед Азналыбая, участвовали в Адаровском бунте 1708—1714 гг. По заявлению Бепени на допросе, его дед Камакай был тарханом.

Он жил на Юрюзани в Ака-ауле [37]. Русские люди называли его Бепеней. Его башкирское имя — Бапа, среди горно-лесных башкир северо-востока Башкортостана встречаются Баланины, люди с фамилией, образовавшейся от этого имени. Бепенею называли еще абызом — грамотным, образованным человеком и муллой. У него был сын Баязит, который ездил послом к казахам с целью вовлечения их в борьбу против царского правительства и получения от них хана, чингизида по происхождению.

В документах упоминаются [38] братья Бепени, очевидно, двоюродные — Аккучук и Тимамбет Енекеевы, известные башкиры Куваканской волости. Эти братья по поручению Бепени ездили к казахам и привезли от них Шигаю, сына Барака, султана Казахской Средней Орды. Юный Шигаю, как претендент на ханский престол в Башкирии, жил в Кубеляцкой волости четыре месяца, но потом заявил, что быть ханом у башкир не желает, и уехал.

Бепеню участвовал в координации действий восставших башкир всех четырех дорог, поддерживал связь с другими вождями. Он и сам выступал как боевой командир, причем в 1736 г. под его началом было около 3 000 бойцов. Он совершил рейд по Тобольскому уезду, разгромив крепость Кирсан и многие русские деревни.

В 1737 г. он вместе с Мандаром и Чурашем, имея 1 300 человек, разорил двадцать деревень в Кунгурском уезде и Гайнинской волости. Возвращаясь домой, они вступили в бой с Ямбургским полком и, видимо, разбили его, так как осведомители сообщали В. Татищеву, что у Бепени есть «государево знамя, ружье и палаши», чего и сам Бепеня на допросе не отрицал.

«Верные» башкиры, например, Таймас-тархан и другие, обращались к нему с предложением сдаться и обещали похлопотать за него, чтобы тот избежал ареста и казни, но Бепеня, конечно, понимал, что прощения ему не будет. Он обещал им прекратить войну, если В. Татищев даст ему проездной документ в Санкт-Петербург. Бепеня надеялся попасть к императрице Анне Иоанновне и рассказать ей о

произволе местных чиновников, о нарушении ими условий договора о присоединении Башкирии к Московскому государству. Но добился он лишь ненависти В. Татищева и жесточайшей казни.

Кураинский конюх Бирон правил Россией. Это был XVIII в., названный в истории золотым. Век, с началом которого Россия вошла в исторический тупик, где за каждый шаг в своем развитии страна платила тысячами, сотнями тысяч, миллионами жизней, где право на землю, на имущество, на совесть, на веру, на жизнь, наконец, оставалось лишь пустым звуком. Колесо истории России покатилось вспять. В страну пришло рабство. Его стыдливо прикрыли, назвали крепостным правом, а по сути, это было натуральное рабство: унижительное, бесчеловечное, жестокое. Людей покупали и продавали, поролли и забивали насмерть — один человек был хозяином другого. Более ста лет, после описываемых событий, Россия оставалась страной рабов.

Лишь восемьдесят лет спустя, лучшие сыны русского народа, протестуя, вышли в декабре 1825 г. на Сенатскую площадь. Они первыми заявили о губительности пути, по которому шла страна. Имена декабристов известны нам еще со школьных лет. Они вошли в историю России и навечно остались в памяти народа.

А кто знает и помнит имена Бепени и Тулькусурь? А ведь именно они возглавили башкир, вставших с оружием на борьбу против колониальной политики царизма, именно они не позволили превратить Башкирию в колонию с рабским, закрепощенным населением, как это было в Поволжье. Разве они не достойны памяти потомков?

Башкир никогда не был крепостным. Более того, ценою тысяч жизней башкиры не только сохраняли свою свободу, но и остановили волну рабства, накатывающуюся на Урал. Они сохранили и свое отечественное право на землю, и свою веру.

Кусяп, Бепени, Тулькусуря и еще многие другие, кто отдали свои жизни за свободу, землю и веру в те кровавые годы. Почему народ не знает о вас, почему непокоренный народ забыл своих героев?

Кровавый сентябрь 1739 г. Я не нашел даты казни Бепени и Тулькусурь. Однако рапорт начальника Комиссии Башкирских Дел Л. Я. Соймонова в Правительствующий Сенат о казни в Мензелинске Бепени и Тулькусурь мне

довелось прочитать. Этот рапорт под грифом «Секретно» датирован 28 сентября 1739 г. Значит, Бепени и Тулькусурь казнили 26—27 сентября.

Весной 1740 г. война разгорелась с новой силой. Ее центром вновь оказался северо-восток Башкирии. В конце февраля — начале марта башкиры, жившие по Юрюзани, Аю, Симу, съехались на курултай в деревне Васкын Тырнаклинской волости (ныне — д. Лагир Салаватского района РБ. — Р. В.). Всего собралось около 500 человек. Здесь были старшины практически всех близлежащих волостей: Айманской волости — Аллазиянгул, Куваканской волости — Азналбай с командой, Тырнаклинской волости — Ярмудамет Баскунов со своими людьми, Кушинской волости — Кузяш-мулла Рахмангулов, Кудейской волости — Юдаш-мулла и Шаганай Барсуков, Каратавинской волости — Исламгул и Ягафар Юдашевы, Мавлют и многие другие.

Организовал курултай Аллазиянгул Кутлугузин. Ему было уже около 70 лет. Будучи одним из руководителей восстания с самого начала войны, он был приговорен к смерти Татищевым еще в 1739 году. Однако из-за согласования приговора с правительством и отзыва Татищева с Урала, Аллазиянгул остался на свободе. Именно ему, авторитетному и старшему по возрасту, суждено было стать идейным руководителем последнего, наиболее трагического этапа национально-освободительной войны 1735—1740 гг.

Со смертью Бепени умерла и его идея о суверенном башкирском хане из казахов. Если на ранних этапах войны переговоры с казахами о получении от них хана знатного рода тщательно скрывались, то на курултае было открыто заявлено об отказе от российского подданства. Командира одного из отрядов, действовавшего против экспедиции Кирилова с момента закладки Оренбурга, Карасакала Аллазиянгул представил как нового башкирского хана. Башкирам Сибирской дороги Карасакал был практически неизвестен. Перед ними предстал человек, отягченно владевший конем и оружием, знавший арабский язык и тождество Коран лучше многих мулл, совершивший хадж в Мекку и Медину. Карасакал обладал даром говорить умно, увлекательно и всегда доказательно.

Его подлинное имя Бай-Булат. Он был чингизидом по крови, потомком Сибирского хана Кучума, правнуком

Девлет-Гирей. А выдавал себя Карасакал за правителя Юнгории. Он объявил, что хотя он потомственный властелин Юнгории, лишенный власти, искать своих законных прав на Юнгорию в будущем никогда не станет; теперь, видя нужды башкирского народа, он забывает собственные свои дела и идет сражаться за свободу мусульман под игом неверных. «Вы мне обещаете ханство, и я пришел служить его, но не прежде приму, как заслужу! У меня много своих людей не только в Юнгории, но и в Киргизских степях, и я могу собрать 20 тысяч воинов...», — с такими словами обратился Карасакал к башкирам.

Однако не все поверили Карасакалу. По сути, курултай разделился на два лагеря: в первом были сторонники Аллазиингула и Карасакала, во втором — верные царскому правительству старшины Кузяш, Юлдаш, Шаганай.

Документы свидетельствуют: «И показанные воры Мандар и Аллазиингул с товарищи от верных башкирцов просили, чтоб им отдать старшину Кузяш-мулла, Юлдаша, Шиганая, а они просили от них воров вышеобъявленного хана Карасакала, токмо воры объявили что ево они не отдадут».

Шел шестой год войны. Башкирия истекала кровью. Лучшие ее сыновья были казнены, лучших лошадей увели в драгунские полки императрицы как штраф с помилованных. Над некоторыми повстанцами, как, например, над Аллазиингулом и Юлдаш-муллой, висел неисполненный еще смертный приговор.

Видимо, поэтому часть старшин не поддержала Карасакала и встала на сторону царского правительства. Такие старшины, как Кузяш и Шаганай, сделали это по убеждению, и всю оставшуюся жизнь удерживали власть над своими людьми, опираясь на царскую администрацию.

Юлдаш-мулла во время восстания Карасакала показывал себя «верным» старшиной. Однако верность его правителям России была сомнительна как для представителей царской администрации, так и для башкир. Два его сына Исламгул и Ягафар Юлдашевы, старшины Каратавинской волости, оставались в рядах повстанцев. Указ о казни Юлдаш-муллы не отменялся. Забегая вперед, отмечу, что в том же 1740 г. он был схвачен начальником Комиссии Башкирских дел Л. Я. Соймоновым и отправлен в Оренбург к В. А. Урусову. Но Юлдаш-мулла попал в Оренбург уже после смерти В. А. Урусова. Вновь его судьба осталась

нерешенной. Его посадили под строгий караул и держали до 1742 г., пока новый начальник Оренбургского края И. И. Неплюев не заинтересовался делом Юлдаш-муллы и не запросил у Сената подтверждения решения о его казни. Сенат своим решением от 3 августа 1742 г. подтвердил Указ императрицы Анны о казни Юлдаш-муллы. Неплюев казнил его в сентябре 1742 г. Юлдаш-мулле отрубили голову.

Видимо, после казни Юлдаш-муллы в Шайтан-Кудейской волости к власти пришел Шаганай Барсуков. Долгие годы, оставаясь старшиной в этой волости и угодничая перед администрацией края, он грабил свой народ, собирая штрафы и продавая за бесценок землю. Соплеменники, возмущенные этим, добились его отставки, и власть в волости перешла к Юлаю Азналину. После подавления пугачевщины и ссылки Юлая, власть вновь перешла к роду Шаганая. Старшиной Шайтан-Кудейской волости стал его сын Кунаккыбай.

Мы забежали слишком далеко вперед. Вернемся в деревню Васкын, где весной 1740 г. курултай разделился на два вооруженных отряда, где Шаганай оказался по одну сторону, а по другую стоял Азналыбай Карагужин. Уже тогда сплелись в клубке кровной вражды эти два рода.

Козыш и Шаганай имели под своим началом всего около 200 человек, Карасакал же — свыше 500. Верные старшины бежали из деревни Васкын (Лагяр) в сторону Сартской волости. Шаганай запросил помощи у переводчика Р. Уразлина, собиравшего с башкир штрафных лошадей. Помощь пришла, и где-то у границ Сартской волости «Карасакал подлинно с Козышем дрался, токмо его не осилил», — писал Юлдаш-мулла Р. Уразлину.

После этого сражения, по донесению Р. Уразлина, «Карасакал убежал в Куваканскую волость с Аиткулом; они, собравшись, стоят у Азналы-бая 100 человек с небольшим, еще достальных эбирают, и о том на все стороны ведомость поемали». Отметим, что в этом донесении старшина Куваканской волости назван Азналы-баем (для сравнения: Юлай Азналин, Азналихов) [39].

Появление башкирского хана, отречение от российского подданства не на шутку встревожили царское правительство и администрацию края. Влиятельным старшинам, в частности, Мандару, был послан указ: «чтоб оные ныне оваметуюсь и не допуская до всеконечной себе

гибели и разорения к означенному вору и беглецу Карасакалу не приставали и ево б как можно поймали и объявили, за что паки всемилоостивейшее ея и. в. прощение получить могут, точно на иное ответу от них не получено».

На северо-восток Башкирии стягивались войска. Из Чебаркульской крепости вышел отряд полковника Павлуцкого. В нем было 600 драгун, 2 пушки и несколько мартир с припасами. На помощь к верным старшинам, под началом Козыша Рахманкулова спешили не менее 600 мещеряков и исашных татар под командованием старшины Зайсяна. Из Исетской провинции вышли 40 гренадеров и 200 казаков, чтоб «тех бы воров ловили и до розширения их воровства не допускали».

Однако, как доносил переводчик Р. Уразлин, быстро росла и численность повстанцев. Отряд Карасакала занял выгодное место на Юрюзани, не давая соединиться Р. Уразлину с Козышем, оттеснив последнего в степи. Команда Р. Уразлина таяла с каждым днем, «будущие при нем башкирцы кроме команды Шаганая Бурсакова все разбрелись по домам из них же предались многие к вора и надежды иметь было не на кого». Сам Р. Уразлин вынужден был бежать.

Судя по донесениям и рапортам, отряд Карасакала насчитывал 600—800 человек. Со всех близлежащих крепостей против Карасакала двигались регулярные и нерегулярные войска численностью более 5 000 человек. Из Уфы вышел отряд секунд-майора Языкова, состоящий из 892 драгун с двумя пушками.

С приходом регулярных войск соотношение сил резко изменилось. В конце марта 1740 г. подполковник Павлуцкий нанес поражение Карасакалу. Каратели взяли в плен мужчин, женщин и детей, 10 деревень сожгли. Они преследовали Карасакала, Мандара и Азналыбая, уходящих по Юрюзани в горные ущелья. В начале апреля их настиг капитан Полозов. Попали в плен вожди восстания Аллазиянгул и Зиянчура, а также двадцатилетний сын Азналыбая — Мурат [61].

Аллазиянгула допросили в канцелярии Течинской слободы. Одним из главных предводителей восстания он назвал старшину Куваганской волости Азналыбая Карагужина [40]. По приказанию князя Урусова Аллазиянгула летом 1740 г. повезли к нему в Оренбург для исполнения ранее вынесенного смертного приговора. Однако казнить Аллазиянгула князю Урусову не удалось: семидесятилетний

Аллазиянгул умер в пути, и в Оренбург привезли его труп. Желание карателей казнить Аллазиянгула было столь велико, что они повесили его безжизненное тело.

В связи с сообщением о пленении 20-летнего Мурата Азналина (Азнабаева), сына Азналыбая Карагужина, мы получаем первые сведения о его семье. И они напрямую приводят нас на родину Салавата Юлаева. Там, недалеко от деревни Азналы, всего в 3—4 километрах, была деревня Мурат (Mрат), обозначенная на карте Красильникова и Рычкова 1755 г. Известен и выселок из этой деревни — Муратовка, близ Шаганая. Это наводит на мысль, что, скорее всего, Мурат не погиб в 20-летнем возрасте. Да и в активных участниках восстания он не числился, возможно, был помилован.

Интересно и указание его возраста. Если в 1740 г. Мурату было 20 лет, то родился он в 1720 г., что вполне согласуется с ориентировочной датой рождения Азналы, отца Юлая, установленной по эпосу «Юлай и Салават». Получается, что старший сын Азналы Мурат родился в 1720 г., а младший сын Юлай — в 1729—1730 гг.

И это уже не только простое совпадение редкого имени Азналыбая Карагужина с именем Азналы — деда Салавата Юлаева, отца Юлая. Здесь сообщения о старшем сыне Азналыбая Карагужина напрямую переплетаются со сведениями о семье Азналы — отца Юлая. Отсюда я беру на себя смелость утверждать, что Азналыбай Карагужин был отцом Юлая и дедом Салавата Юлаева. Но будет правильным проследить, все-таки, его судьбу до конца, в надежде на получение еще каких-либо сведений.

В конце мая 1740 г. он во главе четырехсот человек разорил деревни верных правительству Исмаил-тархана и Юлдаш-муллы. По сути дела, летом 1740 г. Азналыбай остался главным вождем восставших башкир по Аю, Симу и Юрюзани. Карасакал в середине мая уже покинул эти места. Ему удалось уйти от карателей, благодаря разногласиям, возникшим между подполковником Павлуцким, с одной стороны, и верными старшинами, с другой. После того, как Козыш и Зайсян поймали Аллазиянгула, Зиянчуру и других, Павлуцкий взял пленных и двое суток держал верных старшин при себе. Они же неоднократно обращались к Павлуцкому с просьбой усилить их оружейной командой и русскими войсками для поимки Карасакала. Павлуцкий отпустил от себя верных старшин лишь на

третий день. Они догнали Карасакала, но осилить его не смогли.

Карасакал перешел с отрядом Уральский хребет и некоторое время пребывал в Тамьянской волости. В мае 1740 г. Карасакал, взяв с собой четырех человек, «уехал неведомо куда и оставшимся в той волости вора башкирцам сказал, что он поехал искать своего войска, и ежели де пройдет семь дней, а с войском его не будет, то б ево обратно не ждали, и где он ныне, такого и слуху нет».

В конце мая Павлуцкий настиг Карасакала при переправе через р. Яик. Полторы тысячи семей башкир переправлялись через реку в ночь с 27 на 28 число. Каратели перебили всех — и по ту, и по другую сторону реки. Здесь погибли многие вожди восстания: Мандар Карабаев, бунтовавший с 1735 г. и остававшийся на воле, принеся повинную; Исламгул Юлдашев — старшина Каратавинской волости; братья Ярмухамет и Кодря Хаджиевы Тырнаклинской волости; старый бунтовщик Айткул — сподвижник Азналыбая из Куваканской волости.

Восстание было подавлено. Начальник Комиссии Башкирских дел А. Соимонов рапортовал о результатах деятельности карательных отрядов, действовавших в Башкирии за время с 23 апреля 1737 г. по 10 июня 1740 г.:

- «— казнено разными казнями — 404;
- на боях побито мужеска и женска полу — 3665;
- послано в ссылку в Отзею 541, во флот — 30, в Рогорвик — 231;
- роздано разным чинам женска полу и малолетних робят — 1445;
- роздано в замужество иноверцам Казанского и прочих уездов и при них малолетних робят — 607, с них за свадьбы лошадей взято 556.

Всего казенных и побитых, и в ссылку посланных, и розданных из Башкирии вышло 7 897 человек».

Далее в рапорте А. Соимонова перечисляется, сколько с пришедших с повинною взято штрафных лошадей, сколько штрафа взято деньгами, скотом, сколько башкирского скота съели каратели.

«Пожжено: деревень — 343, дворов — 3 220, кошей — 88, хлеба: сжатого — 400 загонов, несжатого — 42, телег с хлебом — 59».

Вот так! Заплатив лошадей, можно было взять в жены понравившуюся башкирку вместе с детьми бунтовщика!

Азналыбай не складывал оружия. Его отряд, численностью до 500 человек, напал на крепость Сартскую на реке Ай, громил деревни верных правительству старшин. Отряд киргиз-кайсаков приходил внабег. «Приехав, одну воровскую деревню разбили и, как обратно поехали, тогда напали на них вора башкирцы человек со 100 или более и с ними знатные вора Айлинской волости Сарткул, Куваканской волости Азна-бай и нападением де своим их киргиз-кайсаков разбили и в плен взяли 9 человек, да побили 20 человек, а прочие де ушли на побег», — доносил секунд-майор Языков. Его команда под началом подполковника князя Путятина стояла лагерем на реке Ай. Отряды Путятин действовали против башкир Сибирской дороги, не сложивших еще оружия.

В конце июня 1740 г. один из пленных — Муртаза Ибраев — показал на допросе, что Азналыбай намерен бежать на реку Яик. Путятин отрядил против него команду секунд-майора Языкова, «регулярных и нерегулярных в 500 человек». От 4 июля Языков донес, что совместно с подполковником Павлуцким «они 28 июня нагнали и разбили Азналыбая и других близ реки Ай в горах весьма в крепком и трудном месте». Из-за непроходимых лесов и болот и уставших лошадей каратели не смогли преследовать уцелевших башкир.

Азналыбаю вновь удалось уйти. Летом 1740 г. он со своей командой скрывался в горах Юрактау. Его соратник с 1737 г. Сарткул со своими товарищами пошел с повинной в лагерь Путятин на реке Ай. К Азналыбаю примкнули бежавшие из плена Назаргул Айткулов и Токтаж Арыков. Они рассказали, что пленных башкир казнят, на каторгу ссылают, носы режут. Азналыбаю рассчитывать на милость карателей не приходилось. В том же 1740 г. он ушел вместе с Назаргулом и Токтажем в Киргиз-Кайсацкую Орду. Пойманный в степи разъездом карателей калмык Мамзи на допросе в конце июня 1740 г. показал, что «был он в Карасакаловом собрании, и за Тоболом рекою у дубравы Чоулагал набежали на то Карасакалово собрание киргиз-кайсаков человек з 200 и всех их разбили и многих побили до смерти, а жен и детей также срослых нескольких мужиков взяли в плен, лошадей и скот, и пожитки побрали, и оное все отравили в жилища свои; а Карасакала и Мандарова сына Мавлюта и ево калмыка взяли живых с собою и вели пеших на арканах; Карасакала же от них киргиз-кайсаков ранен самую тяжелою раню в спи-

ну кошем и затем его послали в свои жилища, а Мавлюта назавтра увезли в другую сторону и живы ли оные ли побиты не знает».

Так Карасакал из башкирского хана превратился в казахского пленника. Видимо, это был очень умный и волевой человек. Он не смирился с участью раба. Более того, через год-два после описываемых событий Карасакал стал весьма влиятельной личностью в Киргиз-Кайсацкой Орде. Он собрал под свои знамена до 2000 бойцов и совершал дерзкие походы на каракалпаков, калмыков и другие народы. Усиление авторитета Карасакала беспокоило как казахских ханов, так и правителей России.

Генерал-лейтенант А. Соймонов послал к Карасакалу русского пленника Ивана Лапина, вышедшего из каракалпаков, пытаясь склонить его к добровольной сдаче царским властям. Карасакал ответил ему письмом. Он признал свою вину, но сдаваться, конечно, не стал, отговорившись опасностью дороги в Россию и желанием привезти с собой башкир, живущих в Орде, для искупления своей вины. К 1742 г. влияние Карасакала в Орде так усилилось, что ханы Абдулмамбет, Барак, Абдулхаир считали за честь посылать ему подарки.

Начальник Оренбургской Комиссии И. Неплюев всерьез пытался заманить Карасакала в Оренбург, схватить и отправить в Самару.

Однако это не удавалось, тогда И. Неплюев решил воспользоваться традиционным приемом правителей России — посорить Карасакала с Большой Кайсацкой Ордой и «тем ему тамо руки завязать». Уж очень Неплюев опасался Карасакала.

Междоусобица, вспыхнувшая в конце 40-х гг. среди казахских ханов, привела к гибели некоторых из них. Был убит Абдулхаир-хан. Погиб и Карасакал. Разошлись в то время слухи о том, что лишился его жизни Барак-султан, опасаясь за свою жизнь после убийства Абдулхаир-хана.

Что же случилось с другими повстанцами, попавшими в Орду? Долгие два года провели они на чужбине, большей частью — рабами. Ягафар Юдашев, башкир Каратавинской волости, рассказывал: «И пришли во оную Среднюю Орду ко владельцу хану Барак-султану и по приезде во оной Орде жили с месяц и потом нас распродал на разным местам, а куда не знаю, токмо меня с товарищи мужеска и женска полу продали в Ташкенскую землю в 373-х человеках». Бежать домой в Башкирию они не могли.

Дома их ждала казнь за побег в Орду. Лишь летом 1742 г. уфимский вице-губернатор Петр Дмитриевич Аксаков объявил прощение вины для башкир, вернувшихся из Орды.

П. Д. Аксаков занимал пост вице-губернатора Уфимской провинции с 1740—1743 гг., как раз после окончания национально-освободительной войны 1735—1740 гг. Ему было поручено выяснить ее причины и устранить последствия. В своей деятельности П. Д. Аксаков стремился пресечь злоупотребления как представителей царской администрации, так и башкирских старшин, против которых им был собран огромный обличительный материал. Так упомянутый выше Шаганай Барсуков, хоть и был в Москве в составе делегации «верных» башкир, но, как и многие из них, оказался отстраненным от власти волею П. Д. Аксакова. По его инициативе родовая знать, которая раньше становилась старшинами по происхождению, стала заменяться выборными старшинами, утвержденными администрацией края.

В конце 1741 г. в результате очередного дворцового переворота императрицей России стала Елизавета.

До царствования Елизаветы жестокость кар все усиливалась. Дочь Петра I начала с того, что отменила смертную казнь, если не в правовом порядке, то фактически. На практике смертные приговоры сперва перестали приводить в исполнение, а затем судьи и вовсе не выносили такие приговоры. Елизавета всегда пользовалась правом высочайшего помилования. Указом от 23 августа 1742 г. отменялись пытки и смертная казнь для крестьян-бунтовщиков.

Вот эти новые веяния в лице вице-губернатора П. Д. Аксакова докатились и до Башкирии. Узнали о них и те, кто жил на чужбине. Вкусив свою горькую долю, вернулся домой и Азналбай. Он, как один из предводителей восстания, явился в Уфу, и его допрашивал сам П. Д. Аксаков. Сохранился протокол этого допроса [41] и «объявление» [42] Азналбая о Карасакале, его роли в восстании и об отношениях башкир с казахами.

Допрос состоялся 21 октября 1742 г. О чем же рассказывал Азналбай? Конечно, опасаясь за свою судьбу, вначале он свое участие в восстании объяснил принуждением со стороны Карасакала и его людей. Однако позже, 16 ноября, в «объявлении» он рассказал истинные причины, приведшие его в ряды повстанцев. Вскоре, после появи-

ления Карасакала в его деревне, пришел указ генерала Соймонова «о поимке и о присылке разных волостей лутчих башкирцов». В числе двадцати восьми, названных в указе, был и Азналыбай. Все они после клятвы на Коране и платежа штрафных лошадей более не бунтовали. Получив указ, они поняли, что от генерала Соймонова их ждет либо казнь, либо ссылака. Обратив от него домой не возвращались. Это и толкнуло Азналыбая в ряды повстанцев.

Правда, пытаясь обелить себя в глазах царских властей, Азналыбай, скорее всего, придумал следующее: «...я с башкирцами Сибирской дороги Куваканской волости Зеганом Татымасовым, Яусбаем Зиянгуловым, Трухменской волости Зиянгидай Иткиным да с сыном Байчурой, которые все умерли, ездили для поимки ево Карасакала...». Отметим, что в свидетели он взял мертвых людей.

Однако не это для нас главное. Как понять слова «...да с сыном Байчурой...»? Чьим сыном был Байчюра? Если бы он был сыном Зиянгидаи, Азналыбай бы сказал «...да с сыном ево Байчурой...». Возможно, в восстании, кроме Мурата, Азнабай потерял еще одного сына — Байсуру. Кроме того, Азнабай упоминает и других своих родственников.

Из Орды он бежал в начале октября 1742 г. вместе со своим двоюродным братом Солтан-Алием Кунаккозиным и его женой Исеней Минлиной. В протоколе указана и фамилия Азналыбая — Карагозин. Отсюда следует, что Кунак-гужа и Кара-гужа были братьями.

Азнабай рассказал, что в Орде он понал во владения Аблай-султана. «А в Киргиз-Кайсацкой Орде, в Ташкентах, в Калтан-Чирезях башкирцов довольно число, а особливо в Киргизской Орде, по-видимому их жильем третия часть», — ответил он Аксакову на вопрос о том, много ли башкир в Орде.

Встречался ли Азналыбай с Карасакалом в Орде? На допросе он отрицал всякие отношения с Карасакалом. Едва ли сказал он правду на допросе. Это было не в его интересах. В своих показаниях он довольно подробно описал пребывание Карасакала в Орде, его связи с ханами, его походы в Каракалпацкую Орду, женитьбу «на двух девках киргизских», свадебные подарки от других ханов. Скорее всего, они встречались, но это были встречи весьма отличных по положению людей: хана и простолюдина.

Какова же была судьба Азналыбая по возвращении? Старшинский пост был утерян. Однако он остался уважаемым человеком и главой своего рода. В 1756 г. он участвовал от Куваканской волости в продаже земли заводчикам Твердышеву и Мясникову для строительства Катав-Ивановского завода. Башкиры продали землю, подчинившись Указу Берг-коллегии от 1755 г. А сохранились с этой землей, видимо, в 1754 г. Захват земли, как правило, происходил на год-два раньше оформления купчей [43].

В этих купчих перечислялись имена и фамилии башкир-вотчинников. Среди тех, кто участвовал в продаже земли для Катав-Ивановского, Юрюзаньского, Усть-Катавского и Сибирского заводов, упоминается лишь один Азнабай — Азнабай Карагузин. Это и есть подтверждение дружбы Азналыбая, деда Салавата Юлаева, с заводчиками, отмеченной в эпосе «Юлай и Салават».

По упомянутой выше купчей можно установить и отца Азналыбая Карагузина, прадеда Салавата Юлаева. Это Карагужа Акаков, сын известного в Куваканской волости Ака-муллы Камакаева. Совсем неудивительно, учитывая грамотность Азналы, отмеченную в эпосе, что Карагужа был абызой, образованным человеком (в документах — Кара-гази-абыз). Деревню Карагужи-абыза упомянул Азналыбай на допросе у П. Д. Аксакова, в связи с проживанием там активного сторонника Карасакала Ярмухамета Баскунова, в доме которого жил Карасакал до объявления его башкирским ханом [44]. Можно сделать вывод о том, что речь идет о деревне Ярмухамет, некогда располагавшейся на правом берегу реки Ай. Карагужа-аул — это раннее название этой деревни. Сегодня неподалеку от места нахождения этого аула существует деревня Новомухаметово.

Отец Карагужи Акакова — Ака-мулла Камакаев в годы национально-освободительной войны 1735—1740 гг. был уже в преклонном возрасте, поскольку в этой войне он участвовал вместе со своим внуком Азналыбаем и правнуком Муратом 1720 г. рождения. Ака-мулле в то время было уже более 70 лет.

У него были братья: Кусяк — его деревня располагалась на правом берегу Юрюзани в устье ручья Лайры, Енекей и Трунберда, отец Бепени [45]. Их отца звали Камакай Бекулов [46]. Известен сын Кусяка Ишмак (Исак) Кусяков, один из командиров повстанческих отрядов, арестованный в июле 1740 г. [47].

Стоит кратко рассказать о деятельности Ака-муллы Камакаева, так как он был одним из идеологов национально-освободительной войны 1735—1740 гг.

В начале этой войны, имея большой жизненный опыт, он занимал нейтральную позицию. Так, в июле 1736 г., после нападений башкир на продовольственные обозы и гарнизон Верхне-Яицкой крепости, на съезде в деревне Кинзекеево Ака-мулла принародно говорил в адрес предводителя восстания Юсупа Арыкова: «Ты, Юсуп, возмутил народ против императрицы и за твои дела многие добрые люди пропали и жилища их выжжены и люди вырублены, а ты плутовством своим еще укрываешься, и чтоб ты, Юсуп, объявил теперь при всем народе, в противности ли ты против воли государыни нашей хочешь быть или повинную желаешь принести» [48].

Но долго оставаться в таком положении Ака-мулле не удалось. Молодое поколение все-таки втянуло его в эту войну. Племянник Бепени, внук Азналыбай стали не только активными участниками этой войны, но и практически возглавили ее. В деревню Ака-муллы стали привозить трофейные пушки, ружья, палаши и даже знамя разбитого полка.

Ака-мулла стал главным советчиком своего племянника Бепени в написании различных писем и обращений. Так, в том же июле месяце они написали письмо в адрес В. Татищева от имени восставших башкир, в котором обвинили власти в нарушении условий присоединения башкир к Московскому государству. Они заявили о своей готовности отстаивать свои права, не жалея жизни [49].

Ака-мулла и Бепени написали письмо полковнику А. Тевкелеву, в котором отмечали, что императрица «соизволила повелеть построить город Оренбурх по прозьбе Абулхаир-хана, а ныне же построились на вершине реки Яик город, а на Чебаркуле другой, на Миясе третий, на Кылташе четвертой, под которой берут наши вотчинные земли, за кои мы платим ясак и служим, [просим], чтоб повелено было речных городов не строить или дать нам паспорт ехать до е. и. в. для оной прозьбы» [50].

Конечно, такое письмо вызвало у Тевкелева взрыв ярости, он разорвал его и бросил, немедленно собрал свою команду и отправился на Сибирскую дорогу. По пути он заехал в Балыхчинскую волость, в деревню Ст. Янтюсь, где, собрав всех жителей, казнил и вешал, а потом собрал

более 100 человек мужчин, женщин, стариков, детей в один большой амбар и сжег живьем [50].

В декабре 1737 г. Ака-мулла вместе с другими старшинами обращался с письмами к властям о принесении повинной, но так, видимо, и не рискнул явиться лично и просить помилования. Ну а после того, как его племянник Бепени стал главным вождем и идеологом башкирского восстания 1738 г., о помиловании не могло быть и речи — его бы без сомнения казнили. В это время Ака-мулла оставался в тени Бепени, сам особой активности не проявлял, возраст был уже не тот, да и необходимости не было.

После ареста и казни Бепени, на него обрушились заботы всего его большого рода. Каратели преследовали всех родственников Бепени. Ака-мулла собрал своих людей, всего около трехсот семей, и увел их в труднодоступные горные ущелья и топи близ горы Ямантау. Но в июне 1740 г. и сюда пришли каратели. Капитан Кублицкий 22 июня обнаружил их стойбище, перебил людей и захватил скот. Самого Ака-муллы в стойбище не оказалось, он отъехал к соседям. Когда он вернулся, то из трехсот семей едва набрал двадцать родственников, разбежавшихся от карателей по лесам и болотам.

С ними он и пришел, наконец, в Верхне-Яицкую крепость с повинной. Но его оттуда отослали к генерал-лейтенанту князю Урусову. Далее его следы в официальных документах теряются. Сообщений о его казни не последовало, но и на свободе его остановить не могли — он был главой наиболее воинственного рода бунтовщиков.

Предание рассказывает, что Азналыбай выкупил Ака-муллу, совершив подмену. Один старик якобы по своей воле занял его место в тюрьме. После этого, по преданию, Азналыбай отъезжал Ака-муллу в Кушчинскую волость, в деревню Лемезтамак. Действительно, в тех краях (ныне — Мечетлинский район) сохранились предания об Ака-ишане, святом человеке, глубоковерующем, умеющем лечить людей травами и молитвами. Упоминается в тех преданиях и родство Ака-ишана с Салаватом Юлаевым. Мне эти предания рассказала Явгара Казыева, заслуженный учитель школы РСФСР из Мечетлинского района. В их роду память об Ака-ишане сохранилась до настоящего времени.

Глава VII

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ НА ШЕЖЕРЕ САЛАВАТА

Свои находки о предках Салавата Юлаева я начал публиковать с 1993 г. Первая статья называлась «Азнабай, Юлай, Салават». Она вышла в газете «Советская Башкирия» (24.06.1993 г.) и посвящалась деду Салавата Юлаева — Азнальбаю Карагужину, старшине Куваканской волости. В последующих публикациях родословная Салавата расширялась, появились публикации жителей Салаватского района, развивающие ее.

Историки молчали, мне же, безусловно, хотелось знать их мнение. К критическим замечаниям я был готов, хуже было молчание, но я знал, что никто из историков родословной Салавата Юлаева не занимается. Она их не интересовала, более того, мешала. Наш национальный герой рядом со своими родственниками становился истинным Салаватом — сыном своего отца, внуком своего деда, генетически впитывал в себя их достоинства и пороки. Историки же, а за ними писатели и поэты, много лет создавали из Салавата прообраз большевика-ленинца, беспощадного вождя классовой борьбы бедных против богатых. Вот только сам он бедным не был, происходил из зажиточной семьи.

Но я знал, что рано или поздно критика в мой адрес прозвучит, старался ускорить ее, публикуя статьи и на русском, и на башкирском языках, как в газетах, так и в журналах. Конечно, мне было нетрудно предположить, что направлением главного удара в критике будет происхождение Азнальбая Карагужина, деда Салавата Юлаева.

из Куваканской волости. Так уж сложилось в нашей исторической науке, что Салават приписывался к шайтан-кудеям. Это стало догмой. Я помнил это, но постоянно все эти годы искал сведения, подтверждающие этот вопрос.

И потом, догма всегда убийственна для познания. Существует даже поговорка: «Истина рождается как ересь, а умирает как догма». В данном случае, происхождение Салавата из куваканского рода звучит ересью, но является ли она истиной? Попробуем разобраться.

В 1737 г. старшина Кудейской волости Юдаш-мулла писал В. Татищеву о мирной жизни трех Кудейских волостей. Большая Кудейская волость разделилась на три части. Во главе одной из них он был сам, другие две волости возглавляли Исман-тархан Молдуров и Шаганай Барсуков, их тамги также стоят под этим письмом [51]. С 1740 г., после окончания национально-освободительной войны 1735—1741 гг., Шаганай официально становится первым старшиной Шайтан-Кудейской волости. На этом основании можем считать его род коренным шайтан-кудейским родом. Из его влиятельных родственников известен Алексей Булатов, первопоселенец деревни Алька. О родстве Шаганая и Азнальбая нет никаких сведений. И краевед Х. Кульмухаметов, перечисляя в своем сочинении [21] родственников Юлая, приглашенных на его проводы в боевой поход, не упоминает ни Шаганая, ни его сыновей. Более того, достоверно известно, что Салават был во враждебных отношениях с Рысбаем, сыном Шаганая. Забегая вперед, скажу, что их дети поженились, что совсем не характерно для родственных отношений. В разных поколениях «азналинцы» брали невест из шайтан-кудеев. Есть предание о том, что из шайтан-кудеев была мать Азналы, бабушка Юлая [8]. Все это говорит о том, что род Азналы, Юлая и Салавата не был в кровном родстве с коренными шайтан-кудейцами: Шаганаем, Алексеем и Рысбаем.

И вот в 2001 г. вышла девятая книга серии «История села и деревень Башкортостана» известного историка, профессора А. З. Асфандиярова [17]. В разделе, посвященном родине Салавата, дана критическая оценка моих поисков родословной Салавата Юлаева. За это выражаю А. З. Асфандиярову мою искреннюю благодарность.

Как яче предпологал, у уважаемого историка не наша поддержка выявленная мной родственная связь Салавата Юлаева, его отца Юлая Азналина с Азнальбаем Карагу-

жиным, выходящем из Куваканской волости. Надо отметить, что он подверг критическому анализу мой вариант родословной Салавата, опубликованной в журнале Агидель [51]. «Илак йондоз ни айтер?..». В этой статье содержалось значительно меньше доказательств родства Юлая Азналина и Азналыбая Карагужина, чем выявлено теперь.

Подчеркивая мое искреннее стремление к истине, профессор Асфандияров считал, что я еще далек от поставленной цели, а причина тому — отсутствие выявленных источников. Но отсутствие документов о происхождении Азналы из Шайтан-Кудейской волости — тоже красноречивый факт. Опубликовано очень много источников по бурной и богатой истории башкирского народа в XVIII в., но такого Азналы, шайтан-кудейца по происхождению, так и не было обнаружено. Соответственно, нет ни единого документа, указывающего на его шайтан-кудейское происхождение. Это выдумка историков, основанная на другой выдумке, что его сын Юлай был старшиной в Шайтан-Кудейской волости. Это ошибочное утверждение принадлежит И. Гвоздиковой. Она пишет на основании показаний Юлая на допросе в Москве, что он был утвержден оренбургским губернатором А. Путятиным волостным старшиной [12, с. 183]. Но это не так. Сам Юлай на допросе в Тайной экспедиции Сената 25 февраля 1775 г. сказал: «Бывшим оренбургским губернатором князем Путятиным произведен, он, Юлай, над башкирами, живущими поблизости его деревни, старшиною» [52, с. 303].

Как видим, «башкирцы, живущие поблизости его деревни» и Шайтан-Кудейская волость — не одно и то же. Более того, в ведении Юлая в 1770—1773 гг. находилась весьма обширная территория, включающая в себя земли Кубовской, Туркмен-Кудейской, Белебей-Кудейской и Куваканской волостей.

Известны два документа, составленные при непосредственном участии Юлая Азналина. Первый из них — купчая заводчиков И. Твердышева и И. Мясникова на вотчинную землю башкир Кубовской волости по рекам Белая, Юрюзань, Березяк и Лаязы [53]. Это очень интересный документ. Он напрямую указывает происхождение Юлая, ведь вотчинная земля — это родина, земля предков. Так какому роду она принадлежала?

В купчей определены и названы ориентиры. Не буду приводить описание границ, отмечу лишь упомянутые

географические названия: горы Ямантау и Иремель, истоки рек Белой, Малый Инзер, Юрюзань, Березяк. Это те места, где, согласно эпосу «Юлай и Салават», Юлай с семьей семь лет скрывался от наказания за участие в восстании. Эпос созвучен с письменным документом.

Здесь, в горных ущельях и среди болотистых топей, нашли себе убежище в 1740 г. и его отец Азналыбай, и прадед Ака-мулла с тремястами семей.

Это древние земли куваканского племени, Куваканская волость. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту, прилагаемую к первому тому «Материалов по истории БАССР». Селения куваканцев, расположенные здесь, были разграблены и сожжены карателями в ходе подавления национально-освободительной войны 1735—1740 гг. Выше я рассказывал о том, что Ака-мулла, спасаясь от карателей, собрал здесь триста семей куваканцев, но они были разбиты, уцелело лишь двадцать семей. Многие башкиры этого рода были казнены, а оставшиеся в живых разбежались по близлежащим волостям. Об этом говорил и Азналыбай на допросе у вице-губернатора П. Д. Аксахова [41, с. 484].

Юлай уже не мог собрать законных владельцев, и, видимо, подчинившись указу Берг-коллегии, продал эту землю вместе с подвластными ему башкирами. В документе они значатся как «команды Юлая Азналина, деревни Кубовой башкирцы...». Едва ли они имели какое-то законное отношение к землям на отрогах Ямантау и Иремеля. Расстояние между их деревней Кубово и проданной землей в верховьях реки Белой составляет более 150 км.

Этот документ точно указывает, что Юлай происхождением был с отрогов Ямантау и Иремеля, из Куваканской волости, а не из шайтан-кудеев.

Второй документ — это соглашение о припуске крещеных чувашей в деревню Кубово [54]. Далее эта деревня стала называться Чуваш-Кубово.

Таким образом, административной единицей, которая реально подчинилась Юлаю Азналину, были не Шайтан-Кудейская и Кубовская волости, а территория, занимаемая башкирами, числящимися в его воинской команде. Часть Шайтан-Кудейской волости во главе с Шаганием Барсуковым ему вообще не подчинялась, действовала самостоятельно. Шаганай сам, без Юлая, распродал родовые вотчинные земли, и земли эти назывались «дачами отставного старшины Шаганая Барсукова».

Конечно, Юлай не хотел терпеть такую самостоятельность Шаганая. Этим объясняется и судебная тяжба, затеянная им против Шаганая, и рапорт Салавата в Уфимскую провинциальную канцелярию на сына Шаганая Рысбая. Таким непростым было служебное положение Юлая Азналина.

Вернемся к другим замечаниям А. Асфандиярова. Он пишет, что я неправоммерно считаю Юлая Азналина, его отца и детей выходцами из Куваканской волости, ставшими припущенниками в Шайтан-Кудейской волости. Замечание трудно принять потому, что несколькими строками ниже он же пишет: «В итоге все башкиры Куваканской волости, кроме одной ее деревушки, еще в 60-х годах XVIII в. стали припущенниками других волостей».

Основное же наше разногласие заключается в следующем. Профессор А. Асфандияров считает, что башкирское общество XVIII в. имело некоторую идеализированную структуру патриархально-родового строя. Для каждого рода по определенным межам была очерчена земля, на этой территории жили постоянно представители только этого рода, они имели своего родового старшину и единую тамгу. Могли быть еще и арендаторы земли — припущенники, поселившиеся на земле данного рода по договору.

Наверное, такое башкирское общество существовало несколько десятков лет, но не в XVIII в., а в XVI, сразу после присоединения Башкортостана к Московскому государству. Тогда башкирские племена закрепили за собой свои земли, стали платить за них ясак и припускали на них разных народ, бежавший из Поволжья.

Но ничто не вечно под луной. Со временем башкирские племена распались на роды, а их земли разделались на куски-улусы (от башкирского — *олш*), называемые порусски волостями. Изменилась и форма собственности — из родовой она стала семейной. Скот, например, теперь принадлежал не роду, а отдельной семье, состоящей, как правило, из трех поколений. Со временем припущенники часто становились и собственниками земли, переходили разными путями от арендной платы к уплате ясака. Терялись и уничтожались карателями жалованные грамоты, полученные во времена Ивана Грозного, единственные документы, в которых были отмечены границы земель. Многие роды исчезали с лица земли по разным причинам,

особенно из-за башкирских восстаний. Их земли занимали соседи или пришельцы, изгнанные карателями из своих вотчин. Так возникали ситуации, когда семья могла жить в одной волости, а владеть землей — в другой, по своему древнему вотчинному праву.

Известные историки давно обратили внимание на это. Так, А. Чудошников, ответственный редактор первого тома «Материалов по истории БАСССР», вышедшего в 1936 г., в своей вводной статье «Федеральные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в.» писал: «Водость и ее подразделения туба или аймак еще в XVII в. не представляли собрания одних родственников...» [55].

Еще конкретнее выражался на этот счет в XVIII в. современник описываемых событий В. Татищев, живший на Урале и непосредственно руководивший Башкортостаном: «Одной волости люди живут по всей Башкирии и в одной деревне люди разных многих волостей...» [56].

Однако наши историки не торопятся принять такие замечания. А. Асфандияров считает это исключением, а не правилом. Но исторические документы говорят об обратном.

Тот же В. Татищев, работая начальником Оренбургского края, был крайне озабочен такой неразберихой и даже издал в 1738 г. специальный указ, повелевая башкирским старшинам навести порядок в своих волостях, иначе «старшинам и сотникам не только людей в добром порядке содержать и от воровства унимать невозможно, но и ясак собрать трудно, и с чего старшинам и сотникам и всем добрым людям может быть убыток, того ради должны все водости вы расписать деревнями подряд, когото б рода (! — Р. В.) в оных люди не жили, и чтоб волости не меньше 200, а не больше 500 дворов были... для того на оное дается вам сроку до предбудущего 1739 году». Также и старшинство стало должностью, а не признанием главенства в роду.

Как видим, описанное положение было не исключением из правила, а государственной проблемой. Понятия «род», «водость» и «тамга» уже не были взаимосвязаны. Профессор А. Асфандияров, отрицая родство между Юлаем Азналиным и Азналыбаем Карагужиным и его предками, приводит в качестве доказательства еще и различие в тамгах Юлая и Ака-муллы. Состоятельны ли его доводы?

Считаю, что нет. Тамга — это не только аналог печати, который рисовали на документах вместо подписи, но и знак собственности. Ее ставили на бортях, ею клеймили скот. Она была единой для рода тогда, когда и собственность — борти, скот — была общей для всех родственников. Это было давно, еще во времена Чингисхана, в XIII в. Ко времени рассматриваемых событий, к XVIII в. собственность уже давно стала семейной. Если жили в одной семье внук с дедом, владели единой собственностью, то и ставили одну и ту же тамгу и на документах, и на бортях, как это имело место в 1736 г. в семье Ака-муллы Камакаева и жившего с ним его внука Азналыбая Карагужина. На письме о принесении повинной они оба поставили одну и ту же тамгу. А через 6 лет, в 1742 г. Азналыбай, живя уже отдельно от деда, ставил на документах свою тамгу [57]. Возможно, тогда Азналыбай переселился с отрогов Ямантау и Иремеля на речку Кускинды.

Другой пример. В 1737 г. Шаганай Барсуков ставил одну тамгу [58], а в 1742 г., будучи старшиной Кудейской волости, он пользовался другой тамгой [59], а его сын Шукур Шаганаев имел свою, личную тамгу [52, с. 481].

Так о каком единстве тамги для родственников может идти речь? Тамга менялась не только от отца к сыну, но и один человек на протяжении всей своей жизни пользовался разными тамгами. Поэтому, вопреки утверждениям профессора А. Асфандиярова, различие в тамгах Юлая Азналина и его прадеда Ака-муллы Камакаева никак не может быть свидетельством отсутствия родства между ними. У каждого прадеда было множество внуков и правнуков со своими семьями. Что они все должны были метить одной прадедовской тамгой и борти, и скот? Кто ж тогда был бы хозяином?

Профессор А. Асфандияров пишет, что я «без какого-либо документального обоснования объявляю активного повстанца и одного из предводителей башкирского восстания 1735—1740 гг. старшину Куваканской волости Азналыбая Карагужина отцом Юлая Азналина, дедом Салавата Юлаева».

Выше, надеюсь, убедительно я доказал, что Юлай не был старшиной Шайтан-Кудейской волости. Его старшинство распространялось на часть территорий Шайтан-Кудейской, Кубовской волостей, а вотчинная земля его рода, которую он продал [53], располагалась в Кувакан-

ской волости на отрогах Ямантау, в верховьях Белой, Малого Инзера, Березяка и Лаязы. Следовательно, по происхождению он был из куваканского рода.

Нет ничего особенного и в том, что он, будучи выходцем из куваканского рода, был назначен старшиной на землях Шайтан-Кудейской и Кубовской волостей. Таких примеров можно было бы привести десятки, но я ограничусь двумя, наиболее показательными.

Старшиной Шайтан-Кудейской волости до Юлая в 1760—1762 гг. был Иштуган Мишаров, выходец из Тубелясской волости, тоже, по сути, куваканец, так как род тубеляс происходил из куваканского племени [60]. Или другой пример. Известный бунтовщик, старшина Кудейской волости Юдаш-мулла Суярмбетов имел двух сыновей — Ягафара и Исламгула. Первый был старшиной, а второй — сотником в Каратавинской волости. Причем Исламгул жил в своей деревне, которая носила его имя, на территории Каратавинской волости, через реку Юрюзань от деревни Каратаулы. Это, я подчеркну, коренные кудейцы, а правила они в Каратавинской волости и жили на ее территории.

Теперь относительно документального обоснования родства Юлая и Азналыбая Карагужина, отсутствие которого привел мне в укор профессор А. Асфандияров. Разве документ о наличии у Азналыбая сына Мурата [61] и карта Красильникова и Рычкова 1755 г., на которой показана деревня Мурат рядом с деревнями Азналы и Текей, не являются документальным обоснованием?

Показательно и то, что профессор А. Асфандияров в отрыве от установленного мною родства между Азналыбаем Карагужиним и его сыновьями Муратом (1720 года рождения) и Юлаем (1729—1730 года рождения) так ничего и не смог написать о деревнях Азналы и Мурат, за исключением того, что без всяких обоснований назвал деревню Азналы центром Шайтан-Кудейской волости, «поэтому ранее называвшейся Шайтан» [17, с. 133].

Совершенно без оснований уважаемый профессор А. Асфандияров обвинил меня в какой-то подтасовке имен с целью обоснования моей версии родства: «Азналы, по Вахитову, чтобы уподобить его имя с фамилией Юлая Азналина».

Упрек явно незаслуженный. Я отстаиваю свою версию родства Юлая и Азналыбая Карагужина в интересах поис-

ка истины и вовсе не имею никакой корысти, чтобы заниматься каким-то «уподаблением». С удовольствием принял бы и иную версию, если бы она была и имела более веские доказательства.

В связи с этим считаю необходимым остановиться на имени Азналыбай более подробно. Полностью и дважды это имя упомянуто в одном документе, написанном рукой профессионального канцеляриста, секретаря Дмитрия Реутова [35]. Этот документ называется «Экстракт, составленный в Комиссии Башкирских дел, о ходе башкирского восстания с 20 февраля по 25 марта 1740 г.» и представляет собой сводку донесений командиров отрядов, переводчика Уразина и «верных» старшин. Надо отметить, что секретарь Д. Реутов весьма дотошно и тщательно переписал эти донесения.

Переводчик Уразин, собиравший штрафных лошадей в этой местности, безусловно, хорошо знал Азналыбай и написал в своем донесении его полное имя: «...вор Карасакал поехал в Куваканскую волость с Аиткулом и ...они, ныне собравшись, стоят у Азналы-бая...». Как видим, мне нет никакой необходимости уподоблять его имя с фамилией Юлая Азналина, имя Азналы-бай итак совпадает с фамилией отца Салавата.

Есть в этом «Экстракте» упоминание об еще одном интересном документе, который написали генерал-майору Л. Соймонову три известных бунтовщика: Юдаш-мулла, Исмаил-тархан и Азналыбай. Они старались представить себя «верными» башкирами. Это было характерно для Юдаш-моллы. Он в 1740 г. часто демонстрировал свою верность такими письмами, но это не избавило его от казни в 1742 г.

Секретарь Д. Реутов привел такие строчки из их сообщения: «В письме Башкирцев Еддаш-моллы, Исмаила-тархана и Азналы-бая з братьями и з детьми написано: воры де башкирцы разъехались врознь... Кашмарские и каравалинские воры намерены разорять их Еддаша муллу с товарищами...».

Но каков бы ни был смысл этого письма, и здесь имя Азналыбая приведено полностью, причем в компании с коренными кудейцами Еддаш-муллой и Исмаил-тарханом «з братьями и з детьми». Упоминание о братьях и детях говорит о том, что речь идет здесь о некоторой округе, занимаемой соседями, с которой «воры де башкирцы

разъехались врознь». Если это так, то получается из письма, что Азналыбай и Исмаил-тархан проживали неподалеку, что соответствует расположению их деревень: Исмаил на ручье Ерал и Азналы на Кускинды. Есть сведения о том, что и Юдаш-мулла жил неподалеку от деревни Касай (в документе — Кай), расположенной на Кускинды [62].

Итак, полное имя человека, которого я считаю отцом Юлая и дедом Салавата — Азналыбай. И это не «по Вахитову», как утверждает профессор А. Асфандияров, а по историческим документам того времени. Конечно, в документах часто упоминаются и сокращенные формы этого имени: Азнабай, Аднабай, Аднаба, Аднай, Азнай, Адна. Это связано с тем, что документы, как правило, писаны на допросах русскими военными писарями, и склонность их к сокращению труднопроизносимых и длинных башкирских имен вполне понятна. К тому же в русском языке нет буквы, аналогичной башкирской букве «з».

Кроме того, надо учитывать, что в башкирских традициях имя мужчины «растет» вместе с возрастом и авторитетом, известностью, состоятельностью. В молодости он мог быть Азнаем, позже Азнабаем, а став известным старшиной и предводителем восстания — Азналыбаем. Знал я одного человека, которого жена и близкие называли Хамат, соседи — Хаматрахим, а будучи с ним в его родной деревне, я услышал от его племянника полное имя — Мухаматрахим. Такие вот метаморфозы происходят с тюркскими именами, так что Азнабай и Азналыбай, вопреки мнению А. Асфандиярова, не разные имена, а полная и сокращенная формы одного имени.

Что касается других замечаний уважаемого историка, направленных на опровержение родства Юлая Азналина и Азналыбая Карагужина, то они из области эмоций. Дедать, «знимый отец» распродает земли Куваканской волости, а сын борется с разбазариванием земель Шайтан-Кудейской волости.

Можно ли делать выводы о кровном родстве, сопоставляя поведение отца и сына? Когда молодежь шла тем же путем, что и старшие поколения? Проблема отцов и детей стара, как мир.

Здесь профессор А. Асфандияров сослался на опротестование Юлаем сделки купли-продажи земли, совершенной Шаганием Барсуковым под строительство Симского завода. В купчей эта земля обозначена как земля «Шай-

тан-Кудейской волости, в дачах отставного старшины Шаганая Бурчакова сотоварищи». Юлай и Салават действительно опротестовали эту сделку, но неудачно. Суд приговорил Юлая и Салавата к денежному штрафу в 600 рублей [63]. Но отнюдь не в интересах части вотчинников Шайтан-Кудейской волости и ее отставного старшины Шаганая Юлай не побоялся сказать об этом и на допросе в Москве, в Тайной экспедиции Сената: «Как-то он просил (подал прошение. — Р. В.) на тамошнего заводчика Твердышова в отнятии им у него, Юлая, собственной его земли и в застроении оной двумя деревнями под свой Симский завод в Уфимской провинциальной канцелярии».

Салават также показал, что по указу Путачева они «выгляди заводчика Твердышова, состоящий близ отца его деревни, завод, под которой насильно Твердышовым на земле отца его поселены две деревни» [52, с. 302—303].

Это очень важные заявления для установления происхождения Юлая и Салавата. Если бы они происходили из Шайтан-Кудейской волости, как и Шаганая, то Юлай и Салават не могли бы вести речь о своей земле. Внутри волости земля не делилась между вотчинниками. И. Гвоздикова, понимая это, но, будучи в плену своих убеждений о шайтан-кудейском происхождении Юлая, свалила вину за эти заявления на переводчика И. Гульчихина и на ведущего запись канцеляриста Тайной экспедиции [12, с. 183].

Однако здесь не было ошибки ни того, ни другого. Показания Юлая и Салавата «о своей земле Юлая» записаны в разных документах. Просто они не замечались, потому что не укладывались в придуманную канву, характеризующую Юлая как шайтан-кудейца по происхождению, старшину этой волости, ревностно отстаивающего ее интересы.

Юлай был твердым человеком. И в своих прошениях в суд, и на допросе в Тайной экспедиции он говорил о своих правах на землю, на которой стоял Симский завод, оспаривая их у Шаганая. Если не выдумывать ничьих ошибок, то вывод может быть один — Юлай и Салават не были однородцами по происхождению ни с Шаганаем Барсуковым, ни с Алексеем Булатовым, ни с другими коренными вотчинниками Шайтан-Кудейской волости.

Завершая полемику с профессором А. Асфандияровым, могу с удовлетворением отметить, что она оказалась чрезвычайно полезной для составления родословной Салавата

Юлаева. Поднятые вопросы заставили еще раз просмотреть упомянутые им документы, взглянуть на них по-новому. В результате такого заинтересованного пересмотра открылись в этих документах совершенно иные сведения, ранее остававшиеся без внимания.

Кто бы мог подумать, например, что протоколы допросов Юлая и Салавата в совокупности с определением Берг-коллегии на постройку Симского завода поставят Юлая и Салавата по другую сторону границы Шайтан-Кудейской волости. Или другое: отыскивая упоминание полного имени Азналыбая, я неожиданно увидел, что он подписал письмо о верности и покорности вместе с кудейцами Юдаш-муллою и Исмаил-тарханом, однако без самого верного и покорного Шаганая Барсукова. Но, пожалуй, самое главное, выявился Мурат, 20-летний сын Азналыбая Карагужина, и его деревня, расположенная в двух-трех километрах от деревни Азналы. Все это говорило о том, что я на верном пути. Все новые сведения сходились в одну и ту же точку.

Конечно, критика А. Асфандиярова придала мне уверенности в собственной правоте. Даже такой опытный историк с чрезвычайным богатым багажом знаний отдельных исторических личностей не смог провести альтернативную линию родства Салавата Юлаева, восходящую к шайтан-кудейцам, ограничившись лишь критикой линии, найденной мной. Это убеждало меня в том, что иной линии нет. За прошедшие шесть лет после выхода в свет упомянутой книги А. Асфандиярова выявилось много новых сведений, так или иначе подтверждающих родство Салавата и Юлая с Азналыбаем Карагужиним.

Мои же доказательства этого родства следующие:

1. Точное совпадение очень редкого имени Азналыбай с фамилией Юлая Азналыта.
2. Отсутствие в исторических и архивных материалах сведений о «другом» Азналы происхождением из Шайтан-Кудейской волости.
3. Одно из преданий рассказывает, что из шайтан-кудеев была мать Азналы, бабушка Юлая. Значит, отец Азналы был из другого рода, иначе получился бы близкородственный брак. Этого тогда не допускали.
4. Наличие у Азналыбая Карагужина сына Мурата и существование деревни Мурат (Мрат) рядом с деревнями Азналы и Юлая.

5. Существование в ближайшей от деревни Азналы округе деревень других близких куваканских родственников Азналыбай Карагужина: Кусяк-аул на Юрюзани, в устье ручья Лайры; Енекей-аул (Каратаулы) на Юрюзани, в устье ручья Шардаме; Карагужа-аул (Ярмухамет) на Ае, а также древней куваканской деревни Таулы при впадении реки Катав в Юрюзань. Кроме того, есть сведения, что и известный куваканец Бепеня Трубердин жил на Юрюзани.

6. Достоверно известно, что Юлай Азналин владел и продал заводчикам Твердышову и Мясникову землю близ гор Ямантау и Иремель, в верховьях рек Малый Инзер, Белая и Юрюзань, вдоль речки Березяк. Эта земля никогда не относилась к Шайтан-Кудейской волости, а была далеко от нее, принадлежала издавна Куваканской волости, куваканскому роду. Следовательно, Юлай Азналин был вотчинником Куваканской волости, как и Азналыбай Карагужин.

7. Упоминание А. Пушкина о старом мятежнике из рода Салавата и Юлая, бунтовавшем вместе с Карасакалом и чудом избежавшем казни в 1741 г., точно совпадает с судьбой Азналыбай Карагужина: один из предводителей восстания Карасакала, бежавший от казни в Киргиз-Кайсацкую Орду и возвратившийся на родину после амнистии. Известно, что и Салават Юлаев после подавления путачевщины намеревался бежать в Киргиз-Кайсацкую Орду.

Любой из этих доводов можно попытаться опровергнуть. И я не стал бы публиковать свои соображения по родословной Салавата Юлаева на основании одного из них, каким бы правдивым он не казался. Вместе же они многократно усиливают друг друга, начинают работать системный подход, а он — единственный путь к истине.

Глава VIII

СЕМЬЯ И ПОТОМКИ

Жизнь Салавату дала его мать. На ее руках он вырос. Вместе с материнским молоком впитал он в себя и ее колыбельные песни. Многие предания рассказывают о том, что она сочиняла стихи. С ее стихами и песнями вошел Салават в мир поэзии. Она помогала ему, была его первой слушательницей.

К сожалению, в исторических документах сведения о матери Салавата крайне скудны, вернее сказать, что их совсем нет. Лишь на одном из допросов Юлай Азналин рассказал, что в его отсутствие солдаты императрицы разграбили его дом, избили его жену, двух же его жен и 10-летнего сына взяли в плен, и где они находятся, он не знает.

В народных преданиях можно найти больше сведений, чем в исторических документах. Несколько преданий повествуют о том, что мать Салавата была родом из деревни Лемезтамак нынешнего Мечетлинского района, а Салават в юном возрасте часто бывал в этой деревне в гостях у своего деда. Несколько урочищ близ деревень Лемезтамак и Юныс и по сей день связывают с именем Салавата. Предания о матери Салавата собрал и опубликовал в своей статье «Берега Юрюзани и Ая — родина героев» Б. Зайнетдинов [64]. Его заявления о родстве Салавата по матери с Акаем Кусюмовым абсолютно голословны, как и заявления о проживании Акая Кусюмова на берегах Ая, но упоминание женитьбы Юлая на матери Салавата в 1750 г. заслуживает внимания. Как и то, что бабушка Сала-

вата по матери была узбечкой. Здесь мне вспоминаются слова одной из песен Салавата:

Было время, время храбрых,
Божьих век богатырей,
Были Гали, Абутали,
Саш и Нариман,
Знал их целый свет.

Возможно, Гали в песне Салавата — это Кол Гали, поэма «Кисса Юсуф» которого была распространена в башкирском народе. А вот связка Саш (Сам) и Нариман явно имеет среднеазиатский след и восходит к сако-согдийским преданиям.

Конечно, это весьма слабые взаимосвязи, но и их необходимо обозначить. Возможно, когда-нибудь они усилятся другими находками и выведут на верный след в поисках сведений о матери Салавата.

Предания, сохранившиеся в Шаганай-ауле [8], рассказывают, что мать Салавата звали Азнабике, но, судя по имени, это, скорее, была бабушка Салавата, жена Азналы, отсюда Азнабике, в смысле — жена Азналы. В предании сообщается о трех старших сыновьях Юлая: Сулеймане, Ракае и Салавате. Народная память не запомнила десятилетнего подростка, сына Юлая, которого в 1774 г. увели каратели. Он, скорее всего, не вернулся на родину, был крещен и продан в крепостное рабство. Одно предание отмечает, что у Сулеймана было пятеро детей, у Салавата — двое. У Ракая (Раки) детей не было. Он, видимо, умер молодым и неженатым. Известно, что его могила находится на шаганаевском кладбище. Один из потомков Салавата — старик Кильдияр поставил на ней каменную ограду. Вот только почему сына Юлая — Ракая похоронили на шаганаевском кладбище [8, с. 146]? Этот вопрос остается пока без ответа. Возможно, что существовало единое кладбище на всю округу и «шаганаевским» оно стало после сожжения других деревень.

В другом предании упоминается сестра Салавата Бурхия, еще до пугачевщины отданная замуж в Моной-аул (близ современного села Бишауляр Салаватского района) [65]. Сестра Салавата, отданная замуж в деревню Бишауляр, без указания имени отмечена и в шежере рода Салавата, записанном Х. Кульмухаметовым от Гульсафии Исламовой.

Два источника подтверждают друг друга. Исходя из этого, будем считать, что у Салавата была сестра, звали ее Бурхия, и жила она в деревне Бишауляр, будучи отданной туда замуж.

Во время пугачевщины старших братьев Салавата уже не было в живых, о них нет упоминаний ни в показаниях Юлая, ни в показаниях Салавата.

Сведения о составе семьи самого Салавата содержатся в одном, достаточно сложном для анализа документе. Это письмо Салавата родственникам, находящимся на свободе.

Сам он в начале мая 1775 г. был этапирован из Москвы в Уфу, ближе к свидетелям его деятельности для дальнейшего разбирательства. Содержался в подвале здания уфимского магистрата. Провинциальная канцелярия отравила своего чиновника по селениям Сибирской и Осинской дорог для сбора улик и свидетелей, способных дать показания относительно Салавата и его отца Юлая.

Так около здания магистрата оказался Сагыр Утышев, родственник Салавата, сотник деревни Утышево Балактайской волости. С его слов известно, что к нему подошел один из солдат, охранявших Салавата. Он спросил у Сагыра, не родственник ли тот Салавату? На что Сагыр ответил, что родственник. Тогда солдат передал ему письмо Салавата на языке «тюрки», адресованное родственникам в Шайтан-Кудейскую волость.

Сагыр письмо взял, но сам, видимо, еще не был отпущен домой. Поэтому он встретился с теми, кого уже отпустили по домам. В частности, в дорогу собирались группа из пяти человек: башкирец Мухамет Кучуков из деревни Мухаметово Тырнаклинской волости Сибирской дороги, из этой же деревни Истыбай Сагыров (возможно, сын Сагыра) с женой и башкирец Балтай с женой из Исетской провинции.

Сагыр Утышев попытался вручить письмо Мухамету Кучукову, прося передать его Абдюшу Алакаеву, помощнику старшины Сартской волости Умета Уразымбетова. Но Мухамет письмо не взял, ссылаясь на то, что положить его некуда. Тогда Сагыр спрятал письмо в зашивку кушака жены Балтая.

На выезде из Уфы, в деревне Атово (Атаевка), где стоял отряд карателей, Мухамет Кучуков по неизвестной причине выдал письмо карателям. Разбирательство началось через три недели.

Салават от письма отрекся, заявив: «...оного не писал и того солдата отдать его дяде моему башкирскому сотнику Сагыру Утяшеву не просил и оного не выдавал». Здесь важно отметить, что Салават действительно считал Сагыра Утяшева своим дядей, но со стороны отца или матери — неизвестно.

Допрошенный солдат Яким Чудинов внес некоторые уточнения. Так он заявил, что «...оному башкирцу (Сагыру. — Р. В.), чтоб он отослал письмо в Шайтан-Кудейскую волость я не говаривал, и Салаватка мне о том не сказывал».

Значит, письмо Салават адресовал самому Сагыру Утяшеву, а тот по собственной инициативе отослал его Умету Уразымбетову и Абдюшу Алкаеву. Это известные пугачевцы. Башкиры всех 187 дворов Сартской волости, подчиненные Умету Уразымбетову, участвовали в восстании.

Видимо, Сагыр Утяшев считал, что они смогут помочь Салавату. Это были верные соратники Салавата, бывшие с ним до конца. Они приняли вместе с Салаватом и последний бой около Катав-Ивановского завода 22 ноября 1774 г. Салавату писать в Шайтан-Кудейскую волость не имело смысла. Родственников, способных ему помочь, там уже не было.

Какие же нити родства связывали Салавата с Сагыром Утяшевым? Если учесть, что он передал письмо Салавата через жителей деревни Мухаметово Тырнаклинской волости и один из жителей этой деревни Истыбай Сагыров, возможно, был его сыном, то логично предположить, что и сам Сагыр был выходцем из этой деревни. Тогда намечается очень тонкая, почти невидимая нить родства через прадеда Салавата Карагужу-абыза, ведь первоначально деревня Мухамет (Ярмухамет) называлась деревней Карагужу-абыза. В протоколе допроса Сагыр упомянут как дядя. По-башкирски Салават сказал «агайем», что означает близкий или дальний родственник мужского пола. Хотя нельзя исключить и того, что Салават приходился Сагыру племянником. Это если мать Салавата была сестрой Сагыра Утяшева. И фамилия его, скорее всего, была Утяшев — по Утямышу, сыну Иткини — известной личности из шежере тырнаклинского рода. Но все это пока из области предположений. Время покажет, насколько они верны. Теперь о тексте самого письма. Салават, зная о том, что многих старшин вызывают по их делу и берут показания,

просил провести среди них работу, чтобы они напрасно на них не показывали, а говорили, что все повстанцы жгли заводы и сражения делали по приказу Пугачева. Со своей стороны, Салават заверил, что они с отцом ни на кого показаний давать не будут.

Он просил хлопотать за безвинных жен и детей. «Детей же лета пропишите», — советовал он, считая их малолетство убедительной причиной для их освобождения.

Салават надеялся, что их с отцом не казнят и просил активнее предпринимать всевозможные меры. «Ведь и о лошадях люди ходатайствуют и стараются», — писал он. Просил взять в долг и дать губернскому секретарю Чучалову 1000 рублей взятки, чтобы он забрал их вместе с делами в губернскую канцелярию, в Оренбург. Видимо, здесь, в Уфе, находились люди, которые давали на них показания.

А теперь о семье: «...караул при нас комендантский у коего Салаватова жена, да один сын и так мы опасаемся, как бы он до резолюции их не истребил. Да одного сына взял генерал, который на квартире стоит у секретаря (Фрейман — Р. В.). А прочие жены и дети разобраны большими...»

Кроме того, несколько ранее на допросе в Тайной экспедиции Сената 25 февраля 1775 г. Салават показал, что: «...три его жены и два сына взяты в плен, и где находятся ныне не знает».

Сопоставляя эти сведения можно считать, что у Салавата было три жены, два сына, а также «прочие дети», доставшиеся ему «по наследству» от старшего брата.

Эпос «Юлай и Салават» рассказывает о том, что после смерти старшего брата, Салавата женили на его вдове. По преданию, ее звали Амина.

В этом же эпосе рассказывается и о Гульбазир, ссватанной Салавату еще в раннем детстве. Однако, узнав о женитьбе Салавата на вдове его старшего брата, отец Гульбазир некоторое время не отдавал Салавату дочь. Но, желая «приручить» Салавата, отвлеечь его от вражды с заводчиками отец Гульбазир решил все-таки отдать ему дочь.

Имя третьей жены Салавата мне было известно еще с детства: которое прошло в деревне Ст. Каратаулы. Бывая с бабушкой Фатимой на сенокосе, я часто расспрашивал ее о названиях различных урочищ.

— Ай баткан-куль, — рассказывала бабушка, названо так потому, что месяц там садится за гору.

— А Зулейха-куль? — допытывался я.

— Зулейха-куль, — отвечала бабушка, — названо так потому, что Зулейха — жена Салавата — ездилла через это место из Юлай-аула в Калмак, к отцу и матери.

— Откуда ты это знаешь?

— Гарифьян-агай Султанов рассказывал. Он говорил, что Салават наш зять, что жену Зулейху он взял из Калмак-аула.

Калмак-аул основан в 1729 г. калмыками, припущенниками вотчинников Каратавлинской волости. В ауле в 1795 г. было всего 8 дворов, значит в 1770 г. — еще меньше, возможно, 5 — 6 дворов.

Если калмыки пришли в 1729 г., то ко времени женитьбы Салавата (1766—1770 гг.) в этой деревне родились два новых поколения с примесью башкирской крови, но калмыцкое происхождение одной из жен Салавата должно было отразиться в преданиях. Представительница иного народа не могла остаться незамеченной в семье национального героя.

Действительно, в 1949 г. в деревне Асылгужино Кигинского района от В. Идисамова (1894 г. р.) записано предание [8, с. 144], в котором утверждается, что одна из жен Салавата была калмычкой. О том, что Зулейха — реальное лицо свидетельствует и то, что единственную девушку, которую воспел Салават в стихах, звали Зулейха.

Детями Салавата я начал интересоваться в конце 80-х гг. прошлого XX в., работая над своей первой книгой «Пчелы и люди». Изучая историю башкирского бортничества, я натолкнулся на интересный факт. Оказывается, что за Уральским хребтом медоносные пчелы, так же, как и раки, в природе уже не встречаются. Нет их и во всей Сибири, славящейся богатыми сборами меда.

Сибирь не знала бортничества, несмотря на то, что осваивали ее люди, безусловно, знакомые с этим промыслом. Не занимались бортничеством и коренные ее жители: горно-алтайцы, хакасы. Пчеловодство Сибири началось сразу с колодных ульев, а завез башкирских пчел в Сибирь в конце XVIII в. полковник Н. Аршеневский. После подавления пугачевщины этот каратель, руководивший арестом Салавата Юлаева и разграбивший семью его отца Юлая Азналина, был направлен на службу в Усть-Каменогорскую крепость.

По просьбе сосланных сюда поляков, он, возвращаясь из отпуска, завез туда колодные ульи с башкирскими пчелами. Н. Аршеневский, еще в чине подполковника, во время подавления пугачевщины в 1774 г. захватил жен и детей Салавата, его 10-летнего брата и жен его отца, Юлая Азналина.

Жизнь всех родных и близких Салавата была в одно время в его руках, поэтому я заинтересовался судьбой самого этого карателя, в надежде отыскать следы родственников Салавата. Так я обратился к трудам по русской генеалогии, к «Российской Родословной книге», составленной князем Петром Владимировичем Долгоруковым. Есть в родословной книге и Аршеневские. Среди них значится Николай Яковлевич, генерал-майор при Екатерине II, тайный советник, губернатор астраханский при Павле I. Умер в 1802 г., по некоторым сведениям, застрелившись из-за карточных долгов.

«Другой известный каратель, генерал-майор Фрейман оставил же после себя мемуары, почему бы не поискать записок Аршеневского», — подумал я и отправил запрос в Астрахань, где Аршеневский после военной службы работал губернатором. Ответил мне старший научный сотрудник Астраханского областного госархива Горшков А. А. Он прислал некоторые прошения написанные рукой Н. Аршеневского, в которых тот описывал свою службу, но в этих прошениях он упоминал лишь период штаб-капитанства при Петре III. Писать о службе при Екатерине II он не считал благоприятным для себя, хотя был ей лично известен. Н. Аршеневский подавал императрице рапорт, касающийся поимки Салавата, охарактеризовав помогавших ему Муксина и Зямгура Абдусалимовых как ее верно подданных и заслуживающих поощрения людей. Но после смерти Екатерины II наступили времена смутные, ее сын Павел I так и не простил ей убийства своего отца Петра III, и все, кто верно служил императрице, были в опале. Поэтому Н. Аршеневский ничего не писал в прошениях к Павлу I о своей службе при Екатерине II, и мы ничего не узнали от него о судьбе родных и близких Салавата Юлаева.

Появился и ложный след. Во время открытия музея Салавата Юлаева в райцентре Салаватского района с Малояз посетителям показывали «шежере Салавата Юлаева», где были указаны и его два сына Акбулат и Шаймурат. Несмотря на то, что это шежере относилось к тырнаклин-

скому роду, а дедом Салавата значился не Азналы, а Алибай, родословная экспонировалась годами, несмотря на критику со стороны историков. На мое замечание по поводу этого шежере первый директор музея Абузар Сайфуллин дал ответ, что им известно о том, что эта родословная не имеет никакого отношения к нашему национальному герою, а представлена же на обозрение как результат краеведческой работы — был другой Салават Юлаев, житель Тырнаклинской волости. Действительно, профессор А. Асфандияров отметил по переписи 1816 г. жителя деревни Лагыр 2-летнего Салавата Юлаевича Алибаева. Дед тырнаклинского Салавата 65-летний Алибай Юлмухаметов служил юртовым старшиной [17, с. 150].

Как-то в редакции журнала «Шонкар» ко мне подошел Р. Исламшин и сказал, что в нашем архиве хранятся ревизские сказки 1816 г., в которых упомянуты Салаватовы. Свои находки он опубликовал в газете «Йэшлек» (№ 103, 1993 г.), но никаких откликов не получил. Я спросил, есть ли у него какие-либо доказательства, что это сыновья нашего национального героя. На это он мне ответил, что маловероятно, чтобы в этой округе жил еще и другой Салават. Иных доказательств он не привел, лишь посетовал, что историки оставили без внимания его публикацию. Я рассказал ему, что были уже найдены два сына Салавата в Салаватском районе, да оказались сыновьями не того Салавата Юлаева. Нужны были доказательства, а без них на внимание историков рассчитывать бесполезно. Демонстрация шежере «не того Салавата» в музее Салавата Юлаева была еще свежа в памяти и вызвала обоснованное возмущение историков, а тут вновь идет речь о детях Салавата. Эта встреча уже стала забываться. Другие дела, другие проблемы захлестнули меня. Но, как всегда, всему виной оказался случай. Был какой-то наш семейный праздник, и я встретился со своей тетей Манзумой, жившей и учительствовавшей в 1949—1950 гг. в деревне Шаганай. Там была начальная школа, где директором работал упоминавшийся выше краевед Ихсан Залаяетдинов. Как обычно, за семейным столом пошли воспоминания о родных местах, о далекой молодости. Тут я возьми, да и спроси у тети Манзумы: «Вот ты жила и работала в деревне Шаганай, вспомни, были ли там люди, считавшие себя потомками Салавата Юлаева?» Ответ меня удивил: «Конечно, были! Ихсан-агай даже составлял шежере рода

Салавата». И она стала рассказывать и перечислять имена знакомых мне людей, живших в Уфе, Малоязе, на станции Кропачево, — так или иначе связанных с этим вопросом. Припомнил^а она и юношу по имени Ишмурат, сына Бадьян, шустрого парня, которого называли потомком Салавата.

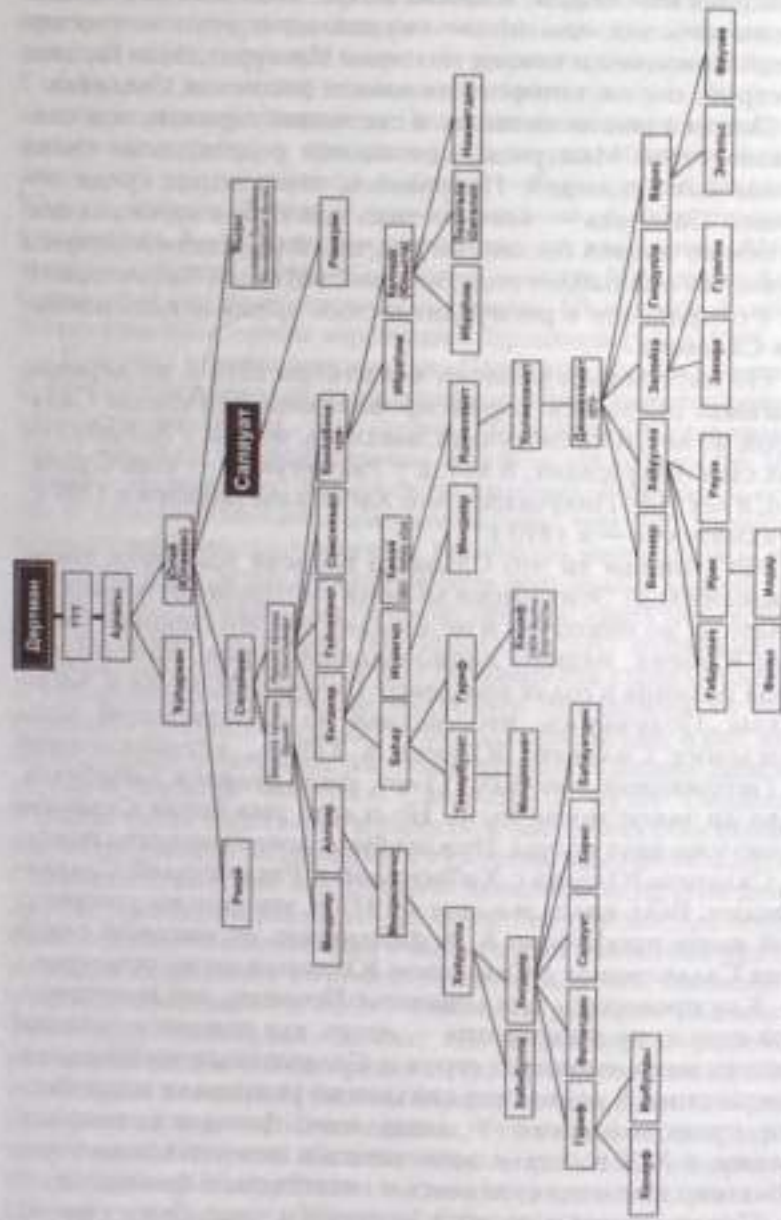
Потом я решил записать и систематизировать все, сказанное тетей Манзумой, припомнил родственные связи названных ею людей. Получалось, что я вырос среди потомков Салавата — кого-то знал как своих односельчан, а с кем-то провел босоное детство. Взяв с тети Манзумы слово, что она найдет родственников Ихсана Залаяетдинова, я отправился в республиканский архив искать потомков Салавата.

По материалам ревизии 4 сентября 1816 г. по деревне Шаганай оказались зафиксированными Хабибулла Салаватов, 49 лет, и Рахматулла Салаватов, 46 лет. У Хабибуллы был сын Абдулсалих, 6 лет, а у Рахматуллы — сын Сулейман, 8 лет [18]. Получалось, что Хабибулла родился в 1767 г., а Рахматулла — в 1770 г.

Но сыновья ли это Салавата Юлаева или здесь вновь ложный след? Эти списки до меня смотрели другие исследователи, но никто так и не доказал, что это сыновья Салавата Юлаева, нашего национального героя. Бросалась в глаза разница в годах рождения Салавата Юлаева и Хабибуллы. Получалось, что, исходя из официальной даты рождения Салавата Юлаева в 1754 г., установленной И. Гвоздиковой, ему было 13 лет, когда родился Хабибулла. Едва ли такое могло быть. Но о дате рождения Салавата давно уже идут споры. Нужны были доказательства родства Салавата Юлаева с Хабибуллой и Рахматуллой Салаватовыми. Ведь видел же еще в 1977 г. эти списки упомянутый выше профессор А. Асфандияров, но никакой связи этих Салаватовых с Салаватом Юлаевым он не усмотрел.

Как проверить, как доказать? Понятно, что генетический анализ не произвести — места, где покоятся останки нашего национального героя и Салаватовых из Шаганай, неизвестны. В ревизских сказках не указывали подробности происхождения — лишь имя, фамилия, возраст. Позже, в XIX в., стали записывать и отчество, а до этого у башкир имя отца считалось и отчеством, и фамилией.

После долгих раздумий наметился лишь один способ. Я решил построить родословную этих «архивных» Сала-

Шежере рода Салавата Юлаева; записанное Х. Кульмухаметовым от Гульсафии Исламовой в 1950 г.

ватовых и сравнить ее с вариантами шежере Салавата Юлаева, бытовавшими на нашей родине. Но для этого нужно было выявить детей, внуков, правнуков «архивных» Салаватовых из Шаганая. Возникла необходимость просмотреть записи и других, более поздних ревизий.

Перепись 1859 г. Появилось следующее поколение: Сулейман Рахматуллин Салаватов, 51 год, Хабдрахман Рахматуллин Салаватов, 40 лет, Сагидулла Рахматуллин Салаватов, 34 года, Абдусалих Хабибуллин Салаватов, 49 лет.

Ветвь Сулеймана, сына Рахматуллы, вызвала у меня особый интерес. В преданиях Сулейман назывался братом Салавата, а здесь внук Сулейман. От первой жены в переписи записано два его сына — Аллаяр (20 лет) и Миндияр (12 лет), а от второй жены — Кильдияр (14 лет) и Мухаметкильды (9 лет). Сравниваю с шежере рода Салавата, записанным Х. Кульмухаметовым со слов Гульсафии (Сафии) Исламовой. Эти имена в таком же порядке выстроены и в том шежере. Г. Исламова отнесла их к роду Салавата Юлаева. Она назвала и имена жен Сулеймана: Ханья и Сахипьямал, а также дочерей: Гайниямал, Шамсиямал, Киньябика.

Что скажут архивные материалы? В ревизские сказки записали и женщин. И вновь иду в архив — совпадению трудно поверить: первая жена Сулеймана Рахматуллина — Ханья (Ханья) Кутлюнова (50 лет) и вторая жена Сахипьямал Давлетова (43 года). Совпадают и имена дочерей: Шамсиямал (11 лет), Киньябика (2 года), нет только Гайниямал — как оказалось, она была выдана замуж в другую деревню.

Есть и другие совпадения. Г. Исламова в следующих поколениях показала Миндисмагила, сына Аллаяра. В одном из архивных источников [66] отмечен Исмагил, сын Аллаяра.

Все-таки как крепка народная память! Ведь прошло более 100 лет, а Гульсафия Исламова помнила все это без единой записи. И не она одна! Ф. Надыршина в 1977 г. записала одно предание от жителя деревни Шаганая С. Зайнетдинова [1903 г. р.] [8, с. 146]. Он считал самыми близкими потомками Салавата упомянутых выше Аллаяра и Кильдияра, помнил Кильдияра (1845 г. р.), умершего около 1918 г. Сам С. Зайнетдинов был женат на Фаткине, дочери Саяха, родного брата Миндисмагила (Исмагила), сына Аллаяра.

**Поясняющие надписи к шежере рода Салавата Юлаева,
составленному И. Зайялетдиновым**

Юлай Азналин имел сыновей: Сулеймана, Ракаля и Салавата. Старший сын Сулейман имел сыновей: Алаяра, Кильдияра и Диара (Мицдияра. — Р. В.).

Сыновья Кильдияра: Багау, Гариф, Хасан и Кунаккыялды. Дочери Кильдияра: Фатима, Хадича, Сафия (Гульсафия. — Р. В.).

Дочь Фатимы Самсинур живет в Малонзе, замужем за хромым Хамматом, ее дочь Зайнаб — врач, муж Зайнаб Сагитт — также врач.

Одна дочь Сафии Сахия живет в Алыкчино, ее муж — Гилмет, сын Сыржака.

У Хадичи был сын Галяу, его жена — Маузира, сыновья Гани и Ануар (Шаганай).

Сыновья Багау: Биктимер и Тимербулат. Жена Биктимера Махира, их сын Раис женат на Дирузе.

Сын Тимербулата Мицдахмет, дочь Мицдигуль, живет в Идрис-ауле.

Сын Гарифа Кашаф имеет сына Ишбирде, женатого на Гульжикхай. Ишбирде живет в Бердяуше, а Гульжикхай — в Шаганай.

Жена Хасана Гайниязал была из Махмут-аула, их дочери Мокарема и Мицдибадар умерли в 1921—1922 гг. (во время голода. — Р. В.).

Жена Кунаккыялды Хобай, их сын Мирсаиф живет, кажется, в Казахстане, а дочь Накия — тоже на стороне.

Алаяр имел сыновей Салаха и Исмагила, дочерей Гульмам и Фархиямам.

От Салаха (его, как потомка Салавата, отметил С. Злобин. — Р. В.) родились сыновья Шарафутдин, Сайфутдин и дочери: Фатиха, Гаффа, Мавлада, Марзия, Ямил, Фатхия.

Шарафутдин и его жена Бадьян имели сына Ишмухамета (он называл себя потомком Салавата, его знала моя теть Манзуна. — Р. В.).

Сайфутдин от первого брака с Махирой имел дочь Ханифу (Шаганай).

Исмагил имел сыновей: Хайрулла, Мицдихана и Мицдияра. Хайрулла и его жена Ямалниса (Шаганай) имели сына Хабибулла и дочерей: Асму (Шаганай) и Людию (Каратаулы).

Сыновья Мицдияра (жена Вазифа дочь Ахмета): Фархат, Амберт, Салават, Револют, дочь Лена.

Фатхия замужем за Сайфетдином (от него записано одно из преданий о Салавате. — Р. В.). Их дети: Мавлетдин, Ахметдин (в Усть-Катаве), Зудейха (зав. клубом в Шаганай), Кинжабика.

Ямил живет в Юныс-ауле, ее муж Иштимер погиб на фронте. Их дети: сын Жиганур (разъезд Яхино), дочь Гарифа (живет с мужем Шарафутдином в г. Юрюзани, их дети: Толкит, Рифкат, Разифа, Галяу).

Муж Фатихы Юсуп Каримов из Алыкчино, их сын Тимербай (тракторист), дочери Маулиха, Зайтуна (Алыкчино).

Азналину. Указан и брат Алаяра — Кильдияр, его потомки. Особенно обратим внимание на Салаха.

В. Сидоров в своей книге «Был героем Салават» приводит запись из архива С. Злобина от 23 июля 1928 г.: «Видел потомка Салавата... лет около семидесяти. Зовут его Салах». Это был праправнук Салавата, отец упомянутой выше Фатхия. Может быть, правнуков Салаха и учила в шаганайской школе моя теть Манзуна, и они знали от старших свое родство с Салаватом Юлаевым.

Новые сведения все больше убеждали, что упомянутые выше лица — истинные потомки Салавата через его сыновей и внуков. Они позволили уточнить и расширить круг родственников нашего национального героя.

Нет повести печальнее на свете... Вспоминая эти шекспировские строки, перед глазами обязательно встают два враждующих рода, их кровавая судьба. Лишь трагическая гибель двух любящих сердец Ромео и Джульетты через много лет прекращает эту вражду.

Нечто подобное, но со счастливым концом, случилось и с родами Азналыбай и Шаганай. Они оба с молодых лет раз и навсегда определили свою жизненную позицию. Шаганай и Азналыбай оказались «по разные стороны баррикад» в годы национально-освободительной войны 1735—1740 гг.

Азналыбай попал в водоворот этих событий в составе отряда Юсупа Арыкова, окружившего в 1735 г. Верхне-Яицкую крепость и вынудившего гарнизон сдать и покинуть эту крепость. Во всяком случае, в октябре 1736 г. Азналыбай вместе со своим дедом Ака-муллою принесли повинную и обязались вернуть захваченные в крепости ясыри, пушки, ружья и другие трофеи, клялись более не бунтовать, но сдержать свое слово не смогли, бунтовали до самого конца этой войны.

Шаганай стал известен в 1735 г. Когда ему удалось поймать известного бунтовщика, предводителя той войны Тулкусуру Адагулова, и сдать его властям. Шаганай сразу выдвинулся в ряды наиболее авторитетных старшин, преданных правительству.

А друг против друга, оголив оружие, Шаганай и Азналыбай сошлись около деревни Васкыя, после курултая, на котором Карасакала объявили башкирским ханом. Азналы оказался в отряде Карасакала, а Шаганай вместе с другими «верными» старшинами пытался захватить Карасакала и сдать его властям. Позже престарелый уже Шаганай

распродавал земли Шайтан-Кудейского рода, а молодой Юлай, сменивший его на старшинском посту, стал конфликтовать с ним по этому поводу, судиться.

В исторической литературе также хорошо распространены сведения об участии Юлая в 1771—1772 гг. в походе в Польшу и исполнении должности старшины его сыном Салаватом. Документальные источники, фиксирующие этот факт, появились еще в 1961 г. Известный историк Н. Ф. Демидова в журнале «Вопросы архивоведения» опубликовала статью «Печать Салавата Юлаева». Этой печатью Салават, исполняя должность старшины, заверил свое письмо в Оренбургскую губернскую канцелярию. В этом письме он обвинил Рысбая, сына Шагана, в нецензурной брани в адрес императрицы Екатерины II.

По письму Салавата в Шайтан-Кудейскую волость явились капрал и два казака, арестовали Рысбая Шаганаева и увезли в Уфу. Это свидетельствует о том, что отношения между Салаватом и Рысбаем были враждебными. В третьем поколении переплелись в клубке вражды эти два рода.

Надо полагать, за свои поступки Рысбай Шаганаев отделался десятком ударов плетью и вернулся домой. В 1784 г. у него родилась дочь Усиктета. Странное имя, означающее «злая девушка», или на современном сленге «крутая».

Она и впрямь оказалась девушкой с характером. Известно, конечно, где и как она познакомилась с сыном Салавата Рахматуллой, но, презрев родовую вражду, Усиктета вышла замуж за Рахматуллу. Она родила троих детей: Сулеймана (1808), названного тем же именем, что и брат Салавата, Зульхью (1810) и Зунхьяку (1812). Так счастливо закончилась вражда между родами Азналы и Шаганая, длившаяся на протяжении жизни трех поколений.

Рахматулла, женившийся раньше своего старшего брата, оказался крепким хозяином. В возрасте 43—45 лет, он взял вторую жену, от которой у него родились сыновья Хабдрахман (1819) и Сагидулла (1825). К сожалению, вторая жена Рахматуллы не попала в переписи и мы не знаем ее имени. Возможно, она умерла до 1859 г. О зажиточности Рахматуллы свидетельствует и то, что все три его сына имели по две жены.

Что же касается старшего сына Салавата Хабибуллы, можно отметить лишь то, что у него дети появились на два года позже, чем у Рахматуллы: в 1810 г. родился сын Адулсагих, в 1813 г. — дочь Заякери.

Все внуки Салавата имели имена, начинающие на букву «З». Едва ли это случайность. Может быть, это было связано с тем, что их бабушку звали Зудейха? Несомненно, жена Салавата, вырастившая его сыновей, перенесла немалые тяготы того безжалостного времени, была мужественной и стойкой женщиной. И если она довела детей до семейного благополучия, то, конечно, заслужила доброй памяти. Может быть, ее сыновья, называя своих дочерей именами, созвучными с именем матери, не только хотели сохранить память о ней, но и желали, чтобы их дочери имели такие же душевные и волевые качества, какие проявила их мать в годы суровых испытаний.

Обращает на себя внимание и тот факт, что первые дети и у Хабибуллы, и у Рахматуллы появились на свет очень поздно: у Хабибуллы в возрасте 43 лет, а у Рахматуллы — в возрасте 38 лет. Это дети, попавшие в перепись 1816 г. Возможно, у них были дети и не попавшие в перепись, умершие в раннем возрасте. Но все это наводит на мысль о том, что сыновья Салавата Хабибулла и Рахматулла долгое время, почти до 40 лет, не могли завести семьи, были вдали от родины, возможно, в крепостном рабстве. Вспомним, Салават писал на волю о том, что его сыновья находятся в руках карателей.

Велика была Российская империя! Сколько народов отстаивало в ней свое право на жизнь, свободу и веру с оружием в руках. Сколько сыновей осталось без отцов, но с отцовской горячей кровью! Не перечести. Урал расположен на востоке России, на юге — Кавказ, много дней пути между ними, но как схожи судьбы народов и их детей!

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез,
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик,
И слаб, и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал.

Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной,
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью...

Так писал М. Ю. Лермонтов в своей поэме «Мцыри» о мальчике одного из мусульманских народов Северного Кавказа. Генерал оставил умирающего ребенка в христианском монастыре. А знать бы, как распорядился судьбой одного из сыновей Салавата генерал Фрейман? Кому и на какой дороге он оставил или продал пленного ребенка? Это неизвестно.

В 1794 г. за два года до смерти в рижском журнале «Новая всякая всячина» генерал Фрейман опубликовал свои мемуары. Он дважды упомянул в них Салавата Юлаева в связи со сражением около Катав-Ивановского завода. Но сведений о сыне Салавата, захваченного им, в мемуарах нет. Может быть, ребенок тот мог бы также рассказать нам о своей неволе:

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.

Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и, как сон,
Все это смуглой чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? Он, как живой,
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор...

Читая эти лермонтовские строки, я как будто наяву вижу перед глазами Салавата в его одежде боевой, сыновей, стоящих рядом с ним, их прощание с отцом, уходящим в бой. В 1775 г., когда сыновья Салавата потеряли отца навсегда, Хабибулле было 8 лет, а Рахматулле — 5 лет.

Исходя из поздней их женитьбы, похоже, что не менее 30 лет они были на чужбине. За 30 лет дети забывают обычно все: и отца, и мать, и родину. Но сыновья Салавата за эти долгие годы не потерялись. Они, повзрослев, нашли дорогу на родину. Это трудно понять разумом — через 30 лет прийти на родное пепелище, поселиться в деревне кровных врагов отца, деда, прадеда, достойно прожить там всю оставшуюся жизнь. Сколько же мужества, терпения, силы воли и любви к родине надо было иметь, чтобы пройти через все испытания, определенные судьбой: крепостное рабство, принудительное крещение, чужой язык, тоску по родине, по родным и близким. И не потерять при этом надежду, как и тот лермонтовский герой:

Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, —
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!

Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной...

Может быть, и сыновья Салавата дали себе такую клятву, и всю жизнь в неволе оставались ей верны. И родина приняла их. Из стана кровных врагов вышла молодая девушка, протянула руку и отдала свое сердце одному из них. Второй также обрел здесь свою любовь, построил семью, вырастил детей. Мечты, которые казались несбыточными, вдруг стали явью. Вот только отца они не нашли здесь, не было даже его могилы. Только память о нем еще гуляла по окрестным селениям и помнил еще седой Урал песни молодого Салавата.

Он умер 26 сентября 1800 г. в Балтийском порту (Рогервик), прожив большую часть жизни, 25 лет, на каторге. Было ли возвращение сыновей Салавата на родину как-то связано с его смертью? Едва ли. Императрицу Екатерину II сменил на российском престоле ее сын Павел I, а затем, в результате очередного дворцового переворота, пришел к власти царь Александр I. Салават и его сыновья давно уже были забыты в правящих кругах. Странности судьбы и твердый «салаватовский» характер привели их опять на родину, на берега Кускянды. Одно только это может служить доказательством того, что они были истинными сыновьями своего отца, человека нестигаемой воли, великого патриота своей родины.

*Речка Кускянды при впадении ручья Хари Кундуз.
Здесь располагалась д. Текей, в которой родился Салават*

*Там, где раньше была д. Текей (Иске йорт), еще видны следы
Сибирского тракта, а заросли крапивы обозначают места домов*

Обелиск, установленный на месте, где некогда была д. Текей

*Дорога, соединяющая д. Текей с Юлай-аулом.
Может быть, эта старая береза еще помнит Салавата?*

*Здесь когда-то находилась д. Мурат (Мрат),
основанная Муратом, братом Юлая Азмалина*

*Место боя воинов С. Юлаева с карателями И. Михельсона,
где в XVIII в. располагались пристань и паромная переправа*

По традиции, основанной Т. Загидуллиным, ученики средней школы д. Алькино ведут «календарь Салавата», ежегодно выкладывая на горе надпись с обозначением возраста Салавата

Музей Салавата Юлаева в с. Малояз Салаватского района РБ. Основан в 1991 г.

Экспозиция из школьного музея в д. Алькино, основанного Т. Загидуллиным

Бюст Салавата Юлаева. Скульптор Т. П. Нечаева. Бронза, 1952 г.

Восковая фигура «Повстанец на привале».
Экспозиция из музея Салавата Юлаева в с. Малояз
Салаватского района РБ

Седло и сабля Салавата Юлаева.
Экспозиция из музея Салавата Юлаева в с. Малояз
Салаватского района РБ

Восковая фигура «Каратель с пушкой».
Экспозиция из музея Салавата Юлаева в с. Малояз
Салаватского района РБ

В музее Салавата Юлаева

Скала, на которой Салават ловил молодых беркутов

Пещера Салавата

Глава IX

КОГДА ЖЕ РОДИЛСЯ САЛАВАТ?

Относительно даты рождения Салавата Юлаева уже давно идут споры. Первоначально официальной датой его рождения считался 1752 г., и юбилейные торжества, посвященные 200-летию со дня рождения Салавата Юлаева, прошли в 1952 г. Эта дата установлена на основе статейных списков каторжников Рогервика, хранящихся в Государственном архиве Эстонии. Согласно списку, на 19 мая и июль 1797 г. каторжнику Салавату Юлаеву было 45 лет. Но если он родился после июля 1751 г., то, согласно этим спискам, ему также было бы 45 лет. Как бы с виду и не были конкретны исторические документы, и они допускают такие вот различия в толковании. Так что статейные списки каторжников Рогервика устанавливают самую раннюю дату рождения Салавата Юлаева — август 1751 г.

Второй большой юбилей, посвященный 250-летию со дня рождения нашего национального героя, прошел в 2004 г. Эта дата стала официальной после выхода в свет книги И. Гвоздиковой «Салават Юлаев. Исследование документальных источников» [12].

В основу этой даты легли протокол допроса Салавата 25 февраля 1775 г. в Москве, где указывается, по словам Салавата, что ему двадцать первый год, и его описание, составленное Уфимской провинциальной канцелярией 2 октября 1775 г., в котором также сообщается, что Салавату 21 год. Отсюда И. Гвоздикова сделала вывод, что Салават родился в 1754 г., не ранее марта и не позднее октября. При этом она утверждала, что статейные списки неточны.

Но разве можно принимать на веру сказанное подследственным на допросе? Этому верить, без сомнения, может, видимо, только историк. Однако Салават давал свои показания на допросе не для истории. Он жил надеждой, допросы стали продолжением его борьбы. На них он отверг некоторые обвинения, всячески пытался облегчить свою участь. Он был нужен семье и малолетним детям. Из протоколов видно, что на допросах Салават не был сломен, он защищался.

Какой же линии защиты придерживался Салават? Чем мог он облегчить свою судьбу? Очевидные факты отрицать было бесполезно. Живые свидетели, участники тех или иных событий давали показания. Молодость, неопытность — вот чем мог он оправдать свои поступки, свое решение признать в Пугачеве царя.

Поэтому дату своего рождения, точнее свой возраст, Салават на допросе умышленно искажал, показал себя моложе на несколько лет. В этом был прямой смысл, жестокая, жизненно важная необходимость. Только это, единственное, могло принести ему снисхождение, облегчить участь.

Действительно, вчитаемся в строки того самого протокола допроса Салавата от 25 февраля 1775 г., по которому И. Гвоздикова определила дату его рождения 1754 г. Свой возраст Салават показал в начале допроса, заявив, что ему двадцать первый год. Значит, полных лет, надо считать, ему было двадцать.

На допросе Салават рассказал, как он выехал из деревни Юлаево во главе команды, состоящей из восьми-десяти человек с отцовской медалью на груди в сторону Стерлитамакской пристани. Затем, направляясь к Оренбургу, в деревню Биккул на помощь к генералу Кару, они были атакованы войском Пугачева и оказались, по его словам, в плену. Потом он, Салават, якобы «боясь смерти, служить злодею согласился».

Так Салават объяснил свое появление в войске Пугачева. Но еще больше интересны следующие строки протокола допроса: «Однако же, будучи в его толпе, когда она приступала к Оренбургу, не хотя у злодея быть, отделясь от его толпы, добежать к городу не успел и от одного не более уже как в одной версте, бывшими в злодейской толпе яцкиными казаками пойман. Причем те казаки за то, что он хотел из их толпы бежать, кололи его пиками и сделали

ему две раны: в левую щеку под левым ухом да в правую руку; кололи его и в спину, но только, по бывшим на нем кольчугам, большого вреда и ран ему не сделали. И хотели совсем лишить живота...».

Потом, дескать, привели его к Пугачеву, и тот уговорил его служить ему верно, а если служить не будет, «то конечно живота лишен будет». Далее, удовлетворенный беседой, Пугачев назначил его полковником.

Можно ли этому верить? Нет, конечно. Заявление Салавата о намерении перебежать от повстанцев в осажденный Оренбург, получение ран — явный тактический ход, сделанный с целью ввести в заблуждение следователей и смягчить свою участь.

В конце допроса, подводя итог своим поступкам, Салават заявил: «Злодею же Пугачеву столько сильно усердствовал, защищая его злодейскую толпу и с верными войсками имел сражение потому, что он Салават, почитал сего злодея не инаково, как за истинного российского государя, а посему и боясь от него смерти, и паче по молодости своих лет...».

Ссылаясь на неопытность и молодость, было бы глупо не занижить свои года. Паспорта у него не было, он волен был сам указать нужный возраст.

Можно ли верить Салавату в том, что он считал Пугачева императором? Конечно, нет! Даже рядовые башкиры называли его часто Бугач-царь (Пугач-царь). Так почему же мы должны верить его словам о возрасте? Ведь это звенья одной цепи. Можно ли верить, когда явно видно, что молодостью лет он пытается оправдать свои поступки?

Дата рождения Салавата в 1754 г., установленная И. Гвоздиковой по этому протоколу и признанная официально, противоречит не только статейным спискам из Рогервика, но и словам известной песни о Салавате:

— Бригадиром стал Салават
— Двадцати двух лет.

Воинское звание бригадира Пугачев присвоил Салавату в начале июня 1774 г. после боев с Михельсоном, когда его армия, состоящая большей частью из башкирских воинов Салавата, смогла противостоять лучшей воинской части карателей. Согласно песне, в начале июня 1774 г.

ему было двадцать два года, что опровергает дату рождения Салавата, выдвинутую И. Гвоздиковой.

К песне мы еще вернемся. Более серьезные противоречия возникают в связи обнаружением архивных сведений о сыновьях Салавата. Если верить ревизским сказкам, а не верить им нет оснований, и принятому И. Гвоздиковой году рождения Салавата, то получается, что его старший сын Хабибулла родился, когда Салавату было 13 лет, а зачал он его в 12 лет!

Салават исполнял обязанности старшины вместо ушедшего в поход отца в 1771—1772 гг. Значит, по И. Гвоздиковой, ему было в то время 17—18 лет. Не слишком ли ранний возраст для отцовства и исполнения должности старшины? Добавим сюда и наличие у 20-летнего (по И. Гвоздиковой) Салавата трех жен, двух сыновей и «прочих» детей. Каждый из этих упрямых фактов в отдельности можно было бы отнести на счет какой-нибудь случайной ошибки, но вместе они быт в одну точку — в ошибочность определения возраста Салавата, связанную с занижением его возраста по дате рождения в 1754 г.

А если воспользоваться нетрадиционными методами для установления времени рождения Салавата? Гороскопами, например? Обычно, зная дату рождения, по гороскопу судят о чертах характера. Пойдем в обратном порядке — по характеру человека попытаемся определить знак Зодиака, под которым он родился.

Мы многое знаем о его характере. С молодых лет в нем выявился природный дар полководца, предводителя, лидера. Творческая натура также налицо — сочинял стихи и пел свои песни. Очень влюбчив, почитайте, например, его стихотворение «Зулейха». Любвеобилен — три жены в 20—23 года.

Читатель! Предлагаю самому полистать справочник с описаниями знаков Зодиака. Сегодня они есть в каждой семье. Да, ошибиться трудно! Человек с таким характером рождается под знаком Льва, в августе месяце. Считаю, что Салават родился в августе 1751 г., и вот почему: август 1751 г., как дата рождения Салавата, не противоречит, а, наоборот, соответствует строчкам известной песни о нем. Если по песне в начале июня 1774 г. ему было 22 года, то в августе вполне могло исполниться 23. Получаем — 1774—23=1751 — год рождения.

И, наконец, в Мечетлинском районе Республики Башкортостан бытует несколько преданий о матери Салавата [64]. В одном из них указывается, что Юмай женился на матери Салавата в 1750 г. Их первенцу самое время родиться в 1751 г.

Соберем вместе статейные списки, песню, гороскоп и предания. Получается удивительный факт — только август 1751 г., как дата рождения Салавата, соответствует и спискам, и песне, и гороскопу, и преданию. Если взять август 1752, 1753 или 1754 гг. — не складывается с песней, в которой говорится, что ко времени присвоения звания бригадира Салавату исполняется 22 года, точно так же возникает противоречие статейным спискам — в мае и июле 1797 г. ему не исполняется 45 лет.

Итак, если Салават родился в 1751 г., то первый его сын появился на свет, когда Салавату было 16 лет. Могло ли так быть? Женились в то время рано. Мой дед Казыхан, например, женился в 16 лет на бабушке Фатыме, которой в год свадьбы было 15 лет. Были и более ранние браки. Следовательно, появление у Салавата на свет первенца в 16 лет было делом обычным.

В нормальные возрастные рамки в этом случае укладывается и временное исполнение Салаватом должности старшины, вместо ушедшего в поход отца. Получается, по дате рождения Салавата в 1751 г., в пору исполнения старшинства он был 20—21-летним зрелым мужем, которому отец мог доверить печать старшины, а не 17—18-летним юношей на пороге совершеннолетия, как получается при дате рождения, по И. Гвоздиковой, в 1754 г.

Таким образом, дата рождения Салавата в августе 1751 г. увязывает в правильную цепь и статейные списки из Рогервика, и песню о получении Салаватом воинского звания бригадира, и характер по знаку Зодиака, и предание о женитьбе его родителей в 1750 г. Кроме того, становится реальным возраст Салавата при рождении его первенца и при замещении им отца на должности старшины.

Возникает система из множества различных связей, которая обретает реальный контур на единственно правильной дате рождения Салавата в августе 1751 г.

Что же касается позиции И. Гвоздиковой по отношению к дате рождения Салавата в 1754 г., то она понятна. Эта позиция изложена в книге «Салават Юлаев. Исследование документальных источников», стержнем, основой

которой стал упор на документальные источники. Такой, несколько отсталый от времени, подход к освещению исторических событий называют в научных кругах позитивизмом. Ученые, следующие заповедям позитива, признают только тексты документов, без анализа общей исторической картины и условий написания документов. «Тексты и только тексты!» — вот их девиз. К счастью, такой подход в изучении истории уходит уже в прошлое.

Надо отметить, что упомянутый выше протокол допроса Салавата Юлаева опубликован во втором томе сборника документов «Пугачевщина» очень давно, в 1929 г. Однако ранние исследователи жизни и деятельности С. Юлаева: П. Ф. Ищеригов, А. Н. Усманов, В. В. Сидоров не приняли даты рождения Салавата в 1754 г., а считали, что Салават, согласно статейным спискам, родился в 1752 г.

Заметим, что В. Сидоров в 70-х гг. XX в. писал о том, что Салават родился в 1752 г. [7, с. 296]. Однако в последние годы изменил свою точку зрения, теперь он считает датой рождения Салавата 1754 г., а тех, кто придерживается, согласно статейным спискам, иного мнения, он относит к диетантам [6, с. 19].

С этими «статейными списками» и вовсе творятся детективные дела. Уж очень они мешают. Ведущими историками принята дата рождения Салавата Юлаева в 1754 г., противоречащая этим спискам. По этой дате изменены сроки государственных мероприятий по проведению юбилейных торжеств, посвященных нашему национальному герою.

Но правы ли они? Едва ли! «Статейные списки» противоречат их мнению, и они стали производить с этими списками «профилактические» манипуляции. Как очень редкие документы, касающиеся судьбы Салавата Юлаева, эти списки не могли не попасть в историко-культурный энциклопедический атлас «Башкортостан». Действительно, в разделе «Крестьянская война 1773—1775 гг.» (автор — доктор исторических наук Н. М. Кулбахтин) приведен такой список, но из него изъята дата его составления (19 мая 1797 г.). В списке отмечено, что Салавату Юлаеву 45 лет, но на какое число — поди, догадайся! На всех остальных документах этого раздела атласа стоят даты написания, а на «статейном списке», определяющем дату рождения Салавата, — нет.

Но «статейный список» не единственный документ, опровергающий дату рождения Салавата Юлаева, определенную И. Гвоздиковой (1754 г.). Как быть теперь с архивными рейзскими сказками, в которых указан возраст его сыновей, по которому легко определить даты их рождения? Тоже изъять? Или согласиться с тем, что у Салавата в 13 лет уже родился сын, а в 12 он его зачал?

Салават Юлаев — наш национальный герой, и его биография достойна объективного изучения, а не наслоения одной ошибки на другую в угоду удовлетворения чьих-то амбиций. И ссылки на ведущих ученых-историков Р. В. Овчинникова, В. М. Панеяха, считающих 1754 г. единственно правильным годом рождения Салавата, как это делает В. Сидоров, не могут быть приняты. Не авторитеты устанавливают истину, а факты, и уважающий себя историк должен уметь их видеть. К примеру, профессор А. Асфандияров заметил мою публикацию о сыновьях Салавата, вышедшую в журнале «Агидель» в 2000 г. [51]. В 2001 г. вышла книга уважаемого историка, в которой он выразил свое отношение к этому вопросу. Однако В. Сидоров, издав две книги после этого, в 2003 г. и 2004 г., ни словом не обмолвился о выявленных сыновьях Салавата и их возрасте. Это и понятно, данные факты разрушают все доводы, построенные общими усилиями вокруг даты рождения Салавата Юлаева в 1754 г.

Можно, конечно, и далее делать вид, что ничего не произошло, но едва ли это выход из того незавидного положения, в котором оказались наши известные салаватоведы. Надеюсь, что со временем все встанет на свои места.

Глава X

ТОРЖЕСТВО ПОБЕД И ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИЙ

Талант полководца у Салавата Юлаева проявился наиболее ярко в сражениях, которые произошли между Пугачевым и Михельсоном 2—3 июня 1774 г. на реке Ай, около деревни Лагыр. Здесь, впервые за время пугачевщины, повстанцы смогли противостоять лучшей части регулярной армии под командованием Михельсона.

5 июня около деревни Месягут башкиры Салавата заманили Михельсона в засаду. Они переправились через Ай и затаялись в горном ущелье. Когда подошла колонна Михельсона, башкиры, по сообщению подполковника, «выбежав со стороны, всеми своими силами, общие с Пугачевым», атаковали его.

Это были лучшие сражения повстанческой армии, в результате которых Михельсон, понеся большие потери, вынужден был отказаться от преследования Пугачева и вернуться в Уфу за пополнением. Пугачев на допросе в Тайной экспедиции Сената показал, что он «не мог сломить» Михельсона, но и тот «также его не разбил, и они разошлись».

Салават же, отвечая на приглашение своих товарищей прибыть с отрядом к Бирску, где готовилось нападение на Уфу, писал: «А с гусарами было два сражения, при коих многие из них убиты, а малое число бежало. А всем вам слушать повеление посланных туда командиров и стоять против неприятелей крепко и с непоколебимостью сердец своих» [20, с. 256].

Сам же Михельсон 8 июня докладывал Щербатову, прося прощение, что восстание на северо-востоке Башкортостана не подавлено. Пугачев и Салават ушли от него.

А они двигались на север. На допросе в Яицкой секретной комиссии Пугачев заявил, что после июньских боев с Михельсоном он провел в Башкирии около недели и набрал «башкирцев тысяч десять, несколько заводских крестьян и пошел на Красноуфимскую крепость». С ним были и Салават Юлаев, и Канзафар Усаев, и другие повстанцы. Это был победный марш — 10 июня они заняли Красноуфимскую крепость и, переправившись через реку Уфу, под Ачитской крепостью столкнулись с карательной командой подполковника А. Папавы, вышедшей из Кунгура. Повстанцы охватили этот отряд с флангов, открыли сильный огонь, вынудили карателей бежать и преследовали их около шести часов. Уверенность в своих силах была настолько велика, что повстанцы обратились к карателям с предложением сдаться, выдав подполковника и офицеров. При этом моральный дух карателей столь ослабел, что их командиру стоило немалых усилий удержать новобранцев от сдачи в плен, а сам он был уже готов к самоубийству. Но им удалось спастись. Рвения добывать в поле противника у повстанцев не было, впереди их ждали новые крепости и заводы, где можно было поживиться богатыми трофеями.

И вот крепость Оса. Сначала к ней подошли отряды Салавата Юлаева и Белобородова, общей численностью около 12 тысяч человек, двигавшиеся в авангарде армии Пугачева. Четыре дня повстанцы не могли взять крепость. У них не было опыта штурма крепостей, страдала и дисциплина. В результате в Осу смогло войти подкрепление из казанского гарнизона во главе с секунд-майором Ф. Скрипичиным.

Тогда Пугачев приказал подвести сено к стенам крепости. Доставили пятьдесят возов сена. Стояли жаркие летние дни. Защитники крепости поняли, что если повстанцы подожгут сено, то сгорят и крепостные стены, и строения внутри крепости, и они сами. Гарнизон решил сдаться, выставив условие — дать одному из гарнизонных солдат возможность обозреть Пугачева: подлинный ли он государь. Солдат вышел, они с Пугачевым молча осмотрели друг друга, а затем защитник крепости возвратился в город. На другой день, 21 июня, комендант Осы сдался вместе со всей командой.

Пугачев сжег крепость, но людей не казнил, забрал лишь семь пушек, солдат и мужиков, пожелавших у него служить, и ушел из Осы. Здесь пути-дороги самозванца и Салавата разошлись.

Сам Пугачев на следующий день переправился через Каму и двинул на Казань. В составе войска шел и большой сводный отряд башкир во главе с Юламаном Кушаевым. Целью Пугачева была Москва. Вдохновленный победами последнего месяца и притоком новых сил, вызванного этими победами, Пугачев уверовал в возможность взятия Казани и Москвы. Но для этого ему было необходимо отвлечь внимание регулярных армейских частей карателей подавлением восстания башкир, удержать их в Башкирии.

Еще в мае 1774 г. Пугачев издал указ, повелевающий башкирам сжигать заводы, расположенные на их земле. В пример им, сам он сжег Златоустовский и Саткинский заводы. Пугачев понимал, что это должно привести к новой вспышке повстанческой борьбы. Поэтому он и отослал наиболее авторитетных башкирских военачальников для организации национально-освободительной борьбы обратно в Башкирию. Так Салават вернулся на родину. К тому же он был ранен в ногу ружейной пулей.

Рейд Пугачева из Осы в Казань был столь смел, решителен и быстр, что командование царских войск оказалось в растерянности и бездействии. Основная масса российских войск была рассеяна по Башкирии, Оренбуржью и Зауралью, а самозванец, во главе двадцатитысячной армии, победно катил на Казань. Не встречая более никакого сопротивления, взяв с ходу Воткинск, Ижевск, Елабугу, он вышел на Мамадыш. Отсюда было уже рукой подать до Казани, и 11 июля Пугачев уже стоял у ее стен.

Здесь он действовал испытанным способом. В город было послано три манифеста на тюркском языке от имени «царя Петра III», призывавших власти и народ сдать город без сопротивления. Пугачев обещал населению свободу и различные свои льготы. Это произвело деморализующее действие на защитников города.

Казань уже более двухсот лет была внутренним городом России и не имела даже тех крепостных стен, которые были при Иване Грозном. Но, как и тогда, она готовилась отразить штурм «русского царя Петра III», в войске которого был и сводный башкирский отряд.

Главное войско самозванца 12 июля 1774 г. штурмом захватило Казань, за исключением кремля, который местный гарнизон сумел защитить. В сражениях за Казань башкиры выступали на переднем фланге и понесли очень большие потери. Но Пугачев не долго владел Казанью. Буквально вслед за ним в Казань вошел и корпус его давнего судьбоносного противника Михельсона. Лишь только он один со своим корпусом, вовремя сориентировавшись и получив пополнение, сумел прийти на помощь уже взятой самозванцем Казани. Его опыт и ревнительность сделали свое дело — пугачевцы уже 15 июля бежали из Казани к Волге.

Пугачев, собрав остатки своего войска, устремился было на Москву, но быстро понял, что его армия после боев за Казань была уже совсем не та, что до штурма. Военное сословие: башкиры и казаки, — в основной своей массе полегли в этой битве, а оставшиеся в живых ушли на родину. В Москве им делать было нечего. Армия самозванца представляла собой большую толпу, вооруженную чем попало: вилами, косами, топорами, и к тому же плохо управляемую. От окончательного разгрома около Казани Пугачева спасло лишь то, что корпус Михельсона также понес большие потери, да и губернское начальство не рискнуло оставить город без боеспособной защиты. Пугачев ушел от Михельсона в очередной раз. Около Кокшайска, в Чувашии, он изменил свои планы. Идти на Москву он отказался. Здесь Пугачев переправился через Волгу и пошел на юг, в сторону родных донских степей, надеясь поднять на борьбу донских казаков.

Юлай не пошел с Пугачевым и Салаватом к Осе. Как он сам показал на допросе в Уфимской провинциальной канцелярии 5 мая 1775 г., Пугачев имел с ним разговор относительно выполнения его майского указа об уничтожении заводов на Сибирской дороге. Узнав, что все заводы, кроме Симского, целы, дал ему, Юлаю, поручение заняться их уничтожением. Для этого Пугачев назначил его главным атаманом. Уже 19 июня, в те же дни, когда Пугачев с Салаватом штурмовали Осу, Юлай во главе 2000 бойцов «чинил приступ» к Катав-Ивановскому заводу, но не сумел его взять. Внезапного нападения не получилось, а опыта штурма укрепленных позиций у него не было. Пробовал он посылать письма к заводским крестьянам с увещеваниями, но бесполезно. Заводчане еще хорошо

помнили судьбу Симского завода. Они не сдали завод, тогда Юлай сжег Усть-Катавский завод. На допросе он отрицал свое участие в сожжении Юрюзаньского завода, но контора Катав-Ивановского завода в своем рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию отмечала его общее командование над повстанцами.

До времени Юлай не трогал заводские деревни Ерал, Орловку и Карауловку, хотя они и были захвачены повстанцами. Склоняя заводских крестьян к добровольной сдаче Катав-Ивановского завода и надеясь на их поддержку, Юлай старался показать им свои намерения к добрососедству, но и защитники завода понимали, что, как только падет завод, участь их деревень будет решена — Юлай не оставит их на своей земле. Несмотря на то, что контора этого завода еще 16 июня обращалась в Уфимскую провинциальную канцелярию с просьбой защитить их от нападений, завод до глубокой осени был брошен на произвол судьбы.

Такое отношение властей к заводу было вызвано общим всплеском восстания в начале лета 1774 г. Успешные бои Салавата против Михельсона вынудили карателей возвратиться в Уфу. Взятие повстанцами 14 июня Бирска и сожжение его, угроза нападения на Уфу, возникшая в связи с падением Бирска, потребовали стягивания войск к Уфе. Поэтому Пугачев, после взятия Осы 21 июня, отправил раненого Салавата Юлаева вверх по Танышу набирать войска и идти на Уфу, где повстанцы уже бились с карателями команды полковника А. Якубовича близ Чесноковки.

Салават, несмотря на тяжелую пулевую рану в ногу, уже через три дня после штурма Осы направлялся к деревне Кигазы, и был замечен разведчиками Михельсона на Таныше, около деревни Чипчик. Отвлекаясь немного, заметим, что Михельсон при этом стоял со своим отрядом в деревне Тазлар, где жили потомки тех самых «лысых людей» (тазлар), о которых писал Геродот.

Михельсон считал, что Салават направляется в свои жилища, расположенные, по его мнению, на реке Ай. Это говорит о том, что Михельсон путал Ай с Юрюзанью, или обе реки принимал за одну реку Ай, что подтверждает мое предположение о том, что сражение его с Салаватом 2 июня имело место около пристани на Юрюзани, а не на Ае, как Михельсон сообщал главнокомандующему Ф. Щербатову.

Но Салават не ушел «в свои жилища»: родного дома у него уже не было. В начале июля он был отмечен в деревне Субаево близ Бирска, в лагере повстанцев-марийцев. Они попросили его назначить их командиром одного из своих черемисов (мари). Бригадир Салават исполнил их просьбу и назначил командиром, полковником марийца Изибая Акбаева. А 24 июля 1774 г. сотник Кудейской волости Кунакгужа Мустафин докладывал в Уфимскую провинциальную канцелярию, что «в близости деревни Тикеевой под предводительством Салавата Юлаева начали показываться злодейские сборища». Здесь речь шла не о родной деревне Салавата, а о той деревне Тикеево, что располагалась на реке Сим, в 70 верстах от Уфы.

В начале августа отряды Салавата Юлаева, Караная Муратова, Канзафара Усаева и других командиров уже появились в 50 — 60 верстах от Уфы в разных направлениях. Канзафар Усаев, набирая повстанцев в свой отряд, открыто заявлял о своих намерениях поймать башкирского старшину Кыдрыся Муллакаева и взять Уфу.

Но планам этим не суждено было сбыться. Они оказались сорванными наступлением правительственных войск, а командиры повстанцев не смогли обеспечить согласованности действий своих отрядов. Да и главный инициатор наступления на Уфу Канзафар Усаев первым из пугачевских бригадиров оказался в плену у властей. Его поймал и сдал тот самый Кыдряс Муллакаев, с которым Канзафар собирался расправиться, причем пленение Канзафара произошло тогда, когда главный полковник Салават Юлаев и другие полковники: Каип Зиямбетов, Саяусин Кинзин, Токтамыш Ижбулатов уже ехали к Канзафару с многочисленными отрядами с целью организации штурма Уфы.

Арест Канзафара Усаева Кыдрисом Муллакаевым, срыв наступления восставших на Уфу самым отрицательным образом отразился на морально-волевом состоянии повстанцев. Их ряды стали таять, а отошедшие от восстания, так же, как Кыдряс Муллакаев, принеся повинные и стараясь реабилитировать себя, стали выдавать властям своих недавних боевых товарищей. Власти, со своей стороны, всячески поддерживали такие действия. Кыдряс Муллакаев за поимку Канзафара Усаева получил от начальника секретной комиссии генерал-майора П. Потемкина сто рублей и медаль с пожеланиями ареста Караная Муратова и Салавата Юлаева.

Алибай Мурзагулов, тот самый, который в самом начале пугачевщины вместе с Салаватом Юлаевым привел в лагерь самозванца 3000 башкир, собрал отряд и отправился ловить того же Салавата.

Появились отряды добровольных карателей из местного населения, возглавляемые, в основном, башкирской знатью. На севере Башкортостана преследовали повстанцев отряды Кулая Балтачева и Шарыпа Кинкова. Такие отряды были для повстанцев много опаснее частей регулярной армии, так как внешне ничем не отличались от самих повстанцев. Поэтому повстанцы повели с ними непримиримую борьбу.

Кулай Балтачев был известным тарханом и старшиной Кыр-Тынынской волости с 1759—1780 гг. Он жил в деревне Балтачево и нынешний Балтачевский район носит его имя. Еще в 1757 г. Кулай участвовал в Прусском походе, а в 1771—1773 гг. возглавлял трехтысячную башкирскую команду, направленную на борьбу с польскими конфедератами. В составе его отряда тремястами воинов командовал Юлай Азналин. За проявленное усердие Кулай Балтачев был награжден саблей в серебряной оправе, а Юлай Азналин — медалью. Карательный отряд Кулая действовал в междуречье Бири и Таныпа. Как видно из послужного списка, Кулай Балтачев был признанным карателем еще со времен подавления польских конфедератов.

Пугачев в это время во главе большой крестьянской толпы катил на юг, надеясь перебраться на Дон и поднять донских казаков. Ему удалось в Казани оторваться от Михельсона, оставленного на некоторое время в городе для пополнения команды и сохранения спокойствия. В конце июля 1774 г. Пугачев взял Саранск, а в начале августа захватил Пензу. Его «главное войско» сражений не имело и лишь грабило встречавшиеся по пути помещичьи усадьбы.

Самозванец вышел к берегу Волги в районе Саратова. Далее путь его лежал в Царицын. Он еще надеялся взять Царицын и перейти на Дон, усиленный там казаками и вновь пойти на Москву. Но донские казаки не поддержали Пугачева в образе «царя Петра III». Они хорошо его знали, тем более, что его родная Зимовейская станция находилась рядом. Манифесты Пугачева, поднимавшие башкир на Урале и крестьян в Поволжье, не имели такого успеха на Дону. А наиболее боеспособная часть донских казаков — 3500 человек уже воевала в составе карательных частей императрицы.

Неутомимый И. Михельсон, произведенный Екатериной II в полковники за освобождение Казани, догнал Пугачева у Черного Яра в местечке Соленикова ватага, а 24 августа 1774 г. состоялось последнее сражение главного войска пугачевцев с карателями. Михельсон, верный своим правилам, с ходу атаковал Пугачева артиллерийским огнем и рассеял многочисленную, но плохо вооруженную и почти не управляемую толпу. Каратели частью перебили это «войско», частью взяли в плен. Армия Пугачева перестала существовать.

Сам он с двумя сотнями казаков переправился через Волгу, левым берегом поднялся до Камыштина, намереваясь вновь перебраться на Яик, и далее — в буйтовавшую еще Башкирию. Но поражение всегда порождает предателей, которые ищут свое спасение в измене, в облегчении собственной участи ценою сдачи карателям своих боевых товарищей. Так обошлись и с Пугачевым его вчерашние соратники. Стремясь искупить свою вину перед властями, они связали его где-то на берегах Большого или Малого Узеня и 8 сентября 1774 г. привезли в Яицкий городок. Последний башкир, бывший с Пугачевым до конца, Кинзя Арсланов бесследно исчез: то ли его убили заговорщики, то ли он ушел в Киргиз-Кайсацкую Орау.

А Салават в это время был уже на Катав-Ивановском заводе, помогал отцу захватить этот завод. Видя, что попытки башкир взять завод штурмом не удаются, Салават Юлаев отправил в конце августа на завод Мусабая Бикзянова с воззванием, призывающим крестьян и рабочих перейти на сторону повстанцев. Но заводчане захватили Мусабая в заложники, грозя убить его в случае штурма.

Известно письмо Салавата и Юлая управителем Катав-Ивановского завода с предположением жить в мире и обменять Мусабая на двух русских людей. Это письмо датировано 10 сентября 1774 г. [20, с. 256].

Видимо, Салават, набрав в этих краях еще один отряд, отбыл вновь на берега Таныпа. Северный котел восстания, булравший в междуречье Таныпа и Бири, сильно беспокоил уфимские власти. Опасаясь за судьбу Уфы, они добились от командования отправки в этот район команды подполковника И. Рылеева.

Салават встал лагерем на пологом склоне горы у деревни Норкэ (Норкино, Балтачевский район). Он разослал гонцов по окрестным деревням с призывом поддержать

повстанцев. Население встретило отряд Салавата с почестями. Предания рассказывают, что жители резали скот, в тот же вечер устроили повстанцам обильное угощение [8, с. 138]. Руководил всем этим аксакал деревни по имени Муса. Потом они с Салаватом крепко подружились. Население близлежащих деревень помогало продуктами, пополняло войско джигитами. На широком холме, что к востоку от деревни Норкэ, Салават сам принимал джигитов, желавших вступить в ряды повстанцев. Они, принимая присягу, целовали Коран. Старик Муса также отдал двух своих сыновей в войско Салавата.

Гору, на которой принимал пополнение Салават, и сегодня называют Прием-тау, гора Приемная. Места возле этой горы были болотистые. Чтобы провести свои войска по этим местам, Салават приказал возвести насыпную дорогу. След от этой дороги и сейчас ясно обозначается, и называют его Салават ызаны (полоса Салавата). Лагерь Салавата у деревни Норкэ существовал довольно долго. По приходу Салавата в эти края, «верные» старшины Кулай Балтачев и Шарип Кивиков бежали в лагерь правительственных войск И. Рылеева. Повстанцы разграбили и сожгли их дома.

То место, где стояли войска императрицы, было в 15—18 верстах от деревни Норкэ и называлось Торлагыр, что означает «место, где стоял лагерь». Там и поныне сохранились рвы, которыми солдаты окопали свою стоянку, опасаясь нападения повстанцев.

Первый раз воины Салавата атаковали карателей И. Рылеева около деревни Тимке (Тимкино, Тимошкино) 18 сентября 1774 г. Атака была дерзка и стремительна. И. Рылеев явно не ожидал такого разворота событий, остановился и вынужден был защищаться, неся большие потери. Четыре дня он искал основные силы Салавата и 22 сентября выступил, с целью нанести ответный удар по лагерю повстанцев около деревни Норкэ. Но на подходе к лагерю был внезапно атакован отрядом Салавата, численностью, по словам карателей, около 3 000 человек. Но орудийными залпами и ружейной стрельбой каратели смогли отразить атаку повстанцев и перешли в наступление. Войско Салавата понесло тяжелые потери — около 400 человек, вынуждено было рассеяться и, вновь собравшись, отойти к Едыкской крепости. Рылеев докладывал: «...едва сам злодей Салават мог спастись, оставил свою лошадь,

бежал в болото» [52, с. 231]. По сей день у деревни Норкэ находят различные наконечники стрел и другое оружие. В тех местах записано предание о седле Салавата. Как сообщил И. Рылеев, Салават потерял коня около деревни Норкэ. Местные жители поймали этого коня и старик Кисре, внук упомянутого выше аксакала Мусы Кадерметова, долго хранил это седло как память о Салавате. Х. Суфиннов, со слов которого было записано предание [8, с. 148], видел в детстве это седло и по памяти описал его: ложе седла широкое; к луке была пристегнута кисточка, сплетенная из тонких ремешков; стремяна не из железа, а из гнутого дерева, отполированные до блеска. Но дом старика Кисре сгорел, в пожаре сгорело и седло Салавата.

После боев около деревни Норкэ, старшины-каратели Кулай Балтачев, Ильмухамет Сулейманов и старшинский помощник Бахтияр Янышев написали в Уфимскую провинциальную канцелярию письмо, в котором сообщали, что Салават разорил и сжег их дома, угнал скот. Они «униженно и слезно просили, чтоб господин подполковник Иван Карпыч (Рылеев. — Р. В.) с командою своею для приведения в окружности их, башкирцев-худомышленников в хороший порядок находился в нашем жилище».

Предатели боялись за свою судьбу. Повстанцы, рассеянные по округе, могли напасть на них. Видимо, их просьба была удовлетворена. И. Рылеев, отбив у отряда Салавата захваченную в Едыкской крепости казну и соль, дальше за ними не пошел, остался очищать от повстанцев дороги к северу от Уфы.

Салават же с немногочисленными остатками своего войска вернулся к отцу, осаждавшему Катав-Ивановский завод. Почти весь октябрь и три недели ноября 1774 г. провели они у стен этого завода, собирая по округе подкрепление, мобилируя с каждого двора по одному человеку, чтобы, усилившись, взять, наконец, завод. Это тлея уже последний очаг борьбы в Башкортостане, и Салават тщетно пытался его раздуть.

От имени императрицы Екатерины II к Салавату с письмом от 29 октября 1774 г. обратился начальник секретной комиссии, генерал-майор «двора ее величества, действительный камер-юнкер и кавалер» П. Потемкин. Это был вельможа, близкий не только к трону, но и к телу императрицы — один из ее любовников-фаворитов.

Он писал, что Пугачев, обманувший башкир, уже пойман и вскоре вместе со своими сообщниками примет мучительную казнь. Ссылаясь на распространенные манифесты, он призвал Салавата прекратить сопротивление и прийти с повинной, убеждал в милосердии императрицы.

«Покайся, познай вину свою и приди с повинновением. Я, будучи уполномочен всемилостивейшую ея величества поверенностью, уверяю тебя, что получишь тотчас прощение. Но если укоснеешь еще за сим увещеванием, то никакой уже пощады не ожидай», — писал Потемкин.

Получили Салават это письмо? Скорее всего, получил. Во всяком случае, известно, что люди из штаба карателей на Катав-Ивановский завод ходили. Так генерал-майор Ф. Фрейман 7 ноября 1774 г. сообщал командующему генерал-аншефу П. Панину: «Из посланных на Катавский завод два человека из Уфы и двое башкирцев из-за Табынска команды старшины Сайряна Сеитова не возвратились. А за оными еще отправленные 4 башкира прибыли обратно и объявили, что Салаватка и старшина Юлай разъезды около тех заводов продолжают, как реченный старшина Сеитов рапортует».

Похоже, что упомянутые в письме посланцы из Уфы, Табынска и ходили на Катав-Ивановский завод с письмом Потемкина к Салавату, а последняя партия из 4 башкир была там с целью выяснить реакцию Салавата на это письмо. Они сообщали, что Салават не сложил оружия и продолжает осаду Катав-Ивановского завода. Для Фреймана все стало ясно, поэтому он в этом же письме сообщил Панину, что для «истребления сих злодеев» направляется подполковник И. Рылеев с командой, и под их прикрытием к заводу идет обоз с 300 четвертями муки и 200 пудов соли [52, с. 260].

Юлай же, повидавший на своем веку многого, знавший всю силу и мощь Российской империи, принял решение капитулировать и принести повинную. Тем более, что 31 октября к нему приехал его давний сослуживец по Польскому походу 1771—1772 гг. Каскын Самаров, известный пугачевский полковник, и предложил ему явиться с повинной к коллежскому советнику И. Тимашеву.

Будучи гражданским лицом и занимаясь снабжением воинских частей, крепостей и заводов провиантом и фуражом, Иван Тимашев имел в своем ведении и некоторые воинские подразделения, обеспечивавшие, в основном,

охрану обозов и складов. Выполняли они и некоторые карательные операции, но в крупных сражениях с повстанцами И. Тимашев замечен не был. Не отличался он и жестокостью к повстанцам, как например, генерал-майор Ф. Фрейман. Видимо поэтому, именно к Тимашеву пришли такие известные пугачевцы, как генерал Юламан Кушаев, подковник Каскын Самаров и главный полковник, бригадир Каранай Муратов, организовывавший вместе с Салаватом Юлаевым и Канзафаром Усаевым нападение на Уфу.

По отношению к ним И. Тимашев выбрал тактику, применявшуюся еще В. Татищевым в борьбе с повстанцами во время национально-освободительной войны 1735—1740 гг. Вождей пугачевского восстания И. Тимашев не арестовывал и не сажал под караул, а использовал в своей хозяйственной работе, в снаряжении обозов, в закупке провианта и фуража. Одновременно он посылал их с сопровождением к бунтовавшим еще пугачевцам, обещая прощение «вины».

Когда Каскын Самаров приехал к Юлаю в первый раз, то осторожный Юлай не рискнул сразу отправиться к Тимашеву, прикинулся тяжело больным. Он написал лишь «покорный рапорт», в котором постарался показать с хорошей стороны не только себя, но и Салавата, отметив, что он поехал собирать других старшин этой округи для совместной явки к Тимашеву с повинной.

Через неделю И. Тимашев вновь отправил Каскына Самарова к нему, и Юлай вместе с пятью другими старшинами 11 октября 1774 г. явился к Тимашеву с повинной, когда он следовал из Верхояцкой крепости в Челябину. Приведя их к присяге, Тимашев отпустил старшин, приехавших с Юлаем, выдав им билеты. А Юлая он взял с собой в Челябину для «искупления вины».

Юлай, действительно, надеялся заслужить прощение. Пользуясь относительной свободой, он вместе со старшинами Дуванской, Тубеляской, Айлинской и Куваканской волостей вызвался на свои деньги кушить провиант и фураж и на своих же подводах доставить его на Катав-Ивановский завод, который он же осадой довел до голода и падежа скота.

Трудно сказать, какие отношения сложились между Салаватом и Юлаем в это время. Отец принес повинную и всеми силами старался заслужить прощение. Сын продол-

жал воевать, собирал силы для решающего штурма Катав-Ивановского завода, к нему, последнему из крупных военачальников Пугачева, стекались повстанцы со всей Башкирии. Их оставалось уже немного, всего около 2000 человек, но это были самые отчаянные, непримиримые бойцы. Юлай-отец вел обоз с провиантом для осажденного Катав-Ивановского завода, а Салават-сын держал этот завод в осаде.

Не сомневаюсь, что Юлай, как умудренный опытом человек, участвовавший в восстании, идеологом которого был Батырша, и переживший все ужасы последующих репрессий, старался уговорить сына прекратить борьбу, сложить оружие и сдаться на милость победителей. Но не таков был Салават, молодая кровь клокотала в нем. Он не думал о последствиях. Если перейти на язык Л. Гумилева, то Салават стал типичным пассионарием. Энергия, набираемая им из окружающей среды, бушевала и толкала на совершенно необдуманные поступки, риск для собственной жизни отодвигался на второй план. Рисковал Салават в каждом бою, и это стало для него обычным явлением.

Отец и сын не понимали друг друга, как не понимали своих отцов и молодые джигиты более ранних поколений, которые, едва лишь возмужав, поднимались на борьбу за свою землю, свободу и веру. Едва ли Салават пропустил отцовский обоз на осажденный завод.

Завод вот-вот должен был сдаться. Голод делал свое дело, настроение защитников падало. Знали это и повстанцы. Их командиры уже договорились взять завод, сжечь его и разойтись на зиму. А она уже подступила, была ранней и снежной. Заводчане не ждали помощи от властей.

Подполковник Рыдеев со своей командой и с запасами провианта, соли появился около осажденного завода 22 ноября 1774 г. В его команде были отряды мишарских и «верных» башкирских старшин, а также тех старшин, которые стремились заслужить помилование путем поимки Салавата и его товарищей.

Надо, конечно, перечислить и тех, кто принял последний крупный бой той войны, кто до конца вместе с Салаватом остался верен своему народу, своей земле, своей вере. В том конном строю, готовясь к атаке, стояли команды старшин Дуванской волости Аллагужи Бақынова и Миндияра Аркаева, Тюбелянской волости Субхангула Кильдякова, Айлинской волости Тинша Сыныяева, Сарт-

ской волости Умета Уразембетова, Тырнаклинской волости Яуна Чувашева, Кыр-Кудейской волости Яхьи Якшиева, Катайской волости Аккусюка Таирова. Зауральских башкир привели сотник Телевской волости Аблязи Абданов и помощник старшины Кара-Табынской волости Ишмекей Бикбаев. Были и отдельные рядовые: из Кубелякской волости Альмухамет и из Исетской провинции башкир Маметкул Картабызов.

Как обычно, воины Салавата атаковали колонну карателей конной лавой, но те успели развернуться, выставить пушки и встретили повстанцев артиллерийским огнем и ружейной стрельбой. Сотни повстанцев полегли на поле боя в эти несколько минут, остальные бежали, прикрываясь огнем своих пушек. Войско Салавата оказалось разбитым, а сам он с сообщниками бежал в леса, так писал будущий великий русский полководец А. В. Суворов главнокомандующему, генерал-аншефу П. И. Панину в рапорте от 28 ноября 1774 г.

Стоит сказать, хотя бы несколько слов, о последних соратниках Салавата. Яун Чувашев — старшина Тырнаклинской волости. Его отца звали Суашбай, от башкирского «һыу» — вода, питье, «аш» — еда. Это имя никакого отношения к чувашам не имеет. Правильное написание фамилии Яуна — Суашбаев. Согласно шежере тырнаклинского рода, он имел брата по имени Усеш или Эссен (Асан) и сына Хасана. Яун бунтовал и вместе с дедом Салавата Азналыбаем под предводительством Карасакала в 1740 г.

Умет Уразембетов — старшина Сартской волости. В 1774 г. существовала деревня Уразембетово (Уметово), расположенная на левом берегу реки Ай, ниже современной деревни Абдрашитово (Дуванский район). Вместе с Юлаем Азналиным Умет был в Польском походе 1771 — 1772 гг., человек, близкий семье Салавата и Юлая, участвовал с ними во взятии и сожжении Симского завода, ходил с Салаватом на Красноуфимск и Кунгур. После боя на Катав-Ивановском заводе явился с повинной к майору Гагину. Остался старшиной. Ему фактически адресовал Салават свое известное письмо на волю, прося позаботиться о своей семье и оказать ему помощь.

Аллагужа Бақынов — старшина Дуванской волости, жил в деревне Аллагужево (Кигинский район). Сподвижник Салавата по походу на Красноуфимск и Кунгур. Сре-

ди пугачевцев был и его сын Кабыл, принесший повинную вместе с Юлаем Азналиным.

Мишдляр Аркаев — старшина Дуванской волости. Во время восстаний 1735—1740 гг. служил переводчиком, был посредником между повстанцами и карателями. Вместе с Салаватом принял последний бой.

Субхангул Килтяков — старшина Тубеляжской волости, жил в деревне Сюрюкай (Салаватский район), пугачевский полковник, ходил с Салаватом на Красноуфимск и Кунгур. По сведениям С. Таймасова [15, с. 224], 17 февраля 1774 г. казнен в Кунгуре, но в рапорте А. В. Суворова значится участником боя около Катав-Ивановского завода 22 ноября 1774 г.

Не подтверждаются сведения С. Таймасова и о гибели старшины Айлинской волости Таипа Чаныкаева [15, с. 222] в бою с Михельсоном 31 мая 1774 г. Он также отмечен в рапорте А. В. Суворова как участник последнего боя 22 ноября 1774 г.

И, наконец, Яхья Якшеев — старшина Кыр-Кудейской волости. Его деревня Яхья (Яхино) существует и сегодня, а на карте 1755 г. недалеко от нее, на правом берегу Юрюзани, обозначена и деревня его отца — Якшеево. Он, как и Салават с Юлаем, получил в мае 1774 г. указ Пугачева о сожжении заводов, построенных на башкирской земле. Также, по Таймасову, вместе с Юлаем Азналиным 11 ноября 1774 г. явился с повинной к И. Тимашеву, но рапорт Суворова говорит об его участии в бою против подполковника Рылеева 22 ноября 1774 г. Может быть, воевал после принесения повинной? Или кто-то ошибся: либо Таймасов, либо Суворов.

Все повстанцы, как и договаривались заранее, разбегались на мелкие группы и разъехались по домам до весны следующего года. У Салавата уже не было ни дома, ни семьи. Но если бы и были, путь ему домой был заказан. Верные императрице сыновья Шагания тотчас его бы арестовали и сдали властям. Как Салават сам потом сказал на допросе, он намеревался «уйти прямо лесом и горами в киргизцы, и чему и его товарищи согласны были». Не знаю, по какой причине он задержался. Возможно, из-за непогоды или хотел еще раз собрать своих товарищей, попрощаться, договориться о выступлении следующей весной, а может быть просто хотел дать отдохнуть коню перед дальней дорогой. Но буквально через 2 дня после

сражения с командой И. Рылеева около Катав-Ивановского завода, он оказался в глухой деревушке Миндин на пути в свои родные места.

Не безмятежная и счастливая судьба ждала его в Киргиз-Кайсацких степях, а жизнь изгнанника, лишенного всего: и родной земли, и семьи, и поддержки родственников. Велики были шансы попасть в рабство и быть проданным куда-нибудь в Среднюю Азию или еще дальше, в Афганистан. Салават понимал, что, несмотря на его желание вернуться, он, возможно, навсегда покидает родину.

Ему бы надо одеться, открыть дверь и шагнуть в метель, сесть на коня и двинуться в горы, в сторону Белорецка и дальше в Зауралье, в степи. Так бы и сделал прагматичный и практичный человек. Но не Салават! Его чувственное сердце тянуло на родину. Может быть, он хотел спеть прощальную песню на пепелище родного дома или узнать хоть самую малую весточку о семье, о детях. Он стремился туда, в Шайтан-як, рвался навстречу собственной судьбе.

А она для него, после увещеваний самого П. Потемкина и отказа принести повинную, была уже определена. Его уже искали и жаждали поймать: одни — ради того, чтобы продвинуться по службе и получить очередное воинское звание, другие — чтобы его свободой заплатить за спасение от наказания собственной шкуры, третьи — чтобы получить дворянский титул, четвертые... И чем дальше он находился на родной уральской земле, тем уже становился круг его свободы. Он сжимался с каждым часом.

Но как и где Салават потерял свободу? Это важно для истории, ведь и по сей день из статьи в статью, из книги в книгу переписываются небылицы об обстоятельствах и месте ареста Салавата. Это недостойно памяти национального героя. Мы должны достоверно знать, где и как его судьба переломилась надвое: свобода сменилась вечной неволей.

В ноябре 1774 г. подполковник Н. Я. Аршеневский во главе 23-й легкой полевой команды выступил в северо-восточную Башкирию с приказом генерал-майора Фреймана «...для усмирения еще бунтовавших тогда девяти волостей под начальством его, Салавата». Команда Аршеневского направилась к реке Ай, где, по полученным известиям, действовал отряд Салавата Юлаева. К Аршеневскому присоединилась конная рать мишарского старшины Муксина

Абдусаламова. О Муксине Абдусаламове (Резяпове) следует сказать особо. Он принадлежал к дворянской фамилии Резяповых из деревни Тукаево (ныне — Аургазинский район РБ). Однажды присягнув на Коране служению русским царям, этот род всегда оставался верным клятве. Муксин и его брат Зямгур участвовали в подавлении восстания Батырши в 1755—1756 гг. Они, собственно, поймали Батыршу и затировали его в Петербург. Известно, что при этом Муксин Абдусаламов и его сват, мишарский старшина Сулейман Диваев из рода дворян Диваевых той же деревни Тукаево, были приняты императрицей Елизаветой Петровной. Исключительно активную роль сыграли братья Муксин и Зямгур Абдусаламовы и при аресте Салавата.

Муксин привел карателей в мишарскую деревню Шарып (ныне — д. Шарипово Салаватского района РБ). Расположившись в этой деревне, Аршеневский отправил на поиски Салавата команду поручика В. Лесковского, авангард которой составила конница Муксина Абдусаламова.

Картина ареста Салавата восстанавливается историками по двум документальным источникам:

1. Протокол показаний Юлая Азналина и Салавата Юлаева на допросе в Уфимской провинциальной канцелярии 5 мая 1775 г.:

«...Салават: ...А когда отец мой, Юлай, поехал с повинною явиться к господину коллежскому советнику Тимашеву, то и я с товарищами моими, в числе четырех человек, пеший, на лыжах, вслед за ним для того объявления туда ж пошел, но дорогою, близ деревни Каратаулы, в лесу командою господина Аршеневского пойман, но против оной хотя я оружие при себе имел, но никакого сражения не делал».

Казалось бы, все ясно. Салават точно указал место ареста — в лесу близ деревни Каратаулы. Показания Салавата согласуются с преданиями, бытовавшими в этой деревне. Салават, стараясь облегчить свою участь, заявил на следствии, что каратели арестовали его, когда он, следуя примеру отца, ехал принести повинную, особо подчеркнул, что не оказал сопротивления.

К сожалению, первый рапорт Аршеневского своему начальнику генералу Фрейману от 25 ноября 1774 г. об аресте Салавата и протоколы его допросов в Калмак-ауле

уже найдены. Возможно, они потерялись. Следствие уже тянулось полгода. Салават и Юлай, проделав тяжелый подневольный путь, встретившись в Казани, дошли до Москвы, побывали в Оренбурге и вернулись в Уфу на допросование. Уфимская провинциальная канцелярия запросила Фреймана об обстоятельствах захвата Салавата Юлаева, на что Аршеневский и подал Фрейману второй рапорт, сохранившийся в подлиннике.

2. Рапорт подполковника Н. Я. Аршеневского генералу-майору Фрейману об обстоятельствах захвата Салавата Юлаева в длен 25 ноября 1774 г. от 6 мая 1775 г.:

«На рапорт, поданный от Уфимской провинциальной канцелярии к вашему превосходству, в дополнение поданных от меня допросов Салавата Юлаева сам донести имею.

Прошлого 1774-го года ноября 24-го в деревне Мигдишкиной, отряженною от меня сильною партией под командою поручика Лесковского, в лесу Салават Юлаев 25 числа пойман, а каким обстоятельством и наставлением от меня, о том моим рапортом вашему превосходительству допнесено было того ж числа. Куда я через несколько часов со всем деташаментом прибыл и расположился в деревне Калмыковой, так как оное происходило в некотором расстоянии от оной...»

Этот рапорт опубликован в сборнике документов «Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии». Составители сборника в примечаниях пишут:

«Где же именно был арестован Салават Юлаев и четверо его товарищей? Подполковник Н. Я. Аршеневский в рапорте от 6 мая 1775 г. утверждал, что это произошло в лесу возле деревни Мигдишкиной и «в некотором расстоянии» от деревни Калмыковой. Сам Салават Юлаев на допросе 5 мая 1775 г. показал, что арестован он был в лесу близ деревни Каратаулы. Эти три селения, находившиеся не вдалеке друг от друга и вблизи реки Ай, в среднем ее течении, позволяют установить истинное положение того места, где произошло это событие».

Мени, уроженца тех мест, эти строки поразили. Дело в том, что эти деревни есть и сегодня. Действительно, Каратаулы (д. Ст. Каратаулы вошла в село Малояз) и Калмыково (Калмак) находятся не вдалеке друг от друга, на противоположных берегах одной реки, а именно, Юрюзани. Причем здесь Ай? Это явная ошибка. Похоже, что наши историки, вслед за командирами карательных отрядов,

стали путать реки Юрюзаны и Ай. Деревня же Миндиш, или Миндишкино, как называл ее Аршеневский, располагается более чем в 20 километрах от деревень Ст. Каратаулы и Каамак. Авторы сборника попросту свалили в кучу все географические названия, упомянутые в рапортах Аршеневского, и получали, таким образом, район пленения Салавата.

Правильно указать место, где был пленен Салават, мог лишь он сам и его спутники, трое из которых были родом из тех мест. Тем не менее слова Салавата поставлены под сомнение, и деревня Каратаулы лишь включена в общий список из трех деревень. Здесь нужно исправить и еще одну ошибку, вкраившуюся в историческую литературу и относящуюся к этой деревне.

Установлено, что при аресте вместе с Салаватом были есаул Ракай Галеев, его брат писарь Абдрашит Галеев, Юртом Адылев и Зайнаш Сулейманов. Последний был из деревни Кадырово Айлинской волости, Адылев — из деревни Ягафарово Кара-Табынской волости, а братья Галеевы считаются жителями деревни Карапсаул Тырнаклинской волости. Видимо, Галеевы на допросе назвали свою деревню по-башкирски: Каратаул, так и записали в протоколе. А вот прочитали через много лет букву «т» как две буквы «п» и «с» и получилось Карапсаул. В документах того времени написание этих букв выглядит весьма похоже. Братья Галеевы проживали в деревне Каратаул, а их родовая вотчинная земля осталась в Тырнаклинской волости. Таких переселенцев в деревне Каратаул было немало. Название деревни Карапсаул более нигде не встречается. Такой деревни не было в Тырнаклинской волости.

Абдрашит и Ракай Галеевы были с Салаватом с самого начала, от первого похода Салавата на Стерлитамакскую пристань. Они прошли с ним все боевые дороги, сопровождали раненого Салавата домой, вместе с ним были арестованы около деревни Каратаул.

Это моя родная деревня. Из поколения в поколение передавались у нас рассказы о том, как пленили Салавата. Брат моей прабабушки, дед Шаймухамет Аюпов, никогда не читавший рапортов Аршеневского и протоколов допроса Салавата, рассказывал нам, малолеткам, как в начале зимы арестовали Салавата и на санях, связанного, везли через деревню к Юрюзани. Известен в деревне и Ракаев род. Братья Галеевы были, видимо, родственниками Сала-

вата. Не зря в преданиях Ракай упоминается его старшим братом: «агай», что означает еще и дядя. Ракаев род в деревне прекратился лишь во времена Великой Отечественной войны. Как-то незаметно и по разным причинам исчезли из деревни последние представители этого рода. Еще записано предание от Х. Галимуллина из деревни Адыкино Салаватского района [8, с. 144], который также утверждал, что Салават был арестован в каратаулинских лесах.

Рапорт Аршеневского Фрейману от 6 мая 1775 г. и протокол допроса Салавата в Уфе 5 мая 1775 г. почти совпадают по времени, но написаны они спустя полгода после пленения Салавата. Эти полгода не могли не изгладить из памяти подполковника Аршеневского детали ареста, названия деревень, произношение которых было, верно, для него затруднительно.

На основании же рапорта Аршеневского И. Гвоздикова, известный исследователь жизни и деятельности Салавата Юлаева, во всех своих трудах местом ареста нашего национального героя называет деревню Миндиш, не считаясь с показаниями самого Салавата. Далее эта ошибка стала переходить из одного издания в другое, повторяться и другими авторами. Она попала даже, к сожалению, в историко-культурный атлас «Башкортостан» (с. 190) с подачи доктора исторических наук Н. Кулбахина.

Салават же, напротив, знал и до конца дней своих помнил то место, где он потерял свободу, ибо случилось это неподалеку от родных мест, от родной Юрюзаны, у маленькой деревушки Каратаулы, жители которой стали первыми свидетелями его неволи. Здесь он бывал много раз, и нет никаких оснований не верить ему.

Как же все-таки пленили Салавата? Большинство народных преданий последним его убежищем называют пещеру. На территории Салаватского района их несколько, но для зимнего жилья, даже кратковременного, они непригодны. Их связывают с именем Салавата скорее благодаря неприступности и таинственности. У нас и радугу называют мостом Салавата. И еще, пожалуй, потому, что башкиры и прежде во время своих восстаний жен и детей своих в пещерах прятали, а скот загоняли в тесные долины между скалистых гор. Они рассказывали об этом ученому-путешественнику П. С. Палласу в 1770 г., еще до начала Крестьянской войны.

Летом, верно, женам и детям можно было в пещерах укрыться, но не в ноябре и не Салавату. Не таков башкир, тем более сын старшины, уважаемого в тех местах человека. Не будет он прятаться в холодной каменной норе, когда в любой деревне найдется хоть дальняя, но родня. Она обогреет, накормит и язык будет держать за зубами.

Царские войска обычно приходили со стороны заводов. Там на дорогах у Салавата были верные люди, они предупредили бы его. Да и подполковник И. Рылеев сразу после сражения у Катав-Ивановского завода ушел на Ай, видимо, в погоне за другими повстанцами. Но хитрый Муксин Абдусалямов обманул Салавата. Он знал, где примерно спрячется Салават, и поэтому увел Аршеневского в сторону, в мишарскую деревню Шарипово, к людям, близким ему по нации. От них Муксин узнал и новые сведения о Салавате.

Сам Муксин и его брат Зямгур со следующей за ними командой поручика Лесковского нагрянули к вечеру в Миндиш и окружили деревню. Это случилось 24 ноября, как показано в рапорте Н. Аршеневского. События 24 ноября он связал с деревней Миндиш, а далее в этом же рапорте указано «в лесу Салават Юлаев 25 числа пойман...». Другими словами, и Н. Аршеневский местом и временем непосредственно ареста указывает не деревню Миндиш и 24 ноября, а какой-то лес и 25 ноября. Это, по сути, согласуется и с показаниями самого Салавата: «...близ деревни Каратаулы, в лесу...».

Деревню Миндиш каратели окружили 24 ноября, но, воспользовавшись рано наступившей темнотой, Салават и четверо его товарищей ушли из окруженной деревни. Но в какую сторону мог уйти Салават? Деревню Миндиш дугой охватывают заводы и заводские деревни. Симский завод, заводские деревни Орловка, Ерал, Карауловка, Усть-Катавский завод, здесь же Юрюзанский и Катав-Ивановский заводы, расположившиеся на исконно башкирских землях. По правому берегу Юрюзани пришли войска императрицы. Этот путь был опасен для Салавата, следом за Лесковским могла идти основная часть команды Аршеневского. Единственная свободная сторона лежала по левому берегу Юрюзани. Это были родные края Салавата и его товарищей. Туда вели и санные пути, а на дорогах беглецы рассчитывали затерять свои следы.

До деревни Каратаулы они доехали верхом. Там у родственников, братьев Галеевых, Салават и его спутники оставили коней и утром 25 ноября встали на лыжи, пытаясь сбить преследователей со следа, и пошли в ближайший лес.

Здесь и настигли Салавата каратели. Снег был еще неглубок. Их кони с трудом, но шли.

Гонец поскакал в Шарып-аул, и через несколько часов в Калмак приехал Аршеневский. Переправляться через Юрюзань он, видимо, не решился: разлившаяся река опасно бурлила и отдавала свинцовым холодом. Лесковский перевез на другой берег пленников. Так впервые встретились Аршеневский и Салават. В Калмаке состоялся и первый допрос Салавата. Протокол допроса и рапорт о поимке Салавата Аршеневский отправил генералу Фрейману. Фрейман тут же известил генералов А. В. Суворова и А. Д. Скалона о захвате в плен Салавата.

Кончился допрос, уехали каратели, связанного Салавата увезли на санях. У коновязи дома, где проходил допрос, сиротливо стояла лишь одна лошадь. Это был конь Салавата. Он терпеливо ждал хозяина, но тому не суждено уже было вернуться. В наступивших сумерках кто-то из местных жителей увел коня к себе, напоил, накормил его, расседлал, снял уздечку. Так в Калмак-ауле осталось седло Салавата, которое через много лет краевед-патриот Гариф Султанов передал в Башкирский краеведческий музей.

Подполковник Аршеневский и сам обратился к генерал-майору А. Д. Скалону с рапортом от 30 ноября 1774 г.: «...По содержанию пойманного мною бунтовщика из башкир старшина Салаватки важно нужен и отец его, Юлай старшина, которого теперь пребывание в Челябине под видом покорения и взятия билета. Я имею одного, поймав представить главной команде».

Так оказались в неволе и сын, и отец, которых разными дорогами вывели из родного Башкортостана в сторону Москвы, на следствие в Тайную экспедицию Сената. Их пути сошлись в Казани. Какой была эта встреча?

Легко ли видеть в неволе отца? Тяжело понимать, что отец пошел в беду потому, что пошел за тобой.

Легко ли видеть в неволе сына? Мучительно осознавать, что не уберег своего сына, более того, пошел за ним, несмотря на свой богатый жизненный опыт, зная, что многие предки, поднимаясь против власти империи, повидали столько бед?

Что они сказали друг другу? Не знаю. Могут только предположить, что обнялись, поддержали, ободрили друг друга. А как иначе могут поступить люди, близкие по крови, по духу, по вере?

Им еще предстояла дорога в Москву, допросы с пытками и принуждениями дать показания друг против друга. Ни сын, ни отец не сказали ни слова во вред другому.

Впереди была еще обратная дорога из Москвы в Оренбург. И вновь допросы, очные ставки с бывшими соратниками по борьбе, унижения и отчаяние — ведь они были за свободой!

Потом Уфа. Этапный тракт. Тяжкий путь, который приведет к пепелищу родного дома. Но не радостная встреча родных будет там ждать, а унижения на глазах родственников, истязания кнутом. Бить будут и на заводах под одобрительный гул заводчан. Далее вырывание поздравлений, клеймение каленым железом. Выжгут буквы на лице «В», «З», «У», означающие «вор», «злодей» и «убийца». Это будет вечное клеймо бунтовщика, означающее, что его место всегда в тюрьме или на каторге. Некоторым удавалось бежать с каторги. О таких беглецах А. Пушкин в своих стихах писал: «И башкирец безобразный...».

Дальше отец и сын пересекали всю страну, всю Российскую империю, увидели ее величие, мощь и силу. Их довели до берегов Балтийского моря. Они пришли в Балтийский порт Рогервик. Кто их там встретил? Может быть, остался в живых кто-то из тех дошедших туда 116 башкир, 20 лет назад сосланных в Рогервик за участие в восстании 1755—1756 гг. партией в 213 человек, 97 человек из которых погибли в пути из-за жестокого обращения, холода и голода.

За 20 лет мужало каждое последующее поколение башкир, через 20 лет поднималось каждое последующее восстание, через 20 лет в Рогервик приходила очередная партия каторжников, на смену тем, кто ушел в мир иной в тяготах, мучениях и побоях, под окрики конвоиров и звон кандалов.

И отца и сына приговорили к вечной каторге. Это означало, что им предстояло провести в Рогервике всю оставшуюся жизнь. Сын прожил там около 26 лет, отец умер чуть раньше.

Глава XI

ПУГАЧЕВЩИНА В ГРИМАСАХ ИСТОРИИ

Во всяком государстве есть малые народы или, хотя бы, их осколки. Они инородцы и иноверцы в этом государстве, но живут на своей родной земле, имеют свою культуру, язык, религию. Земля этих народов бывает, как правило, богата полезными ископаемыми, а они не хотят ее уступать — это их родина, здесь могилы их отцов и дедов, привычная среда обитания. Поэтому малым народам в империи уготована одна судьба — они подлежат уничтожению. И в первую очередь удар наносится по их духовному богатству. Не были исключением в этом плане ни Российская, ни советская (СССР) империи.

Вытеснялись и исчезали языки, путем насильственной христианизации или атеистической пропаганды притеснялась религия. Высмеивались многовековые обычаи и традиции, представляемые пережитками прошлого.

Среди малых народов: башкир, татар, удмуртов, мари и других — весьма почитаем был жизненный опыт предков — дедов и отцов, история нации, другими словами. Вот поэтому в первую очередь подрубались корни нации, искажалась ее история особенно история, национально-освободительной борьбы. У народа отнимали его прошлое, его национальных героев, извращали смысл национально-освободительной борьбы.

Фальсификация истории — это инструмент геноцида. Как тут не вспомнить слова известного фашиста Геббельса, шефа пропаганды Гитлера: «Отними у народа историю — через поколение он превратится в толпу, а еще через поколение им можно управлять как стадом...»

С искажением истории уходит национальное самосознание, под громкими словами «дружбы народов» и «интернационализма» формируется национальный нигилизм — исчезновение национальных чувств. При этом стирается естественное стремление к самоуправлению, уничтожается чувство хозяина своей земли, убивается желание жить по своим обычаям и вере.

Так случилось и с национально-освободительной войной башкир, слившейся с восстанием яицких казаков под предводительством Е. Пугачева. Сегодня эту войну историки в своих книгах называют Крестьянской войной 1773—1775 гг.

Не избежал этой участи и историко-культурный атлас «Башкортостан» [68], подготовленный в основном силами преподавателей учебных заведений, которые так и не смогли отойти от своих конспектов лекций 30-летней давности.

А какой считали эту войну раньше, до того, как она стала «крестьянской»?

А. С. Пушкин, первый русский исследователь этой войны, назвал свой труд «Историей Пугачева». Говорят, что по требованию царя название было изменено, и его книга вышла в свет в 1834 г. как «История Пугачевского бунта». В конце XIX в. (1880 г.) Ф. Нефедов писал о движении среди башкир перед пугачевским бунтом [69]. Первый советский сборник материалов об этой войне вышел в 1926—1931 гг. под названием «Пугачевщина» [70].

В начале 30-х гг. XX в. И. Сталин, вскоре после убийства С. Кирова, опубликовал свою печально известную статью об обострении классовой борьбы как движущего фактора в развитии общества. После этой статьи и начались массовые репрессии 30-х гг. С тех пор в исторической науке воцарил классовый подход, классовая борьба была выставлена на передний фронт. Историки стали видеть классовую борьбу в каждом народном восстании. Если уж бунт никак не удавалось представить классовой борьбой, то восстание объявлялось реакционным, националистическим, религиозным и т. п. Такая же участь постигла и историю этой войны. Я буду называть ее пугачевщиной. Это хорошее короткое название, отражающее ее суть и не содержащее ничего придуманного.

С 50-х гг. XX в. советские историки начинают активно разрабатывать пугачевщину в рамках классового подхода, представляя ее классовой борьбой крестьянства против

феодалов-помещиков. Историки, служившие коммунистической партии, прекрасно понимали, что любой бунт XVIII в. в крепостной России нетрудно представить борьбой крестьян против феодалов-помещиков.

Переворот в оценке пугачевщины произошел в 1961 г., с началом издания трехтомника В. Мавродина. Этот труд имел двойное название «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева» [71]. Позже вторая часть названия в трудах историков исчезает, и пугачевщина становится Крестьянской войной в России 1773—1775 гг.

В истории, как и в любой другой политизированной науке тех лет, царил единомыслие. Критика исключалась. Абсолютное большинство читателей принимало на веру все то, что писалось в книгах, печаталось в газетах и журналах.

Советское время прошло. В стройных рядах советских историков появились бреши, пробитые инакомыслящими. И от этого история стала вдруг очень интересной. Историческая литература стала популярнее фантастики, потеснила на прилавках даже детективы. Но этот интерес относился больше к истории, созданной инакомыслящими. Основная же масса сегодняшних историков происходит из той, советской идеологии. И книги их пишутся на базе все того же классового подхода. Они лишь убрали из предисловий ссылки на основополагающие идеи марксизма-ленинизма, а суть осталась та же.

Так, наверное, уж сложен человек, что наибольший интерес у него вызывает история его малой родины. Она ближе ему, чем история мировой цивилизации. Вот и меня больше тянет к истории северо-востока Башкортостана, к прошлому народа, жившего на берегах Юрюзани и Ая, а это прошлое неразрывно связано с именем Салавата Юлаева, его борьбой, с пугачевщиной в целом.

Историческим авторитетом в области исследования борьбы нашего национального героя считается И. Гвоздикова. Поэтому ее книга «Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева» не прошла мимо моего внимания [72].

Еще у прилавка книжного магазина, перелистывая книгу, я удивился обилию ссылок автора на другие источники. Буквально чуть ли не каждый абзац сопровождается ссылкой. Понятно, если автор хочет указать источник, откуда взяты те или иные исторические сведения — ссылка

необходима, но если даже обобщающие фразы заимствуются от других авторов, то что собой представляет данная книга — труд И. Гвоздиковой или компиляцию на тему пугачевщины? Вот один из самых основных ее выводов: «Несмотря на значительный вклад яицких казаков, башкир и другого служилого населения в организацию восстания, его фундаментальной социальной силой стало крестьянство. Участие в восстании широких масс крестьянства, его реальные интересы, его место в общен историческом процессе превратили движение в крестьянскую войну, придали ей собственно антикрепостническую, антидворянскую направленность» (72, с. 270). Оказывается, что это и не ее слова, а некоего М. Т. Белявского, опубликованные в «Вестнике МГУ» в 1978 г. Вот так в тиши московских кабинетов окрестывалась эта война, а наши историки более 25 лет угодливо переписывают столичных идеологов.

Уже во введении автор откровенно пишет о той призме, через которую нам предстоит взглянуть на пугачевщину: «Исходя из утвердившихся в современной исторической науке воззрений на классовую борьбу трудового народа против социального и национального угнетения, как на важнейшее явление в развитии общества (сталинский тезис. — Р. В.), в задачи данной работы входило изучение социально-политических мотивов массового стихийного выступления 1773—1775 гг., прямых требований и идейных представлений повстанцев».

Это классический пример штампа в виде «утвердившихся в современной исторической науке воззрений». Рамки очерчены, осталось наполнить содержание «социально-политическими мотивами массового стихийного выступления». Не причины обуславливают следствие, а, исходя из заданных рамок утвердившегося мнения, отыскиваются причины. Мотивы подгоняются под эти рамки.

Точно так же искажается смысл борьбы башкир в этой войне. На передний план выставляется рост имущественного и социального неравенства в башкирском обществе, расслоение его на старшинскую верхушку и рядовых общинников, сопротивление трудовых масс засилью старшины. Пугачевское восстание представляют нам как протест трудовых масс башкирского народа, который якобы был направлен как против феодально-крепостнических порядков в стране, ущемления компетенции самоуправления, религиозного неравенства, так и против всяческих притеснений со стороны феодализирующейся старшин-

ской верхушки, предавшей народные интересы и активно участвовавшей в карательных акциях против повстанцев. И так везде — классовая борьба, гражданская война, феодально-крепостнические порядки.

Наде отдать должное автору за титанический труд по просмотру сотен, а может быть, и тысяч первоисточников. Однако в книге мы не найдем и упоминания о тех, кто высказывал противоположные взгляды на пугачевщину. Так, в 1973 г. в Висбадене вышла работа Доротеи Петерс «Политические и общественные представления в повстанческом движении под руководством Пугачева», где она отмечает, что целью восставших башкир было изгнание всех русских из Башкирии. Салават Юлаев расценивается Петерс как руководитель не антифеодального, а национально-освободительного движения. В одной из глав она доказывает, что многие идеи Пугачева и его соратников были неприемлемы для рабочих горных заводов, а ведь это, в основной массе, приписанные к заводам крестьяне, те самые, кому историки определили быть «фундаментальной социальной силой» восстания.

И. Гвоздиковая не могла не знать о работе Доротеи Петерс. Эта работа упоминается в «Краткой энциклопедии Башкортостан» в разделе «Историография Башкортостана». Тогда почему же уважаемый историк не упоминает о ней? Видимо потому, что нет аргументов ее опровергнуть.

Характер всякого восстания определяют его движущие силы. Кто же восстал? Насколько эта война была крестьянской, по крайней мере, на территории Оренбургской губернии, там, где она началась, куда входила и Башкирия?

В начале 70-х гг. XVIII в. в Оренбургской губернии, по мнению И. Гвоздиковой, наиболее многочисленными слоями были крестьяне — 328,5 тыс. человек и башкиры — 200 тыс. человек (с. 39). Обратим внимание, число крестьян накануне войны превышало численность башкир более чем в 1,5 раза. А сколько же крестьян и сколько башкир восстало с Пугачевым? Конечно, напрямую практически невозможно указать эти цифры. Его войско постоянно менялось — как по численности, так и по национальному и сословному составу. Но есть другие количественные показатели, позволяющие судить о том, насколько многочисленна была представлена та или другая группа населения в войске Пугачева. В приложении

к своей книге И. Гвоздикова приводит именной список повстанческих военачальников (с. 502—508).

Наиболее многочисленна здесь группа башкирских полковников, бригадиров и генералов — 44 человека, включая одного из двух генерал-фельдмаршалов Пугачева. Все остальные военачальники этого ранга: казаки, мишари, татары, калмыки, мари, русские — 39 человек, а русских крестьян среди них всего 4 человека. Причем одного из четырех — П. Кузьмина, рудничного приказчика Воскресенского завода, крестьянином-то назвать нельзя. Он был одним из заводских управителей.

Итак, на 328,5 тыс. крестьян, живших в Оренбургской губернии, пришлось 3 полковника из русских крестьян и ни одного генерала, а на 200 тыс. башкир — 44 полковника и генерала, включая, генерал-фельдмаршала.

Как правило, в армии Пугачева русским крестьянским отрядом командовал русский полковник, башкирами — башкир, мишарским отрядом — мишар, марийским — мариец, а казачьим — казак. Это было связано с необходимостью знания языка бойцов отряда. Многие из восставших знали лишь свой родной язык. Бойцы больше доверяли командиру своей национальности, даже в условиях войны они стремились соблюдать свои обычаи и религиозные обряды.

Конечно, к каждому отряду примыкали и люди иной нации, но это были временные бойцы. Коммунистическая идеология пыталась сделать эти отряды интернациональными, но факты и исторические документы говорят об обратном. Так, отряд Салавата Юлаева после 23 марта 1774 г. состоял из одних башкир [20, с. 254—255], а казачий отряд — из казаков [20, с. 238—240]. Конечно, главным полковникам подчинялось несколько отрядов, иногда различных национальностей. Полковник командовал отрядом свыше 500 человек.

Отсюда можно сделать приблизительный подсчет: 44 башкирских полковника имели под началом больше 22 тыс. башкир, 39 полковников остальных нерусских национальностей вместе — около 19 тыс. бойцов, 3 полковника из русских крестьян — 1,5 тыс. человек. Это, конечно, приблизительный подсчет, но соотношение воинской силы в армии Пугачева он показывает.

Подсчет может быть уточнен. Как заявляет сама Гвоздикова, ее список полковников не претендует на полноту (с. 502). С. Таймасов считает, что в армии Пугачева было

86 башкирских полковников и генералов, что даст около 43 тыс. башкир, участвовавших в этой войне.

История сохранила и другие количественные показатели. Так, на допросе в Яицкой секретной комиссии сам Пугачев показал, что после июньских 1774 г. боев с Михельсоном он провел в Башкирии около недели, где набрал «башкирцов тысяч десять и несколько заводских крестьян, и пошел на Красноуфимскую крепость» [73].

Эти слова Пугачева довольно красноречивы — «башкирцов тысяч десять и несколько заводских крестьян». Благодаря этим нескольким крестьянам, наши историки пытаются нас убедить, что Пугачев де руководил «Крестьянской войной».

Учитывая все это, можно утверждать, что на территории Оренбургской губернии, в Башкирии основной движущей силой восстания было служилое (военное) население и, в первую очередь, башкиры. Сама война никак не получается крестьянской.

И. Гвоздикова, без каких-либо подсчетов, пусть даже приблизительных, дает следующий расклад движущих сил восстания (с. 496): 10—11 тыс. казаков, 5 тыс. мишарей и служилых татар, 2 тыс. калмыков, 50 тыс. башкир и 60—80 тыс. крестьян. Приведенные цифры, как она пишет, «вполне согласуются с утвердившимся в исторической науке определением массового вооруженного выступления под предводительством Е. И. Пугачева как крестьянской войны».

Такие цифры, действительно, согласуются с надуманным «крестьянским» характером этой войны, но противоречат национальному составу военачальников и высказываниям самого Пугачева о национальном составе войска.

Настаивая на том, что с первых месяцев пугачевского восстания «оно было крестьянским, но с большим военным потенциалом, придаваемым ему участием служилого населения», далее она пишет: «Перекинувшись на территорию Симбирской, Казанской, других Поволжских губерний, народное движение затронуло там огромные массы крестьянского населения страны, и крестьяне стали уже основной и активной действующей силой восстания» (с. 496).

Получается, по Гвоздиковой, что 60—80 тыс. человек, или «огромная масса крестьянского населения страны», была с Пугачевым в Поволжье, но книга-то посвящена со-

бытием в Башкортостане, где сословный и национальный состав повстанцев был совсем иным.

С точки зрения движущих сил пугачевщины, этот последний ее этап особенно показателен. После взятия повстанцами Осы 21 июня 1774 г. «большое войско» во главе с Пугачевым переправилось через Каму и двинулось на Казань. Основная масса башкир, в том числе и Салават Юлаев, за Каму не пошла. Остались в Башкирии и многие другие знатные башкиры. За Камой им делать было нечего. Они воевали за свою землю, за свои права.

С Пугачевым на Казань пошел лишь отряд под командованием Юламана Кушаева. Известно, что этот отряд в сражениях под Казанью шел впереди пугачевского войска. После битвы за Казань 12—15 июля почти все башкиры вернулись в Башкирию. С Пугачевым остался лишь Кинзя Арсланов с небольшой группой башкир.

Пугачев после Казани действительно двинул на Москву, как и обещал своим соратникам. Он думал, что это будет победное шествие, многотысячная крестьянская армия возведет его на престол. Но, увы, с уходом башкир и казаков его армия превратилась в толпу плохо вооруженных и совсем не организованных крестьян. Пугачев быстро понял свою ошибку, но было уже поздно. В Башкирию он вернуться не мог. Подтянутые к Казани войска императрицы отсекали Ново-Московскую дорогу и перекрыли путь в Башкирию. Пугачев изменил свое намерение идти на Москву и, переправившись через Волгу у Кокшайска, двинул на Дон, рассчитывая поднять донских казаков.

Это было, по существу, бегством. Он уходил от регулярных войск, избегая сражений. И. Гвоздикова же совсем в иных красках описывает этот поход: «Но тысяча воинов Пугачева, в который раз, стала разрастаться, пополняемая новым притоком сил восстания. Народное движение охватило Казанскую и Нижегородскую губернии, смежные с ними уезды Московской и Воронежской губерний, в начале августа повстанческая армия вступила в пределы Астраханской губернии». Все хорошо, куда уж лучше! Только до железной клетки Пугачеву оставались считанные дни.

Вот на этом этапе, после Казани, после возвращения башкир и казаков на родину, армия Пугачева действительно стала крестьянской. К нему примкнули банды беглых крестьян, разбойничавших на Волге и в Поволжских степях. Это был уже другой народ, другое войско. В Баш-

кирии и в Оренбуржье за Пугачевым шло служилое население, военное сословие, в основном башкиры и казаки. Это были кавалерийские отряды, имеющие военную выучку, дисциплину и оружие, вплоть до пушек, и умеющие воевать. В Поволжье же крестьянская армия Пугачева представляла собой совсем иную картину. За ним шли толпы некогда мирного населения, вооруженного чем попало: топорами, косами, вилами. Эта армия не отличалась дисциплиной, не имела ни опыта боевых действий, ни конницы, ни артиллерии.

Судьба этой крестьянской армии оказалась трагичной. Она просуществовала немногим больше одного месяца. Хотя армия Пугачева в этот короткий период и была действительно крестьянской, но Крестьянской войны не было и здесь. Эта армия не воевала — она бежала на юг, грабя по пути помещичьи усадьбы. Под Царицыном Михельсон догнал Пугачева, и в первом же сражении 25 августа 1774 г. крестьянское войско перестало существовать. Толпы крестьян разбежались. Из них впоследствии вновь сформировались банды, грабившие купцов в Среднем и Нижнем Поволжье.

Уход из Башкирии, опора на крестьян и привели Пугачева к столь быстрой трагической развязке. Его арестовали и сдали властям недавние его соратники. Он был доставлен в Москву под строгим караулом, а башкиры боролись еще почти год — до лета следующего 1775 г. Окончательным разгромом и поимкой Пугачева руководил А. В. Суворов. «Среди Большого Узенья, — вспоминал великий полководец в автобиографии 1790 г., — я тотчас разделал партии, чтоб его ловить, но известился, что его уральцы, усмотря сближения наши, от страху связали...» Как победитель, с радостью взялся он конвоировать Пугачева в Москву. А. В. Суворов писал П. Панину: «Ежели пожелать соизволите Е. Пугачева из Сызрана мне препроводить далее, я охотно то на себя принимаю...»

Цифры упрямы. Они не подвластны мнениям историков, представляющих события в том или ином свете, удобном той или иной власти или идеологии. Если 44 башкирских полковника (а по С. Таймасову — 86) пришлось на 200 тыс. башкирского населения, а 3 крестьянских полковника на 328,5 тыс. крестьян, если в Башкирии война шла почти 2 года, а крестьянское войско в Поволжье просуществовало чуть больше 1 месяца, то как эта война может быть «крестьянской»? Это была национально-осво-

бодительная война башкир, объединившаяся с восстанием казаков. К ней примкнули и другие народы, населявшие Башкирию. У каждого народа были свои причины, побудившие его встать в ряды пугачевцев.

А какой была эта война для башкир? Действительно ли борьбой рядовых вотчинников против засилия «феодализирующейся старшинской верхушки»? Было ли башкирское общество расслоенным на бедных общинников и богатых старшин. О чем говорят цифры?

Шла середина XVIII в. С временным прекращением внешних войн императрица Екатерина II обратила свои заботы на экономику государства. Это дало повод ее приближенным устроить в России Вольное экономическое общество. Организаторы этого общества начали с того, что разослали по всем губерниям России запросы о состоянии экономики и просили людей просвещенных, проживающих там, ответить на них. От Оренбургской губернии, в которую входила Башкирия, прислал свои «ответы» П. И. Рычков [74].

Он писал о башкирах: «Главная их экономия состоит в содержании конских заводов и бортевых пчел, и в том они весьма прилежны и искусны». Среди башкир много семейств имели по пятьсот, а некоторые — по тысяче бортей. Один человек справлялся с двумястами бортей. Большая часть башкир не нанимали себе работников, трудились всей семьей, не исключая глубоких старцев.

Оренбургская губернская канцелярия сообщала в центр: «Из продуктов их собственных за самой лучшей и для государства потребнейшей, можно было б почесть их, башкирских лошадей, которых они по великому пространству и привольству земель своих и угодий, содержат по немалому числу, так что у многих башкирцов (многих! — Р. В.) в конных их заводах содержится кобыл по тысяче и больше...» Если сюда добавить приплод молодняка, то получим 2000—3000 голов. В известной «Топографии Оренбургской губернии» [76] П. И. Рычков указывает и цену башкирской лошади от 30 до 50 руб. и выше (с. 148).

По данным Георги, рядовой общинник имел 30—50 лошадей, зажиточный — 500; богатые башкиры имели более 2000 лошадей и крупного рогатого скота — в половину против лошадей [75].

П. Рычков также называет среднюю цифру в 300—400 кобыл, а с учетом молодняка получается 600—800 голов [76].

Возьмем для расчетов среднюю цифру — 500 голов у уважаемого башкира. В денежном выражении 500×40 руб. = 20 000 руб. — состояние среднего башкира, создаваемое лишь конским поголовьем.

А как же «феодализирующаяся старшинская верхушка», нещадно-эксплуатирующая рядовых башкир-вотчинников? Каким состоянием она владела? Возьмем, к примеру, Юлая Азналина, отца Салавата Юлаева.

Будучи уже арестованным, на допросе в Тайной экспедиции Сената 25 февраля 1775 г. Юлай рассказал, что, когда он был в Челябинске с повинной, отряд подполковника Аршеневского ограбил его имение, «причем весь скот его лошадей с 50, также коров и мелкого скота немалое число взято». Желю его били, и она выдала 600 руб. серебряной монетой, старинных серебряных монет на 15 руб., медных 15 руб., Злисицы — одна в 30 руб., а две по 3 руб.

Если сравнить состояние Юлая по лошадям и деньгам с делением башкир, по данным Георги, на рядовых общинников, зажиточных и богатых, то получается, что Юлай — один из авторитетнейших башкирских старшин, управлявший накануне пугачевского восстания двумя волостями, был немногим богаче рядового башкира-вотчинника.

Конечно, в каждой волости было несколько бедных семей. Старшина, как глава рода, по закону родства, очень почитаемым башкирами, обязан был поддерживать их. Естественно, большей частью давал в долг. Причем, он не требовал возврата деньгами, а договаривался с должником об отработке долга, так как у берущего в долг денег не предвиделось. Иногда старшина давал бедным родственникам скотину в пользование, что называлось «хауын».

Но основная масса башкир в мирное время жила зажиточно. Сегодняшним башкирам, живущим в сельской местности, и в сказочном сне не приснятся те 30—50 голов лошадей, 10—15 коров, много овец и «великое пространство с привольем земель и угодий».

Однако вернемся к старшинам-эксплуататорам. Характерным примером таковых называют известного башкирского тархана, старшину Кыдряса Муллакаева, человека весьма образованного, собиравшего древние рукописи, знавшего историю башкирского народа. И народ им был недоволен и требовал убрать его с должности, и наемных работников он держал, и дети наймитов его скот пасли — феодал, эксплуататор, одним словом. Вот только почему он оказался полковником в войске Пугачева наряду с Кни-

зей Арслановым? Случайно ли? Кто же возглавлял отряды башкир в войске Пугачева? Каков он — социальный облик пугачевского военачальника башкирской национальности?

Из 44 полковников и генералов 26 человек были из, так называемой, «феодализирующей старшинской верхушки»: тарханы, старшины, их дети, сотники, муллы — около 60 %. Повторюсь, И. Гвоздикова отметила, что ее список военачальников Пугачева не может претендовать на полноту. Изучением их занимался С. Таймасов [15]. Он пишет: «Из 192 башкирских старшин 170 боролись против царского режима». Его список башкирских военачальников Пугачева включает 86 полковников и генералов. Из них «феодализирующая старшинская верхушка» составляет 70 человек, или 81% от общего числа. Против кого же они воевали? Против самих себя? Именно в этом нас пытается убедить И. Гвоздикова.

В башкирских родах управлял обычно самый авторитетный, знатный, состоятельный человек. Только под началом таких людей башкиры шли на исполнение своих воинских обязанностей, ему доверяли сбор ясака, общение с администрацией края. Он же был для них практически единственным судьей. История показывает, что во всех башкирских восстаниях, начиная со времен Ивана Грозного и до Пугачева, какими бы эти восстания историками не показывались, башкирские отряды возглавляли тарханы, батыры, муллы, ахуны, старшины, сотники. Это, если хотите, менталитет, характерная черта башкирского народа. Так было и во время пугачевского восстания, как бы историки не пытались поставить рядовых башкир и знать по разные стороны баррикад классово-борьбы. И у рядовых вотчинников, и у старшин были единые цели и задачи национально-освободительной борьбы.

Конечно, не одни только башкиры испытывали на себе тяготы колониального гнета. Царское самодержавие укрепляло свои позиции по всей юго-восточной границе. А на этой границе, кроме башкир, несли свою службу и яицкие казаки. Их предки, некогда бежавшие с Руси старообрядцы, осели на берегах Яика большой колонией, жили по своим обычаям и вере. Со временем на Яик потянулись беглые крепостные крестьяне, разорвавшиеся купцы, беглые рабочие с уральских заводов, обнищавшие и «потерявшиеся» башкиры, татары, калмаки. Яицкие казаки приводили из своих походов пленных, которые прижи-

вались между ними. Среди яицких казаков встречались персы, арабы, дети башкир, казненных за участие в национально-освободительной войне 1735—1740 гг.

В течение нескольких веков сложился их своеобразный жизненный уклад, в основе которого лежала вольность, самоуправление и свобода вероисповедания. Казаки, как и башкиры, не подлежали закрепощению. Они владели землями по берегам Яика, но главной их вотчиной была сама река, от которой они кормились рыболовством. От продажи рыбы и икры они имели хорошие деньги. Пахотных земель у яицких казаков было мало, поэтому они не делили ее на отдельные вотчины.

Яицкое казачье войско управлялось кругом — съездом казаков, на котором они избирали войскового атамана, полковников и старшин. На службу они не призывали рекрутов, а нанимали тех, кто хотел служить за деньги. Другими словами, те, кто не хотел служить, платили деньги тем казакам, которые шли на службу.

К 70-м гг. XVIII в. Яицкое казачье войско состояло из 7 полков по 500 человек рядовых при 8 начальниках. Царская Военная коллегия, реформируя армию, стала вводить в Яицкое войско «регулярство» — порядки регулярной армии. Но казаки, в большинстве своем, не приняли этих порядков, не повиновались, воспротивились и защищали жалованье от прежних государей привилегии и обряды, из-за чего и произошел между ними раскол. Яицкие казаки не подчинились указу Военной коллегии от 15 декабря 1765 г., разрешавшему войсковому атаману определять полковников и старшин без избрания их на кругу. Собравшись на войсковой круг, яицкие казаки заявили, что будут выбирать как атамана, так и полковников, старшин из тех, кого пожелают. Они потребовали выплаты жалованья, которые не получали пять лет: с 1766 по 1771 гг.

Естественно, такие действия яицких казаков не остались без внимания царских властей. На казаков двинулись карательные отряды, и 13 января 1772 г. каратели открыли огонь по казачьему шествию. Было убито около 100 человек. Тогда и завязалось первое сражение, принесшее казкам победу. Более пяти месяцев они удерживали власть в своей округе, переизбрали старшин, объявили свободу крепостным крестьянам, некоторых тут же приняли в казаки. Горячие головы призывали двинуться на Москву, поднимая по пути крестьян и казаков. В Яицкий городок свозились запасы продовольствия, пушки и боеприпасы.

Понимая, что яицкие казаки представляют собой немалую, хорошо организованную и вооруженную силу, губернатор Рейнсдорп отложил выступление карательных войск до мая 1772 г., когда казаки отправятся на рыбную ловлю — свой главный кормящий промысел. На подавление восстания казаков подошли и воинские части из Москвы под командованием генерал-майора Ф. Фреймана.

В конце мая Фрейман выступил из крепости Рассыпной. Под его началом было около 8,5 тыс. солдат регулярной армии, более 1 тыс. оренбургских казаков и каалмыков с артиллерией, насчитывающей 20 пушек.

Навстречу Фрейману вышел казачий отряд в 3 тыс. человек. В 60 верстах от Яицкого городка состоялось сражение. Фрейману удалось одержать победу, и казаки бежали в свою столицу, а там решили уходить дальше — к Гурьеву и Астрахани. Но быстро собраться и уехать смогли немногие казаки. 6 июня 1772 г. каратели вошли в Яицкий городок. Восстание было подавлено.

Власти нанесли главный удар по казачьей вольности. Екатерина II своим письмом в адрес губернатора запретила казачий круг и выборность, покончила с войсковой канцелярией и наймом рекрутов. Во главе казачьего войска был поставлен комендант И. Симонов.

В Оренбург вскоре прибыла правительственная следственная комиссия, в результате работы которой был составлен проект приговора Военной коллегии, утвержденный затем императрицей Екатериной II.

Главные возмутители — 16 человек — были приговорены к наказанию кнутом и ссылке на Нерчинские заводы, 38 — также к наказанию кнутом и ссылке на поселение, 6 — отправлены на фронты русско-турецкой войны, 25 — переведены в солдаты регулярной армии.

Так закончились покушение российских правителей на вольность яицкого казачества и попытка казаков отстоять свой многовековой образ жизни. Но это было лишь прологом.

Исполнение приговора и публичная порка кнутом казаков были произведены в Яицком городке 10 июня 1773 г. Скрипели зубы, слышался стон, но их перекрывали хриплые проклятия и обещания вернуться и поквитаться. Императрице Екатерине II, ее чиновникам и генералам не удалось сломить яицких казаков. Это был крепкий духом, твердый в своей старой вере народ, который не уступил императрице даже такой малой детали своей культуры,

как право служилых мужчин носить бороду. Они были готовы на любые жертвы ради исполнения своих традиционных обычаев и обрядов.

Сила духа этих людей, казалось, разнеслась над великими российскими просторами. Сюда, на Яик, стали стекаться беглые каторжники, замученные тяжелым трудом рабочие уральских заводов, забитые помещиками крепостные крестьяне, волжские бурлаки и покинувшие родину башкиры, бежавшие от казней за прошлые восстания. Разнесился слух, что император Петр III жив, что он здесь, на Урале, кто-то видел его, вот он явится и покажет этой подлой немке, Екатерине, кузькину мать.

И он пришел в образе Емельяна Пугачева, такого же раскольника-старовера, всего через три месяца после публичной порки казаков, явился к Яицкому городку. Он направил 17 сентября 1773 г. в столицу яицких казаков свой манифест, в котором писал: «...Я государь Петр Федорович, во всех винах прощаю и жалуюю я вас: рязкою с вершиной до устья и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом».

Что еще нужно было яицким казакам? Здесь и прощение вины за восстание, и их родная кормилица-река — от вершины до устья, и земли, и сенокосы, и жалованье, которое императрица Екатерина II так и не заплатила им за 5-летнюю службу, и свинец, и порох, и хлеб, которого им всегда не хватало.

И вновь вспыхнуло яицкое казачество. Через 2—3 недели Пугачев уже во главе трехтысячного войска атаковал губернский центр Оренбург.

Губернатор Рейнсдорп имел немалые вооруженные силы в городе, но навстречу самозванцу их не выставил, не стал рисковать, предпочитая отразить Пугачева инородческими командами. По деревням башкир и мишар поскакала посланцы с указами Рейнсдорпа о срочной высылке команд на подавление самозванца.

Такой указ получил и Юлай Азналин, а его сын Салават Юлаев возглавил один из отрядов в 90 человек, вышедший из Шайтан-Кудейской волости.

Итак, зачинателями, так называемой, Крестьянской войны 1773—1775 гг. выступили яицкие казаки. Вот это военное сословие и было главной движущей силой пугачевщины на первоначальном этапе восстания. Участие крестьян лишь предполагалось в заявлениях Пугачева накануне восстания. «...Он с войском следовать будет в Русь

которая де вся к нему пристанет», — писал в своих показаниях М. А. Кожевников 11 сентября 1773 г. в Яицкой канцелярии. Однако до Руси еще было далеко и до крестьян тоже.

Оренбургский губернатор Рейнсдорп называл Пугачева раскольников, иными словами — старовером. Так ли это было? Во всяком случае, он внешне очень походил на старовера, имел окладистую бороду, был стрижен под горшок. Всем своим обликом он старался походить на яицких казаков, потомственных староверов. Пугачев без жалости казнил священнослужителей православной церкви, старых врагов староверов. Но, объявившись вскоре после начала восстания царем Петром III, Пугачев противопоставил себя староверам, ибо царская власть, вместе с попами, была им глубоко ненавистна. Поэтому яицкие казаки, в основной своей массе, после первых же поражений Пугачева покинули его и вернулись в свои дома. Когда самозванец бежал в Башкирию, с ним были лишь 500 человек, отнюдь не казачьего происхождения.

Вскоре после начала восстания Пугачев своим указом № 6 от 01.10.1773 г. обратился к «башкирским своим областям, старшинам и деревенским старикам» с приветствием. Отметим, Пугачев башкир знал и в первую очередь обратился с приветствием к старшинам. «Точно верьте, — говорил он, — в начале бог, а потом на земле я сам, властительный ваш государь». Пугачев требовал одного — признать в нем царя. Со своей стороны, он обещал башкирам: «...Отныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и морями, хлебом, верою и законом вашим, посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованьем, свинцом, порохом и провиантом — словом, всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу. И бутте подобны степным зверям».

И вновь на изломе истории башкирам, как и яицким казакам, обещан утерянный уже национальный суверенитет: и самоуправление, и земли, и реки, и свободная вера, и свои законы, и огнестрельное оружие, и воля. Вот здесь переплелись интересы казачества и башкир. Вот почему башкиры присоединились к восставшим казакам.

Отметим, что в истории башкирских восстаний это случилось не в первый раз. Аударовское восстание башкир в 1708 г. совпало с восстанием донских казаков К. Булавина. Булавины неоднократно пытались прорваться на

соединение к восставшим башкирам, видя в них реальную силу, но им это не удалось.

Однако вернемся к Пугачеву. Ему не нужны были ни бедные крестьяне, ни классовая борьба. В этом смысле показателем его Манифест, объявленный во всенародное известие от декабря 1773 г.: «Кто не повинуется и противится: бояр, генерал, майор, капитан и иные — голову рубить, имение взять. Если есть имущество, привезите царю: обоз, лошади и разное оружие доставьте царю, другие пожитки раздайте армейским людям. В одно время они вас обьедали, лишали моих рабов воли и свободы, сейчас вы их рубите, но если не подчиняются. Кто повинуется, тот не противник, того не трогайте».

Так Пугачев разделил население: не на бедных и богатых, угнетенных и угнетателей, как пишут наши историки, а на тех, кто признал в нем царя и тех, кто не признал.

В начале восстания, 5 октября 1773 г., когда Пугачев подошел к Оренбургу, его отряд состоял из 2500 бойцов: казаков, солдат, башкир, татар при 20 пушках. В конце года в Бердском лагере было 25 тыс. повстанцев, из них башкир — 10 тыс. конников [68, с. 297]. Никаких крестьян там не было и никакой классовой борьбы — повстанцы осадили Оренбург, город, против строительства которого башкиры воевали 6 лет — с 1735 по 1740 г., потеряв половину нации; город, который был олицетворением царской власти, столь ненавистной яицким казакам, жаждущим также своего суверенитета.

В апреле 1774 г. Пугачев, после крупных поражений под Оренбургом, пошел в горно-лесную зону Башкирии. В первых числах апреля он имел отряд всего из 500 человек, а к середине мая располагал уже 10—12-тысячным войском, наполовину (6 тыс.) состоящим из башкир. Однако 21 мая Пугачев потерпел поражение от Деколонта, а 23 мая под д. Ягушино — от Михельсона. Он потерял весь обоз, почти всю повстанческую армию.

С конца мая 1774 г. Пугачев, по сути, становится во главе национально-освободительной войны башкир: 31 мая он занимает Златоустовский завод, а через два дня — Саткинский. Жителей завода он изгнал, строения сжег. Стремясь в очередной раз пополнить свою армию башкирами, Пугачев пошел на Ай, на соединение с Салаватом Юлаевым.

Они встретились 2 июня около деревни Лагыр, где располагался лагерь Салавата. По признанию Пугачева, Сала-

ват привел башкирскую конницу в 3 тыс. всадников. На следующий день в бою против Михельсона было уже 3,5 тыс. человек. По сути, в этом бою, длившемся три дня, Пугачев командовал башкирским войском. Лишь незначительная часть его отряда состояла из близких к Пугачеву казаков и бойцов других национальностей. Отметим, что 5 июня Пугачев, удовлетворенный исходом боев, присвоил Салават Юлаеву чин бригадира. Впервые царские войска, во главе с лучшим командиром Михельсоном, не смогли его одолеть. Башкиры Салавата успешно противостояли отлично вооруженным, хорошо подготовленным регулярным частям.

Конечно, Пугачев понимал, за что воюют башкиры. Поэтому, уходя из Башкирии, он, желая еще больше раздуть пламя национально-освободительной борьбы башкир, издал 2 мая 1774 г. указ, повелевающий башкирам сжечь заводы, построенные на их землях и выслать русских в Кунгурский уезд. Какая уж тут классовая борьба?

Другой «острый угол» в жизни Башкирии — религиозные противоречия в книге И. Гвоздиковой и вовсе уведен в сторону. В разделе, посвященному религиозному движению, не нашлось места описанию притеснений мусульман со стороны царской администрации. В России, особенно в Башкирии, мусульманская религия преследовалась законодательно. Указом от 16 мая 1681 г. официально провозглашалась насильственная христианизация, что явилось одной из причин Сентовского восстания башкир (1681—1684 гг.). С начала XVIII в. власти, столкнувшись с вооруженным отпором, стали проводить христианизацию более осторожно и изощренно. Принявшим крещение давались различные льготы, они освобождались от податей, не призывались в рекруты, им выделялись деньги.

Одновременно ломались мечети, не допускалось строительство новых медресе и мечетей (Сенатские указы от 22 февраля 1744 г. и 22 июня 1744 г.). Не допускалось строительство мечетей там, где поселялись русские или иные крещенные иноверцы. Ограничивалось число духовных лиц. Так, на всю Башкирию было оставлено 4 ахуна, по одному на каждую дорогу.

К сожалению, эти острые противоречия обойдены И. Гвоздиковой. Из религиозных противоречий указывается старообрядчество среди казаков, заводского населения и попытка муллы Мурата Ишапова создать новую общечеловеческую религию на основе ислама. Этим автор

уводит читателя от реальных религиозных противоречий, обусловивших национально-освободительную борьбу башкир, выставляет на первый план не главное, а второстепенное, не затрагивающее межнациональные и межконфессиональные противостояния. Исследовать, выявлять, изучать эти противоречия вовсе не означает обострять их, наоборот, это может помочь избежать их в будущем.

Конечно, действия историков по «окрестничанию» восстания под предводительством Пугачева вовсе не случайны. Новые веяния настоящего времени позволили раздвинуть бывшие идеологические шоры. Появились труды башкирских историков и писателей, в которых эта война обрела, наконец, свое истинное, национально-освободительное лицо. Я имею в виду книги С. Таймасова, М. Идельбаева, А. Багуманова, Я. Хамматова. Выше я упоминал о сочинениях Д. Петерс.

Но, видимо, историкам старшего поколения трудно освободиться от былых идеологических установок, касающихся классовой борьбы и ведущей роли «старшего брата», русского народа во всех прогрессивных свершениях на территории России. Это поколение историков еще диктует свое мнение, и национально-освободительная война башкир 1773—1774 гг., слившаяся с восстанием казаков под предводительством Е. Пугачева, все еще называется Крестьянской войной.

Как видим, суть ведь не только в названии, а в попытках любыми способами доказать крестьянский характер этой войны. И это не простой анахронизм, это сознательное искажение священной для башкир национально-освободительной борьбы, в которой сложили головы десятки тысяч лучших сынов башкирского народа. Пора понять, что такое искажение — это глумление над их памятью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы, дети послевоенного поколения, родившиеся на берегах Юрюзани в середине XX в., ощутили еще влияние народной памяти, связывавшей нас с башкирским национальным героем Салаватом Юлаевым и путачевщины в целом. Но эта была уже очень тонкая нить, грозившая вот-вот оборваться.

За прошедшие полвека историческая наука выявила достаточно много новых документов. Вышли в свет легенды и предания, записанные на родине героя, эпические произведения устного народного творчества, касающиеся жизни и деятельности Салавата Юлаева. Но история и народная память существовали как бы отдельно друг от друга.

Историческая наука в этот период развивалась под строгим контролем коммунистической идеологии, была, по сути дела, политикой, обращенной в прошлое. Она формировала представления о прошлом башкирского народа и его национальном герое, угодные коммунистам.

А их национальная политика была не чем иным, как продолжением колониальной политики царской России, направленной на уничтожение малых народов. Великий и могучий Советский Союз оставался такой же колониальной империей, как и царская Россия.

Разница была лишь в том, что в царской России уничтожение башкирского и других малых народов декларировалось открыто, а в СССР это делалось под прикрытием «фигового листка» — интернационализма и дружбы народов. Историческая наука верно служила этой цели.

Так, в послевоенное время была создана кочевническая концепция происхождения башкирского народа, лишившая башкир исторической родины и превратившая их в

очередных пришельцев на Урал и его предгорья. Критика этой концепции дана в моей книге «Под крыло двуглавого орла» [74].

Уникальность истории башкирского народа заключается в 200-летней национально-освободительной борьбе. Но эта борьба, не имеющая аналогов в мировой истории, стараниями наших историков все еще представляется классовой борьбой, войной бедных против богатых. А предводители Народных восстаний предстают в трудах наших историков и писателей в прообразе большевиков-ленинцев, а не в виде национальных героев, какими запомнил их народ.

Не стал исключением и Салават Юлаев. Волею судьбы я родился его земляком, с детства впитал народные предания о нем, а позже познакомился и с эпическими произведениями устного народного творчества. Эта книга родилась на основе сопоставления исторических документов с преданиями и эпосами, бытовавшими в народе.

Я понимал, что беру на себя большую ответственность, публикуя книгу о Салавате Юлаеве, о нашем национальном герое. Поэтому старался предварительно знакомить читателей со своими историческими находками в отдельных статьях на башкирском и русском языках [19, 78 — 82]. Нужен был критический взгляд на мои творения. И я его получил со стороны известного историка, профессора А. З. Асфандиярова, за что еще раз выражаю ему свою благодарность.

Хотелось бы, чтобы эта книга дошла до нашей молодежи, дошла до молодых людей нашего времени и патриотизм Салавата Юлаева, и его любовь к своей земле, и те жертвы, на которые он пошел, ради защиты своей отчужденной земли.

Стремление Салавата Юлаева быть хозяином на своей земле, преданность своей вере, национальным обычаям и традициям также могут стать хорошим примером для молодого поколения.

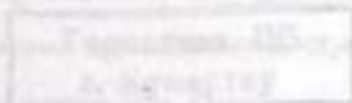
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Геродот. Истории. М.: Изд-во АСТ, 2006. С. 242 — 243.
2. Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Сиянташта: археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992.
3. Рахимкулов М. Первый роман о Салавате. Вечерняя Уфа, 10 апреля, 1996.
4. Башкортостан. № 41, 1999. Перевод Р. Вахитова.
5. Башкортостан. № 38, 1999. Перевод Р. Вахитова.
6. Сидоров В. В. Был героем Салават. Уфа: Китап, 2003. С. 205 — 207.
7. Наш Салават. Уфа: Башкирское изд-во, 1973. С. 54 — 61.
8. Башкирские предания и легенды. Уфа: Башкирское изд-во, 1985. С. 147.
9. Русская родословная книга / Сост. П. Долгоруков. СПб.: Русская старина, 1873.
10. Агидель. № 7, 2006. С. 173 — 179.
11. Башкорт халык ижады. Т. 5. Уфа: Китап, 2000. С. 254 — 288.
12. Гвоздиков И. М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа: Башкирское изд-во, 1982. С. 188.
13. Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Сост. А. Н. Лозанова. М., 1935. С. 212 — 215.
14. Ватандаш. № 7, 2007. С. 169.
15. Тоймасов С. У. Восстание 1773—1774 гг. в Башкортостане. Уфа: Китап, 2000. С. 120.
16. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи. Ч. 2. Кн. 1. СПб., 1770. С. 60.
17. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 9. Уфа: Китап, 2001. 304 с.
18. ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 371.
19. Агидель. № 6, 2000. С. 126.
20. Документы ставки Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М.: Наука, 1975. С. 254.
21. Идрисбаев М. Юлай улы Салават // Шонкар, б/н. 1993. С. 67 — 75.
22. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 147. Л. 8.
23. Хурмишин И. Ш. Формирование теплогенеративного процесса и лечебных факторов курорта Янгантау. Уфа, 2007. С. 92.
24. Материалы по истории БАССР (далее МИБ...), Т. 4. Ч. 2. С. 595.
25. Сидоров В. В. Был героем Салават. Уфа: Китап, 2003. С. 45.
26. МИБ. Т. 6. Уфа, 2002. С. 644.
27. МИБ. Ч. 1. С. 390.
28. МИБ. Ч. 1. С. 439.
29. МИБ. Т. 6. С. 392, 615.
30. Паллас П. С. Указ. соч. С. 245.
31. МИБ. Т. 6. С. 371.
32. МИБ. Т. 1. С. 405.
33. МИБ. Т. 6. С. 644.
34. Ватандаш. № 9, 2007. С. 79.
35. МИБ. Т. 1. С. 386, 394.
36. МИБ. Т. 1. С. 329.
37. МИБ. Т. 6. С. 401.
38. МИБ. Т. 6. С. 592, 615.
39. МИБ. Т. 1. С. 386.
40. МИБ. Т. 1. С. 396.
41. МИБ. Т. 1. С. 483 — 488.
42. МИБ. Т. 1. С. 493 — 494.
43. МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 128.
44. МИБ. Т. 1. С. 381.
45. МИБ. Т. 3. С. 253.
46. МИБ. Т. 3. С. 25.
47. МИБ. Т. 1. С. 445.
48. МИБ. Т. 6. С. 220.
49. МИБ. Т. 6. С. 215.
50. МИБ. Т. 6. С. 661.
51. Агидель. № 6, 2000. С. 110 — 122.
52. Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов. Уфа: Башкирское изд-во, 1975. 495 с.
53. МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 345.
54. МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 371 — 373.
55. МИБ. Т. 1. С. 9.
56. МИБ. Т. 1. С. 362.
57. МИБ. Т. 3. С. 494.
58. МИБ. Т. 6. С. 371.
59. МИБ. Т. 3. С. 513.
60. Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа: Научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 1996. С. 350.
61. МИБ. Т. 1. С. 404.
62. МИБ. Т. 6. С. 643.

63. МИБ. Т. 4. Ч. 2. С. 595.
 64. Башкортостан. № 151—153, 156, 157, 159. 1996.
 65. Башкортостан. 1999. 16 июля.
 66. ЦГИА РБ. Ф. 473. Оп. 1. Д. 530.
 67. Башкортостан. № 115. 1999.
 68. Башкортостан. Историко-культурный энциклопедический атлас. М.: Уфа: Изд-во ДИК, 2007.
 69. Нефедов Ф. Д. Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом. Салават — башкирский батыр // Русское богатство. X, 1880.
 70. Пугачевщина. М.: А., 1926.
 71. Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Л., 1961.
 72. Гвоздиков И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа: Китап, 1999. 510 с.
 73. Вопросы истории. № 4. 1996. С. 120—121.
 74. Труды ВЭО. Ч. 7. 1767. С. 111—112.
 75. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб., 1799. С. 91.
 76. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 148.
 77. Вахитов Р. Ш. Под крыло двуглавого орла. Уфа: Китап, 2007. 376 с.
 78. Вахитов Р. Ш. Пчелы и люди. Уфа: Башкирское издательство, 1992. 228 с.
 79. Агидель. № 12. 2002. С. 95—104.
 80. Агидель. № 1. 2003. С. 149—152.
 81. Вахитов Р. Ш. Родина Салавата в названиях и именах // Ватандаш. № 12. 2002. С. 111—116.
 82. Вахитов Р. Ш. Шежере Салавата // Ватандаш. № 11. 2004. С. 193—204.
 83. Злобин С. П. Салават Юлаев. Уфа: Китап, 2004.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	5
Глава I. Народный герой и национальная идея	15
Глава II. Салават и память о нем	35
Глава III. О чем поешь ты, Салават?	54
Глава IV. Род Салавата в башкирских эпосах	67
Глава V. Родина Салавата в названиях и именах	84
Глава VI. Предки Салавата	127
Глава VII. Взгляд со стороны на шежере Салавата	160
Глава VIII. Семья и потомки	173
Глава IX. Когда же родился Салават?	193
Глава X. Торжество побед и горечь поражений	200
Глава XI. Пугачевщина в гримасах истории	223
Заключение	242
Список литературы	244

Художественное издание

ВАХИТОВ Радик Шакирович

ШЕЖЕРЕ САЛАВАТА

Редактор Хайретдинова Э. Р.
Художественный редактор Мухамидуллин А. Р.
Художник Ефименко С. М.
Технический редактор Чангизова Э. Г.
Корректоры Бондаренко Р. А., Гупова Г. Н.,
Черепяева А. М.

Сдано в набор 29.04.08. Подписано в печать 30.05.08. Формат 84×108 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Балтика. Усл. печ. л. 13,02+0,42 вкл.+0,21 форз.
Усл. кр.-отг. 15,96. Уч.-изд. л. 14,25+0,43 вкл.+0,38 форз.
Тираж 2000 экз. Заказ № 1.0091.08.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
«Башкирское издательство "Китан" имени З. Биишевой»,
450001, г. Уфа, ул. Левченко, 4а.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
«Уфимский полиграфкомбинат»,
450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.

